

МАКСИМ ШАРДАКОВ

Сильнее «ГРАДА»

Жизнь избрала их борцами

Максим Шардаков

СИЛЬНЕЕ «ГРАДА»

Издано при поддержке
Министерства культуры Пермского края

Очёр
2023

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос – 4Пер)
Ш 25

Печатается в авторской редакции

Шардаков, М. А.

Ш 25 Сильнее «Града» : [сборник рассказов и очерков] / Максим Алексеевич Шардаков. – Очёр : Центральная библиотека Очёрского городского округа, 2023. – 221 с.

Персонажи рассказов и очерков Максима Шардакова – жители Прикамья, участники Великой Отечественной войны, локальных военных конфликтов, Специальной военной операции и просто герои в мирной жизни. Книга ориентирована на патриотическое воспитание молодого поколения, также будет интересна педагогам, библиотекарям, краеведам и всем, кто интересуется историей.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос – 4Пер)

© Максим Алексеевич Шардаков, 2023

© МАУК «Центральная библиотека Очёрского городского округа», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя.....	4
Рассказы.....	5
Святые образа.....	6
Всё живое – за нас	36
Встреча в партизанском лесу	68
Где-то в Елани.....	81
Душа неувечная.....	87
Спеховцы	99
Прабумер	112
Точное название.....	138
Разные поруки	148
Сильнее «Града».....	1599
Дед Очёрин	161
Неразорванное братство	169
Очерки	181
Время «Ночных ведьм»	182
Маленький комиссар большой войны.....	188
Несломленный	195
Герой неоконченной войны	203
Обойма качеств полковника Марканова.....	210
Автор благодарит	221

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Перед вами плод совместной работы автора этой книги Максима Алексеевича Шардакова и специалистов Очёрской центральной библиотеки. В этом сборнике мы объединили рассказы и очерки о наших замечательных земляках, чьими делами восхищаемся, о чьём подвиге помним и хотим, чтобы помнили наши дети и внуки.

Книга издана при поддержке Министерства культуры Пермского края в рамках проекта «Время героев». Его цель – популяризация в среде подростков Пермского края современной героико-патриотической краеведческой литературы. В рамках этого проекта мы провели целый ряд встреч со школьниками и студентами, во время которых читали им вслух эти рассказы, говорили об их историческом контексте, обсуждали поднятые в них темы. Как показала практика, эти произведения находят горячий отклик в сердцах молодого поколения, а значит работа проделана не зря.

Мы готовы поделиться материалами для проведения патриотических мероприятий по этой книге со всеми, кому это может быть полезным – учителями, педагогами дополнительного образования, библиотекарями, руководителями детского чтения. Скачать книгу в электронном варианте и все методические наработки к ней можно [по ссылке](#) или по qr-коду.

РАССКАЗЫ

СВЯТЫЕ ОБРАЗА

Фёдору Сергеевичу Вострикову

Спина как серп у бабы Катерины.
Хлебнула бед за век дремучий свой:
Из Курска муж, а сын из-под Берлина
Вернулись похоронками домой.
Кого угодно боль такая свалит.
Она не помнит, как пережила,
Лечили раны ей ржанные дали
Да бабки-вековухи из села.
Родных солдат, войною убиенных,
Вдова не забывала ни на миг.
Как трудно было Родине – в три смены
И за себя трудилась, и за них.
Когда луна калитку припорошит,
Выплакивала горюшко ветле.
И незаметно, как под тяжкой ношей,
Всё гнулась, гнулась к матушке-земле.
Во сне себя красавицей видала,
А рядом парень – вороха кудрей!
О, как она мучительно страдала,
Старухой просыпаясь на заре.
Смахнув слезу рукою крючковой,
В корыто снова пичкала белье...
А со стены, не старясь, два солдата
Смотрели виновато на нее.

Ф. Востриков «Вдова»

Баба Саша всегда просыпалась рано, ещё до рассвета. И прежде чем взяться за повседневную работу, каждое утро исполняла привычный обряд: тяжело опускалась на колени и начинала молитву – в четверть голоса, чтоб не разбудить домочадцев,

изредка, где полагается, отбивая поклоны. Ту самую молитву, слова которой знакомы не только верующим, но, думается, и большинству атеистов. Ну, хотя бы её первые строчки – уж точно:

– Отче наш, иже еси на небеси...

На белёной стене, куда лицом обращалась она во время молитвы, над старинной кроватью с шарами и жёсткой панцирной сеткой и над таким же старинным лубочным ковриком с оленями, висела простенькая, без

Леонид Николаевич Шардаков

оклада, икона Николая Чудотворца. А рядом – хотя, конечно, и не вплитрку, на деликатном расстоянии, которое издревле на Руси называют «рукой подать» – рисованный карандашный портрет симпатичного юноши в военной форме.

Вид у солдатики бравый: лихо надвинутая на брови ушанка со звездой, из-под расстёгнутой на две пуговики гимнастерки выглядывают полосы тельняшки. Гвардейский и комсомольский значки будто впились в выпуклую молодецкую грудь.

Но и святой сосед его тоже не пентюхом выглядит: всё-таки сурового уральского письма – строгий, в пурпурной фелони¹ с крестами, словно витязь древнерусский. По стати самому Егорию Победоносцу не уступит!

Баба Саша глубоко религиозной, до конца воцерковлённой никогда не была. Просто верующей. Оттого и соседство образов воина земного и воина святого пусть читателя не удивляет. Никакого кощунства здесь нет и в помине, потому что оба они давно уже на небе, а Никола Угодник для бабы Саши хоть и любимый святой, однако всего лишь икона, а вот солдат на рисунке – плоть от плоти родная кровиночка. Сын. Лёня...

Лёня был её первенцем. Баба Саша помнила его совсем маленьким и чуть подросшим, смеющимся и

¹ Фелонь – верхнее богослужебное облачение православного священника

плачущим, смышлёным и заботливым, шаловливым и послушным, в замызганных после игры в футбол единственных ботинках и в белой, не раз ею штопанной, рубашке с пионерским галстуком. А таким, как на портрете – рано возмужавшим, пахнущим войной и смертью бойцом – не видала вовсе. И уж не суждено было...

Хотя, быть может, Лёня таким, как она его помнила, и оставался, когда позировал. Вполне возможно, что поднаторевший на фронтовых портретах неизвестный художник специально, по просьбам солдат, придавал побольше мужества и воинственности зелёному молодняку, только что прибывшему с пополнением на фронт. Пририсовывал несуществующие усы или чубчики к наголо обритым головам, суровил брови, удваивал толщину шей и ширину груди, умело ретушировал детский наив в глазах, заменяя его винтовочной пронзительностью лютой ненависти к врагу.

Но у Лёни на портрете даже ненависть не получилась. Когда баба Саша взглядывала на стену, оттуда на неё со знакомым застенчивым прищуром и всегда готовыми к доброй улыбке пухлыми губами неизменно смотрел всё тот же мальчик, милый сыночек, который, словно шутя и красуясь, надел отцовскую гимнастёрку...

Молитвой разговор с сыном у бабы Саши только начинался. Весь божий день она в мыслях, а иногда и вслух – пока домочадцы спали или уходили на работу, обращалась к Лёне, советовалась с ним, рассказывала

ему последние новости, шутила, жаловалась, но чаще – тихо плакала. И так каждый день на протяжении полувека. Сумасшедшая, скажете? Ох... Тогда сумасшедшими придётся называть почти всех русских женщин, потерявших на войне мужей, отцов, братьев, сыновей, но так и не свыкшихся с тяжёлыми утратами. Они, как и баба Саша, говорили и говорили со своими любимыми мёртвыми. И, думается мне, мёртвые тоже в ответ не молчали, тем самым поддерживая огонёк лампадки жизни у тех, кого они навсегда покинули...

Баба Саша всю жизнь прожила в просторном доме, откуда уходил на войну её Лёня. Тут каждый уголок напоминал ей о сыне. Резной комод, на боковине которого нацарапан танк со звездой – после фильма «Трактористы» все мальчуганы мечтали стать танкистами. Крутая лестница на второй этаж: с неё однажды упал зарезвившийся Лёня, но не заплакал, терпел – будущие солдаты не плачут. Кухонный стол: его расшатавшиеся ножки однажды ловко и умело починил сын – и после этого отец, не поймёшь – шутя или всерьёз, навсегда закрепил за Лёней почётное место во главе стола. Русская печь, на которой сушилась вечно промокшая Лёнина одежда: он же, как и вся очёрская ребятня, с улицы не вылезал.

Печка, печка... Аккуратной горúшкой, источая ла́данный смолистый дух, лежат сосновые полешки. С завитков бересты стекают на пол капельки-оттаинки.

– Это ж твоя, Лёня, была забота – дрова да печка-то, – тихо всхлипнув, заговорила баба Саша. – Пилили с отцом – бывало, такие бревнища осиливали! Уж пот у

тебя из-под шапчонки струями бежит, а ведь всё стараешься не отстать от отца, дёргаешь туда-сюда за ручку пилы-то, а он ещё подзадоривает: дескать, пуще шуруй! А сам, хитрован, улыбается, потому как по самому-то низу, где дерево, он волокёт, а тебе даёт поверху тащить, чтоб ты не шибко умаялся.

Баба Саша нащепила тонкой лучины на розжиг и запалила огонь. Очажки пламени весело заплясали и мелкими ящерками заизвивались на дровах – гудящей тягой их потянуло внутрь печи, которая быстро запахла чудной смесью старой золы, сушёного шиповника и сухих валенок. Кот Пушок, сонно взмуркивая, с ленивым недовольством отодвигался от горячей стенки, вытягивал в сладкой истоме когтистые лапы и зевал до хруста, обнажая ребристое нёбо мелкозубой пасти. Далеко не уходил – чуял, пройдихвост, запах верного угощения!

– Колоть-то тебя тоже отец учил, Лёнечка, – вздохнула баба Саша и вдруг по-старушечьи захихикала. – И до чего смешно было! Годков восемь тебе всего минуло, а колун-от дедовский – с полпуда весом, не каждый и взрослый подымет. Полено из дровяника выкатил – больше тебя самого, кряхтишь, ножонки раскорячил, а топор вздеть силёнок не хватает. Заревел во весь голос! Вот отец и сходил на завод, где смастерили тебе колунешко – ладный, ухватистый, чисто игрушечный. Всё ладом отец тебе показал, что да как, а ты, на него-то глядячи, быстрёхонько наловчился: тюк да тюк – и готова поленица...

Печь заохала, заворчала, словно страдающая ревматизмом бабка, что вечно приговаривает: дескать, что бы вы без меня, кормилицы, такие-сякие, делали. Зашумела властно: казалось, приделай колёса или полозья – и поедет она, гремя колосниками¹ да заслонками, прямо к прудовой проруби за емелиным счастьем...

– Вот я шанежки испеку, как ты любишь – с поджаристым бочком. Или рыбник затеять?

Баба Саша вспомнила, как Лёня кисточкой из куриного крыла размазывал янтарь топлёного масла по румяному рыбному пирогу. Сам ведь заудил на мельничной плотине леща-желтяка и гордо нёс его не в садке, а на вытянутых руках, чтобы вся улица видела. Для бабы Саши, выросшей на Печоре, где за рыбу, кроме сёмги, любую другую не считали, килограммовый лещ – экая невидаль. Но никогда она не насмехалась над юным рыболовом, таскавшим с речки и пруда то окуньков с ёршиками, то сорожек с язятами, а иногда и щучонку зацепит. На Печоре-то любой неумёха поймает, если совсем не лентяй-лежебока, бесхитростная рыба сама в руки просится, а в Очёре она на сковороду не торопится – по части ума да сноровки рыбаку вровень. Да хоть и мелка рыбёха, но приварок к столу был путящий – голодно ведь порой жили, бедненько...

– Куры-то, Шура, ах негодницы какие! – в кухню ветром влетела старшая сестра бабы Саши Аннушка – худая, со сгорбленной, будто серп, спиной, но очень

¹Колосник – элемент колосниковой решётки в печи

подвижная старушка. – Калитку-ту пошто не заперли? Ймай их теперь, бесконвойных...

– Что? – рассеянно отвлеклась от дум баба Саша.

– Да курицы, говорю, опять в побег ушли!

В начале тридцатых Аннушка, как кулачка, была репрессирована. Молодая, наивная баба из глубинки отломала на неуютных северных лесоповалах очень длинный для такого климата «пятерик», натерпелась да повидала всякого. Заматерела или, скорее, омужичела – поэтому в её лексиконе частенько проскальзывали подобные выражения и словечки, от которых, порой, даже отпетая очёрская шпана гоготала с жеребьячим восхищением: «Во жжёт, бабуля!» Однажды Аннушку принесли в барак в беспамятстве, с проломленной головой – ударило сорвавшимся со штабеля бревном. С тех пор её считали немного не в себе, блаженненькой, однако при таком положении ругать и костерить могла она кого угодно: хоть куриц, хоть шпану, хоть Советскую власть...

Баба Саша махнула на Аннушку рукой, с улыбкой поглядела на портрет, коротко пожала плечами, будто извиняясь перед сыном за случайно прерванную беседу:

– Аннушка кипит! Не подпускает меня к чёрной работе – бережёт как встарь. И огород, и скотина – всё на ней. А уж строгущая какая – сама её боюсь. Сам-то, поди, тоже не забыл ещё её крапивный веник?

В начале 30-х, когда отца бабы Саши вместе с Аннушкой кинули на лесоповал, её муж Николай попытался заступиться за родственников, но сам угодил за решётку. Он во главе особого отряда бился с остатками белогвардейских банд, которым на дремучем Севере числа не было, приходилось каждого варнака выковыривать из-под пней – с кровью, с бешеной пальбой. Узнав, что тесть арестован, Николай больше ста вёрст проскакал на лошади, нашёл уполномоченного ОГПУ¹, взял его за грудки: «Ты что же, вражина, делаешь? Красного партизана арестовываешь! У него и сейчас два сына в Красной Армии служат. Немедленно выпусти!» Однако гэпэушник потянулся к кобуре за наганом, и дюжий Николай так сжал ему руку, что переломил в предплечье. Потом, расталкивая охрану, пошёл по камерам искать родных – тут-то его и повязала подоспевшая подмога. Зная, что за такой проступок по головке не погладят – и его могут жизни лишить, и семье горюшка перепадёт – муж бабы Саши на первом же свидании сказал ей: «Шурочка, родная, бери детей, про барахло забудь – бросай всё к чертям, запрягай моего коня и, не мешкая, гони на юг, до самой Чердыни! Дождёшься парохода и – вниз по Каме, до Оханска, добрые люди подскажут, а там и до Очёра, моей родины, всего ничего – там не выдадут!»

До этого баба Саша дальше своего захолустного зырянского села, что затерялось в дремучем раменье на

¹ ОГПУ – Объединённое государственное политическое управление при СНК СССР – специальный орган государственной безопасности СССР.

самых верховьях Печоры, никуда не ездила. А тут сразу такая дальняя дорога – впопыхах, с двумя маленькими детьми, в полную неизвестность. До Чердыни пробирались лесными дорогами, по которым ещё в строгановские времена купцы товары на севера возили – тяжёлые дороги, вязкие, среди гиблых болотин да тёмнущих урём¹. Каждую минуту ждёшь-пождёшь: или зверь нападёт, или душегуб-ушкуйник² наскочит – там они из веку хозяевами были. Пронесло...

В Чердыни бабе Саше с двумя умаявшимися ребятишками – Лёней и Лизой – свезло очутиться на старом колёсном трудяге-пароходишке, какие ещё при царе Горохе мастерили в Пожве. Капитан, увидав, какими чучелами огородными они из лесу выползли – оборванные, захлюстанные, почти убитые долгой дорогой, освободил для них служебную каюту, чтоб отмылись да выспались.

– Ой, мы с Лизаветой как на палубу взошли, так и пали мёртвым сном. А ты увидал пароход-от, диковинную такую машину, глазёнки вылупил, пальчик в нос засунул – стоишь, любишься. А потом как давай шнырять – куда и усталость подевалась. Всё, что можно было открутить, – отвернул, в каку дыру и кот башку не пропихнёт – Лёня пролез. На верёвках каких-то висел, качался – я только и гляжу, как бы за борт не скувыркнулся...

¹ Урёма – мелкий лес и кустарник, растущий в низменных долинах рек

² Ушкúйник (*устар.*) – пират, речной разбойник

А тут и капитан к тебе подошёл, за подбородок взял, улыбнулся так по-доброму и обращается к тебе, как к взрослому: «Товарищ матрос, непорядок! Выпей-ка сопельки да айда со мной за штурвал. Сам поведёшь судно, а я чего-то уморился – подремлю пока... Ну как, сдюжишь или с мамкой останешься?»

Какая там мамка – сразу про мамку-ту забыл! Полетел за ним в эту, как её... рубку, за колесо схватился – вдесятером не оторвёшь! Капитан тебе сундук под ноги подставил, чтоб видно было, куда плыть – ты ж от горшка два вершка был, пять годочков всего. Ведь до сумерек простоял ты там, не шелохнувшись, как солдат на часах, пока тот не скомандовал тебе: «Товарищ матрос речфлота, вахту сдать!» А только рассвело, ты, Лёня, опять уж там нюхаешься, в окошки заглядываешь, в двери скребёшься, словно щеночек, что в тёплую избу из сеней просится: пустите, мол, опять порулить...

Старый капитан с первого взгляда полюбил смышлёного мальчугана – подкармливал Лёню, объяснял корабельное устройство, книжки ему читал с картинками. А уж когда дал за рычаг потянуть, после чего Камская ширь огласилась протяжным рёвом судового гудка, Лёня от него уже ни на шаг не отходил.

– Капитан-то тебя уму-разуму учил, – с улыбкой вспомнила баба Саша. – А вот матросы, прощелыги такие, наоборот – курить да матюкаться. Ты тогда и по-русски-то ещё совсем мало наострился – всё на зырянском норовишь – коть да моть, а тем смешно, ржут как кобыляки – а давай, дескать, ещё. А потом сунут

тебе в губёшки чинарик замусоленный и наставляют: нет, Лёнька, по-русски надо вот так, мол, и так разговаривать... Ну и научили, матькуны, что, дескать, этот крючок называется на «хэ», эта хреновина – на «жэ», и всё в таком премерзком духе! А ты и рад стараться, на весь пароход за имя срам повторяешь – и рот до ушей! Я матросов-от чихвостю: дескать, вы чему, полосатики, малого парнишонку-то учите? А они мне: мол, это наш муштинский корабельный язык, и ты, баба, не лезь.

Но капитан однажды услышал, как забавляется его команда, и высыпал матросам внеочередных нарядов на всю навигацию вперёд. Пока плыли до Оханска, Лёня, благодаря новому другу, бойко заговорил на русском, освоил чтение и счёт – на лету все премудрости схватывал. Бабу Сашу капитан каждый день просил-уговаривал:

– Отдай ты мне его, Александра! Тебе одной не прокормить пацана, не уберечь... А я из него человека сделаю, выучу в Москве или Ленинграде на инженера либо морехода. Сыновей моих ещё в Германскую поубивало, а внуками Бог не успел одарить. Жизнь свою остатнюю положу, чтобы в первые люди Лёню вывести!

– Да как, говорю, товарищ, родное дитё взять и отдать, словно кутёнка из-под сучки отнять – в своём ли вы уме? Я усищи ему была готова повыдергать, до чего рассердил он меня, Лёня, — вспомнила баба Саша своё негодование. – А ты услышал нечаянно да как кинешься ко мне, прижался: «Мамка, не отдавай меня! Мамка, не хочу!». И как вцепился кулачками мне в юбку, так и не

разжал, пока в Оханске на пристань не сошли. Капитан-то, запомнила как его звать да по батюшке величать, уж больно горевал – так ему жалкуще было с тобой расставаться. А ведь прав был он – не уберегла я тебя, милый сын...

Похоронка на Лёню пришла 9 мая, когда весь Очёр, услышав долгожданное сообщение о Победе, радовался, ликовал, обнимался, плясал под гармонь, а если и плакал, то от счастья. Хотя многие всплакнули и по своим родным, тем, кто пал смертью храбрых или умер от неимоверной натуги у станков и на пашне. И только одна женщина ревела в голос нечеловеческим воем, и счастливые люди не понимали, отчего так страшно и безысходно рыдает баба Саша...

– После похоронки уже не ждала тебя, прости меня, Лёнюшка, – баба Саша утёрла мокрые глаза платочком. – Сердце прихватило тяжёлым приступом прямо на работе, ещё тогда, в апреле: так сжало тисками, что слезы брызнули, и я даже дышать перестала...

«Что с тобой, Шурочка?» – спрашивали бабу Сашу подруги и – в страхе отшатывались! Горемычные женщины-солдатки, они знали, что это за приступ. У каждой из них в войну вот так же вдруг ёкало сердце, когда где-то далеко падал, будто споткнулся, их сынок или суженый. Падал в чужую землю, навсегда – и могильного холмика не сыщешь. Да и есть ли она, могилка-то...

– Хоть минуточку посидеть бы на твоей могилке, Лёня! – баба Саша уже не плакала. – Прибраться,

цветочков посадить – ландышей, каких ты любишь... Или поди там, в Австрии, и без того много цветов?

После того страшного боя в предгорьях Альп тех, кто способен был вырыть могилу, почти не осталось. Горстка молодых десантников приняла на себя всю мощь удара гитлеровской группировки, отчаянно стремившейся вырваться на Запад, чтоб сдаться американцам. Эсэсовцы, натворившие за войну таких бед, что попадать в плен Красной Армии им было просто невыносимо – стыдно и страшно, до бровей накачанные шнапсом и обвешанные оружием, орущей оравой с неистовым упорством пёрли прямо на пулемёты. И когда эту нечисть всё-таки уничтожили – всех до единого, до последнего гитлеровского выплевка – на поле боя осталось лежать два десятка крепких молодых пацанов в тельняшках: почти все – земляки из Прикамья, и все – 1925 года рождения. Двадцать двадцатилетних красавцев-парней одного призыва, что не успели даже поцеловать и понюхать женщину, но зато вдосталь нанюхавшиеся пороха и трупного смрада. Двадцать парней-пермяков – на пороге Победы, за один день, за один бой, в одну братскую могилу...

Весь перераненный, истекающий кровью, сомлевший от усталости сержант, на глазах которого погиб Лёня, из последних сил затащил его тело в пообвалившийся окоп, ладонями зарыл боевого друга в шар земной и потерял сознание на его могиле.

– Сыночка мой ненаглядный, да ты как чувствовал, что не вернёшься живым, – баба Саша, опустив руки, прислонилась головой к печке. – В последние-то

денёчки, как повестку принесли, всё от меня не отходил ни на шаг. Воду несёшь – ведра отнимаешь: дай, говоришь, помогу. Возьмусь пряха – ты, будто котёнок, у ног моих сядешь и клубочком играешься. Я на работу – ты за мной хвостом: позволь, дескать, провожу. Тебе б с девушками погулять, как все рекруты, винца зелёного испробовать, а ты с матерью... Ровно бы как прощался со мной.

Лёня не был наивным романтиком, он знал, на какую страшную войну идёт, и не питал на этот счёт никаких иллюзий. За чужими спинами прятаться не был приучен, поэтому сердцем чувствовал, что домой уже не придёт. Он не боялся этих предчувствий, с христианским смирением и вместе с тем с комсомольской решимостью понимая, что так надо, что пришёл его черёд.

Своими невесёлыми думами Лёня поделился только со своим младшим братишкой Лёшкой, что оставался единственным мужчиной в доме. Пятилетний мальчуган, шмыгая носом, старался не проронить ни слезинки, слушая брата – своего первого детского кумира, которого беззаветно любил и уважал, старался копировать во всём.

Лёшка вместе со всеми провожал Лёню до станции Верещагино, где формировались эшелоны с маршевыми батальонами. Так и шагали они пешком все 25 километров: старший – статный, почти двухметровый красавец – говорил, наставлял, учил уму-разуму напоследок, а младший – несмышлёныш, мужичок с ноготок – держался маленькой ручонкой за мизинец

брата и всю дорогу крепился, чтоб не зареветь, словно понимал, что провожает Лёню в последний путь...

Осенью 1946 года в двери дома бабы Саши постучал молодой человек в солдатской форме – высокий, широкоплечий, улыбчивый. Совсем как Лёня. Только постаревший лет на десять и весь пропитанный неистребимым госпитальным запахом. Простой парень с Алтая Вася Сечкарёв исполнил свой долг перед боевым другом, о котором они с Лёней условились, как это часто бывало на войне: в случае гибели одного, другой навещает его родных.

«Простите, тётя, за Лёнчика, не уберёг. Не печальтесь сильно, забудьте. Жаль товарища такого хорошего», – как мог, по-простецки, Василий пытался утешить выплакавшую все глаза мать и, отведя взгляд в сторону, сам не сдержал слёз, выложив перед ней нехитрые фронтовые пожитки сына: затасканные в боях и окопах медали, измятые письма и фотокарточки, застиранную до дыр тельняшку и... тот самый карандашный портрет, что до самой смерти бабы Саши будет висеть над её кроватью рядом с Николаем Угодником.

– Дай Бог тебе здоровья, Васенька, если жив ты, – баба Саша трижды перекрестилась на образ Чудотворца. – Всё ведь матери легче знать, что не в одиночестве Лёнюшка смерть принял – на миру, что не зазря погиб – товарищей спасал, что сразу его убило – не мучился. И хоть без молитвы, да всё ж по православному обычаю в земельку лёг. А мы уж тут сами как-нибудь вымолим ему царствие небесное...

Муж у бабы Саши был хоть и партийный, однако на её моления глядел снисходительно, никакого вреда в этом не усматривая. Он сам так считал и Лёню учил: дескать, все эти религия, иконы да молитвы – дело бабское, и нам, мужикам, лезть туда не след. Но Лёню не только семья воспитывала – всё-таки уж двадцать лет Советская власть стояла, а другой он не ведал. Поэтому, бывало, поучал мать:

– Мам, да ведь нет Бога-то! Ты же взрослый человек – грамотная, телеграфистка, книги читаешь...

– Нету-нету, сыночка! – нарочно соглашалась баба Саша. – Это я так, не всерьёз, по привычке.

«А может и, правда, нет его?» – всё же временами посещала её робкая крамольная мысль. Баба Саша с немим вопросом пристально вглядывалась в лик Николы Угодника, но тот, чудилось ей, отводил глаза и пожимал плечами: «Хочешь – верь, хочешь – нет! Твоя девичья воля». «Тьфу! – баба Саша смахивала наваждение и истово крестилась. – Бес попутал! Как же без Бога-то? Не может его не быть!». И снова с укоризной обращалась к Николе: «А ты бы не крутил, а сказал ладом! Такая жизнь пошла – разве разберёшься?»

Когда сын и муж один за другим ушли на фронт, бабе Саше казалось, что Бог не услышит её жалкие молитвы из маленькой комнатухи занесённого снегом домика, что затерялся в самой глубине России. Сколько

их, домов таких – что звёзд на небе, сколько молящих денно и ночью, на все лады и языки, и от этих причитаний у Господа-то, поди, уши закладывает? И все просят: спаси и сохрани - ведь сохрани, ведь столько народу воюет и гибнет! Не поспевает Бог за войной: пока одного-второго спасёт – десять других убьют. Война-то, что бес лукавый, порасторопней Его будет в своём злобстве. Она как бирюк голодный – жадно пожирает живую плоть, хватает пастью, рвёт клыками, мнёт лапищами когтявыми. Кого насмерть, кого искалечит – ей всё равно. И просторно-то как, аж глазищи, дьявольским пламенем плотоядно горящие, разбегаются – людей-то много...

Поэтому, как решила баба Саша, в лихолетье военное молиться лучше в храме Божьем – их на Руси мало осталось, их-то Бог точно все наперечёт знает. Или, ещё лучше, пусть за Лёню похлопочет тот, кого Господь уж без сомнения услышит – слугитель Его...

Но в Очёре храмы давно поразорили, священников – кого расстригли, а кого расстреляли: молитесь, православные, кто где хочет и кто во что горазд. До ближайшей действующей церкви путь был неблизкий – 20 вёрст, в деревеньку Ромаши. Батюшка там, говорили, хороший: и пеун славный, и утешитель. Баба Саша и все сорок бы на крыльях пролетела, да кто с работы-то отпустит? Война – она ж без праздников и выходных. Но однажды, придя с дежурства, баба Саша вместо отдыха да отсыпу, вышла на пыльный тракт и присоединилась к кучке ветхих старушек, что с клюками да посошками,

поддерживая друг дружку под ручки, семенили торённой дорогой в Ромашовскую церкву.

Зайдя в храм, баба Саша отсчитала медяки на свечку и вдруг с ужасом заметила, что стопочка заупокойных бумажек на полочке раза в три толще заздравных.

– Ну какое там, мать, здравие, на войне-то... Один сплошной упокой, – вздохнул священник, заметив испуг прихожанки. – Но Бог милостив! И не суди его помирски: Господь – он не доктор и не токарь на заводе – к нему счёт другой. Кого сумеет – оборонит!

Отец Георгий ведал не только обряды. Как он говаривал: «Просто так кадилом махать – можно и дурачка с паперти позвать!» Службу пастырскую он понимал шире: мудр был, учён и к душам страждущим тепло расположен. А хороший поп – такая же редкость, как хороший, к примеру, врач или учитель.

Ликом батюшка был не так благообразен, как душою свят: лицо его наискось рассекал уродливый шрам, полученный от самурайского меча ещё в русско-японскую, когда отец Георгий носил не рясу, а чекмень¹ казачьего сотника. В молодости забывавший и лоб-то хоть раз в день перекрестить, после буревых кавалерийских атак под Ляояном дал себе клятву: останусь жив – всего себя Богу отдам. А у Господа промысел, как известно, верный. Особенно, по подбору кадров.

¹ Чекмёнь – суконная верхняя мужская одежда халатообразного покроя, реже в виде кафтана или полукафтана

Отпевавший в Гражданскую и белых, и красных, а бывало – и перед одной для всех общей братской могилой, отец Георгий даже не спросил бабу Сашу – крещён Лёня или нет. Если бился за Отечество – считай окрещён, а уж ежели пал за него – святой! И если так не думать, не верить в это, то вообще зачем нужна она, эта вера...

– Экая беда, что комсомолец. Не фашист ведь и не бандеровец! – с ласковой улыбкой успокоил батюшка. – Это тем нехристям ни здравия, ни упокоения веки вечные не будет. А комсомолия да коммуния – почитай, что святое воинство. Да-да – не пучь глаза-то, не удивляйся! Вроде не по сану мне говорить этакое, но кривить душой не умею: не одолеем врага без них – ты уж мне поверь, раба Божия Александра...

– Вот оба вы у меня там уже, комсомолец и коммунист! – вздохнула баба Саша, подумав о сыне и муже, и перекрестилась. – Прости меня, Лёнечка, прости, милый сын, что всегда молилась за тебя. Плоть твою не уберегла молитвой-то, зато душу Господь спас! Ведь так?

Она с надеждой поглядела на портрет Лёни, и вдруг явственно поблазнилось ей, аж мурашки ветерком по коже пробежали, что сын краешками губ не приметно улыбнулся: мол, не волнуйся, мамочка, всё так. А Никола Угодник слегка кивнул, словно подтвердил...

Рай бабе Саше представлялся зеркальным отражением земного порядка на небе: те же пруд огромный, бор сосновый, ширь полей, избы красивые в

дорогом убранстве – жить-то да спать и в раю надо где-то. Однако вдосталь всего, побогаче, чем тут, особенно насчёт одёжи и харчей. Солнышко яркое да месяц ясный – рядышком, можно рукой погладить. Но, главное, нет плохих людей, а, значит, нет зла, войн и бед. Получается, вроде как курорт для душ праведников. Херувимы да ангелы – все в белых одеждах, будто доктора: и микстуры усладительной поднесут, и слово доброе, душу лечащее, промолвят. Хорошо-то как!

И так мечталось бабе Саше, никогда в жизни не отдыхавшей, побывать на этом курорте, и боялось-то ей, что путёвку отдадут другому в последний момент, зажмут как в заводском профкоме, скажут – недостойна, мол. Вот на будущий год посмотрим, а пока побудь на земле – поработай, помолись усерднее...

– Богу-то, поди, некогда за всеми приглядывать да нянчиться. Вот я бы ему и подсобила! Сама пятерых вырастила – мне нетрудно, – просилась на небо баба Саша.

Но первым на помощь Господу приглядывать за сыном, на белую бабышину зависть, ушёл её муж Николай. Он, конечно, сильнее устал: три войны прошёл, Советскую власть устанавливал в таких местах, где только волков морозят, там же и в лагеря угодил. Но больше оттого жить устал, что до последнего дня безутешно корил себя за то, что с последней войны вернулся он, а не Лёня.

Его портрет баба Саша тоже сперва на стену повесила, но потом сняла и держала в comodном ящичке. Не в силах была каждый день смотреть, как

растерянно и виновато муж глядел на неё с фотокарточки...

В кухню, настежь распахнув двери и напустив холодного воздуха, маленькими козликами вскачь ввалились внучата – Стаська да Макся. Оба сильно похожи на её Лёню, только один – чёрный, другой – белый. Тот был в их года пострел – только держись, а тут – оба-два! Попробуй, уследи – так и шустрят, так и зыркают шарёнками, где и как набаловать.

– Здрасте, баушка! – гаркнули мальчуганы и снова залетали по кухне, аж посуда загремела.

– Ну уж, нет, милые сыны, так не пойдёт! Давайте-ка поцелуемся как Брежнев!

Баба Саша сумела изловить обоих шалопаев в охапку, усадила на колени, и давай сочно целовать в губы по очерёдке – вот до чего обожала внуков, напоминавших ей сына. Те хихикали, уворачивались, ёрзали, а потом сами тянули губки трубочкой к доброму бабушкиному лицу – они ведь тоже её ой как любили!

– Ну-ка, марш на улицу, а то весь пол загаверзили! – весело скомандовала баба Саша, а тех уж и след простыл.

– Вот ведь оба, как вылитые, ты, Лёнечка! – улыбнулась она. – Помнишь, как весной ты на крыше слепил из снега танк и скатился на нем с высоты такой? Чуть руки-ноги не переломал, но довольнуший. Прямо как угадал – в десант этот треклятый взяли тебя... А эти-то тоже воют всё время: то дерутся, аж волосья клочьями летят, то мирятся да вместе фулюганье по улице гоняют. – Баба Саша выглянула в

окошко. – Вон чё вытворяют-то, глянь! Наеперили вёдра на бошки, крышками кастрюльными прикрылись и палками друг дружку лупастят – звон на всю округу! Лыцари какие, вот я задам им – крышки-то ведь не иначе из амбара уволокли, охальники. Не доглядела, Аннушка!

Но Аннушка бодрой для её годов рысцей уже выбежала за ворота и с помощью длинной берёзовой вицы прекратила побоище.

– Сладу нет с ними, но уж больно потешны, ребятки, Лёнюшка. Ласковые, уважительные, - умилилась баба Саша и, вновь выглянув в окно, мгновенно переменила тон. – Да что за напасть такая! Тебя, сынок, на них не хватает – дать укорот оглоедам. Чё опять удумали: Стаська козу верхом оседлал, елозит по острому хребту и даже не морщится. Как Будённый на параде! А Макся за котом с саблей погнался! Во-во – навернулся-таки, за шланг запнулся – так ему и надо. Хотел было заорать да передумал! Терпит – тоже в солдаты готовится... Да не дай Бог им в солдаты-то, да видно придётся, как и тебе. Что в мире-то дееется – страхи божьи! Как радио послушаешь – везде воют, бомбой *ядрёной* грозятся. Брежнев наш, тёзка твой, Леонид-от Ильич, не даёт супостатам по наши души лезть, но он ведь не вечен. Погляди-ка, моложе меня, а вона как скрутило, сердешного – едва и поймёшь, о чем лячкает. Всё война подлющая – тебе ли не знать, сыночка...

Брежнева баба Саша шибко уважала. Её брат в 43-м воевал на Малой земле, не раз видел Леонида

Ильича на самых опасных участках, под огнём. Рассказывал ей, как храбро вёл себя Брежнев в том крошечном аду, как грамотно и хладнокровно руководил боем, за что справедливо заслужил уважение бойцов-малоземельцев, которые ещё тогда говорили: «Этот не подведёт! Ильич не только полком, но и страной командовать сможет!» И это в то-то время, ещё при живом-то Сталине... Так что мнение таких героев, которые ни Бога, ни черта, ни Сталина, ни Гитлера не боялись и, оказалось, насчёт страны как в воду глядели, для бабы Саши кое-что да значило. Поэтому, когда Брежнева, уже престарелого и больного, ругали, кто во что горазд, смеялись над ним, она хмурилась и разговор не поддерживала.

– Ой, а чем бы ты у меня сейчас командовал, Лёничка? – покачала головой баба Саша.

Её Лёня с детства был заводилой среди ребят – и на проказы, и на добрые дела: что-то среднее между Тимуром Гараевым и Мишкой Квакиным. Как только началась война, ему как раз пятнадцать было, как и героям гайдаровской книжки. Лёня сразу организовал своих товарищей на сбор металлолома, водил их в леса по грибы да ягоды для фронта. Они по-тимуровски помогали солдатским семьям – также молча и тайно, словно стесняясь своей доброты. Но вся округа, конечно, знала, чьими руками наколоты дрова, прополоты гряды, принесена вода с колодца. И горе тому из хулиганов, кто посмел бы обидеть семью красноармейца: знали – Черкес не простит!

– Ох и прозвище тебе дали, Лёня! – с улыбкой покачала головой баба Саша. – Но поделом, ничего не скажешь. У нас в народе зазря не окрестят – Черкес ты и был. Чудили-то как, помнишь? Соседка со мной до сих пор сквозь зубы здоровается, всё никак забыть не может, как вы её сыночка Коську-вора наказали. Подленький, конечно, был мальчонка, у самых распоследних бедолаг да сирот крал. И что ж удумали-то с дружками? Связали ему ноги и вниз башкой с Кукуйского моста в воду макали, пока тот не поклялся больше не воровать. Дак ведь горбатого только могила исправит. Как ты ушёл воевать, он опять за своё. А когда и ему повестка пришла, этот паразит устроил драку на сборном пункте, офицера по лицу ударил. Так что вместо фронта в тюрьму угодил. Пять годов отсидел, но зато живой остался...

Простые очёрские пацаны мечтали только об одном – как поскорее вырасти и попасть на фронт. Они понимали, что война – это не честная драка «стенка на стенку», «до первой крови» с мальчишками с соседней улицы. На многих их друзей, кто был всего лишь на год-два постарше, уже пришли похоронки. И, конечно, Лёню и его товарищей откровенно бесили такие отщепенцы, как Коська-вор. Чего греха таить, с ними они поступали уже по-квакински.

Особенно доставалось куркулям и спекулянтам. Как пришла беда, повыползали из своих нор толсторожие, с поросячьими глазками умевшие жить при любой власти справные хозяева – хозяева! У каждого за пазухой – «белый билет» и чёрная душонка. За сущий бесценник –

горсть крупы или пару мёрзлых картофелин – скупали они у шатавшихся от голода эвакуированных ленинградцев драгоценности и одежду. Последнее забирали, ловко и нагло выторговывая в свою пользу каждую копейку, безглаголиво мяли потными руками платочки да юбочки, лапали женщин за груди и за уши, ощупывая брошки-серёжки. Старались, скоты, и тут недодать, обмерить и обвесить. Особенно бесил Лёню здоровенный шестидесятилетний мужик, который не стеснялся носить на полушубке медаль «За отвагу». Лёня знал, что тот никогда на войне не был, каждый божий день ошивался на базаре, торгуя из-под полы всем, чем ни попадя. А на вопросы, откуда награда, отвечал едким смешком: «Не ваше собачье дело! Захочу – ещё штук пять таких побрякушек навешу!» Ясно было, что купил или выменял, паршивец, медаль у голодного фронтовика-инвалида.

Эти нелюди, по мнению Лёни, были гораздо хуже Коськи-вора. Потому что Коська, хоть и гад, но всё-таки свой, не совсем пропащий. А это были враги...

Когда спекулянты выходили на рынок, то больше боялись не милиции, а лихую команду Черкеса. Если с милицией ещё как-то можно было договориться, представиться сиротами казанскими, то с лютыми от голода пацанами такие номера не проходили. С гиком и свистом налетали парни на прилавки, где по-хозяйски устроились «толсторожие», хватали всё, что могли успеть, не боясь кнутов и палок, которыми разъярённые барыги защищали своё «честно нажитое» добро. Со временем дошло до того, что торгаши по-казачьи

табором ставили свои телеги и прилавки, чтобы сообща обороняться от малолетних «робин гудов».

Хабар¹ парни делили честно, и опять-таки потимуровски: первую и большую часть – семьям фронтовиков, а своим – только если что останется. Хотя ведь все до одного тоже были из семей фронтовиков...

– Я уж почуяла неладное, только когда Галя, Липа и другие вдовушки стали меня благодарить за что-то, – вспомнила баба Саша. – А мне и невдомёк – за что? Помню, пришла Люся Маленькая, у которой двух сынов убило, а дома ещё семеро по лавкам, плачет: спасибо, говорит, Шура, не дала помереть детишкам. Но зачем, мол, от себя отрываешь – у тебя самой пятеро? А ты, Лёничка, как услышал – сразу вон из хаты. Дозналась я, конечно, о твоих вывертах и ахнула. Надо же: пришёл к ней, вывалил из мешка такие яства, что старшая-то девка у Люси, как увидела, в голодный обморок шлепнулась – едва водой отлили! И ещё говоришь: дескать, это мама прислала – ешьте-ешьте, у нас остаётся, ей паёк на телеграфе военный выписали!

Сидим обе, ревём белугами -- никак не могли поверить, что ты украл, не водилось за тобой такого. – Баба Саша чуть усмехнулась, искоса глянув на Лёнин портрет. – А ночью, уж все спали когда, слышу – крадёшься в дом как кот мартовский. Вскочила я да тебя за шиворот – хватать, и как хрястну по щекам! Первый и последний раз руку на тебя подняла... А ты стоишь, нескладный такой – высокоуший уж, под потолок,

¹ Хабáр – добыча, прибыль

виноватый, будто собачонка пришибленная, взгляд потупил, носом швыркаешь, губы дрожат и только повторяешь: «Прости да прости, мамочка!»

Сам, вижу, обнять хочешь, а не решаешься, виноватый-то... И до того мне тебя жалко-то стало! Думаю, как ты, простодыра, с сердцем таким добрым да с душой, как последней рубахой для всех распахнутой, жить-то будешь, сыночек, родненький мой? Кинулась тебе на шею, слёз унять не могу, а ты гладишь меня по волосам, как маленькую, и головой только мотаешь: дескать, никогда, никогда больше чужого не возьму, пусть и у плохих людей. И на войне, товарищ твой сказывал, даже у фашистов ничего брал... А уж я, все что осталось у вас добра награбленного, свалила в шелгун да отнесла на базар лиходею этому, что медалью чужой хвастал. Плюнула ему в бороду да все харчишки на прилавок высыпала: жри, дескать, наживайся и дальше на чужом горе...

Но много он, Лёня, не пожил. Пришли с войны фронтовики, прознали про него: раз ряшку намяли – неймётся, другой – опять не в ум пошло, а на третий – нашли в пруду утопленным. Мол, пьяный заехал на телеге, да в воду выпал. Только ведь он непьющим был – здоровье берег... Ох, совсем я, старая, заболтала тебя, сынок! Скоро Лёнчик с работы вернётся, а на плите-то поди ж всё остыло. Не проглядеть бы...

Лёнчик... Баба Саша настояла, чтобы любимым именем назвали её племянника, что родился сразу после войны. Выпестовала его как родного: кормила

козьим молоком из соски, мазала зелёной изодранные коленки, щекотала пятки в детских цыпках, в которые прочно въелась пыль очёрских улиц. Парень вырос головастый, рукастый и, главное, добрый-предобрый. Когда Лёнчик сидит за столом, горбится, чуть стесняясь своего высокого роста, кушает деликатно, украдкой подкладывая лучшие куски бабе Саше, то кажется ей, что это и есть её Лёня, что никакой войны не было, что уходил он не на фронт, а просто на работу – на завод, и вот вернулся – усталый, чуть чумазенький, пахнущий стружкой, по-молодому жутко голодный: «Мама! Я пришёл!»; сейчас поест, привычно кашляет, обернётся к ней и с нежной улыбкой скажет: «Спасибо, мамочка!»

Баба Саша поглядела в окошко. Осенние сумерки быстро заволокли тенистую улочку. Причудливые тени колышимых ветром сухих мальвовых будылин, что остались неубранными в палисаднике, плавно качались на белых занавесках. В межоконье снова засыпали отогревшиеся было на вялом солнышке мухи и бабочки-крапивницы. Мерно, убаюкивающе тикали часы-ходики...

– Мама-а! Я пришё-ёл! – донеслось вдруг снизу.

«Лёнчик! - вздрогнула баба Саша. – Проглядела-таки, ворона...» Она с улыбкой посмотрела на Лёнин портрет, слегка поправила рамку, чуть пообтёрла невидимую пыль с иконы Чудотворца, медленно перекрестилась и, приваливаясь на больную ногу, пошла на знакомый зов...

Такой я её и запомнил, бабу Сашу... Вот она сидит за столом, задумчиво чертит крючковатыми пальцами по узорам на цветастой скатерти. На столе, всегда гостеприимно наготове – трёхлитровая банка с молоком, накрытая марлей, да каравай хлеба на вышитом зырянским орнаментом полотенчике. Под столом в деревянной кадлушке, пузырясь и шипя, бродит фирменный бабысашин квас на жжёных ржанных горбушках. Она, раскрыв объятия, встречает меня: «Давай поцелуемся, как Брежнев!», угощает пирожками, а я рассказываю бабе Саше новости: она рассеянно слушает и вместе с тем пристально вглядывается в мое лицо, словно ищет родные черты, переживая, а не исчезли ли они со временем...

Я знал, чьи черты она старалась угадать, и был в курсе причин её частой задумчивости. Но когда, проснувшись утром, из другой комнаты слушал знакомую песню молитвы, я точно не знал, на чей образ молилась баба Саша, и кто из них – Лёня или Николай Угодник – был для неё более святой?

Февраль – 8 марта 2023. Пермь – Очёр

ВСЁ ЖИВОЕ – ЗА НАС

Мы прошли, прошли с тобой полсвета. Если
надо – повторим!

Михаил Дудин

– Готовы? Тогда, с Богом помолясь, погнали, пока тихо! Дистанция – пятьдесят метров! Я – замыкающий! Вперед! – скомандовал стриженный «под Котовского» командир с капитанскими знаками различия на сером комбинезоне и проворно вскочил в кабину угловатого, выдавшего виды грузовика.

Кавалькада из трёх «ЗиСов»¹, доверху гружёных зелёными ящиками со снарядами, осторожно, словно бы крадучись, тронулась в опасный путь к передовой. Дорога была знакомой, поэтому водители фар не включали, да и не было в этом никакой необходимости: до переднего края – всего ничего, сторожки² немцы не жалели осветительных ракет – видимость была хорошей. Хотя и до жути неприглядной: ни тебе даже одного целого строения, ни живого деревца – всё обуглено, разворошено взрывами, посечено осколками. Пообочь оканавленной дороги – раскуроченная, а кое-где и до сих пор дымящаяся, техника, раздутые на жаре до слоновьих размеров трупы лошадей, смятые телеги с воздетыми в небо, словно руки вопрошающие,

¹ ЗиС – советский грузовой автомобиль Завода имени Сталина

² Сторожкий – осторожный, осмотрительный

оглоблями. В кюветах – брошенное или потерянное имущество: тюки, ящики, патронные цинки, сплюснутые каски, испорченные винтовки и пустые гильзы. Из свежей воронки, будто змея из норы, выполз ребристый шланг немецкого противогаза...

Немцев сюда пока не пустили да и пускать не собирались. Поредевшая в боях 157-я стрелковая дивизия уже больше месяца удерживала полосу обороны «Горная Поляна – хутор Елхи» на самых подступах к Сталинграду. Бронебойный клин 4-й танковой армии Гота мощным кулаком лупил и лупил по позициям нашей 64-й армии, стремясь вдребезги разбить их, рассечь, на первый взгляд, жидкую и податливую оборону на части, заставить, наконец, бежать этих русских и на их плечах ворваться в город.

Волга, такая близкая и желанная для гитлеровцев, манила соблазнительной прохладой, и мечталось им: дескать, ещё один шажок, один бросок только, наверняка уже последний, смоем волжской водицей грязь с запалённых шей, наберём её в раскалённые нещадным солнцем каски – тёплую, мутную, как глинтвейн – и с удовольствием глотнём, запрокинув белокурые головы, под победный «зиг хайль». И войне, наверное, тут же конец – хватит, даже мы устали, а большевики и подавно!

Но фигушки! Кулачок у немцев изрядно поотбил, отскакивая от наших позиций, словно мяч от стенки.

Громоздкое крупновское железо¹ увязало в рыхлых окопах, зажжённое «коктейлем Молотова»², кипело и плавилось, как в домне, его мощь истончалась, словно под наждаком, и продырявленная броня кроваво ржавела на степных ветрах. Понуро потупясь стволами пушек, будто запалённые молнией копёшки сена, курились дымком подбитые танки. Доселе непобедимые – лучшие из лучших – танковые асы безжизненной окалиной чернели в едком чаду, успев лишь по пояс выбраться из люков сгоревших машин.

В последний день августа 1942-го бойцы 157-й дивизии прекратили отступление, встали, вгрызлись в земную твердь, упёрлись каблуками сапог и ботинок в каменистое дно траншеи, оцетинились штыками винтовок, поглаживая укрытые в нишах гранаты и бутылки с горючей смесью: дескать, идите, идите, гады – мы вас опять умоем... И уже никакая сила – ни на земле, ни с воздуха, ни страшные потери не могли заставить красноармейцев отдать хоть пядь волжской земли. И суровый приказ № 227 – «Ни шагу назад!»³ –

¹ Кру́пповский металл – вариация поверхностно усиленной брони из хромоникелевой стали. Крупповская броня была разработана в корпорации Фридриха Круппа в 1893 году, отчего и пошло её название.

² «Коктёйль Мóлотова» – бутылка с зажигательной смесью – общее название простейших жидкостных зажигательных гранат

³ Приказ И. В. Сталина № 227 от 28 июля 1942 года был направлен на сохранение воинской дисциплины в вынужденно отступающих частях Красной армии, он запрещал отход войск без приказа, вводил формирование штрафных частей из числа

уже не трогал их своими воззваниями, он к ним, сталинградцам, будто уже и не относился. Они и без приказа, все как один, стояли насмерть...

Командир отдельной автороты подвоза капитан Пётр Пискарёв, рано начавший лысеть невысокий широкоплечий крепыш, пятился вместе с дивизией аж от самой Тамани. Впрочем, без суеты отступал, без истерики, даже в самые тяжёлые моменты, когда всё рушилось к чёртовой матери, старался беречь людей и матчасть. Его уверенное спокойствие передавалось подчинённым – водителям и техперсоналу, которое делали своё скромное, но крайне нелёгкое дело.

Жизнь-то шофёрская на войне совсем не сахар. Мало того, что сутки напролёт за рулём, ещё и машину блюди в целости, чтоб всегда на ходу была, а запчастей – кот наплакал. В ночь и в туман, в пургу и в мороз, под бомбёжкой и артогнём противника, без всяких карт и дорожных указателей обязан был шофёр доставить груз, куда приказано. А если заблудился, поломался по собственной расхлябанности или, не дай Бог, сдрейфил – трибунал!

Под Сталинградом бойцы пискарёвской автороты про сон и отдых вообще забыли. Передовая постоянно требовала пополнения снарядами и патронами, едой и снаряжением, и, конечно, людьми. Шофёры попросту засыпали за баранкой, поэтому, по приказу капитана, в боевой обстановке они стали ездить в кабине по двое: напарник и разговором отвлечёт, ущипнёт

провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости.

закемарившего водителя, поможет починиться и от фрицев, если придётся, отбиться. Однако сегодня Пискарёву пришлось рассаживать водителей по одному и даже самому браться за руль, потому что в последние деньки отбиваться приходилось слишком уж часто и, увы, не без потерь...

Южный рассвет тороплив: ещё пять минут назад – кромешная тьма сентябрьской ночи, и вот уже почти совсем светло, лучам солнца и задержаться негде – степь да степь кругом. Немецкие «фонарики» перестали шипеть, зато ровно в 4.30, как по расписанию, забухали их дальнобойные орудия. Наши не отвечали – сэкономили боеприпасы. Артиллеристы, терпя снарядный голод, уже давно отвыкли бить наугад, по площадям – только по видимой цели.

Снаряды рвались где-то далеко, деловито и расчётливо обрабатывая передний край, до которого было ещё полпути. Вдруг головная машина, чихнув мотором, пошла юзом и беспомощно прижалась к обочине. Пискарёв чертыхнулся, резко притормозил, выскочил из кабины и подбежал к остановившемуся «ЗИСу».

Шофёр, красивый, похожий на киноартиста москвич с неуставными бачками и щегольскими усиками, сидел недвижим, в тупом отчаянии положив голову на баранку.

– Что случилось, Лушников? – строго спросил капитан.

– Что, что?! Опять хвостовик, зараза! Третий раз за неделю! – зло выругался шофёр.

Пётр Иванович Пискарёв

Впрочем, Пискарёв и сам уже догадался, в чем поломка, и что виноват в ней сам Лушников. Ещё вечером капитан велел ему заменить неисправные детали, но тот, как это часто бывало, поленился, понадеялся на «дядю, авось да небось».

– А чего тогда расселся? Вылазь и устраняй! – с ледяным спокойствием приказал Пискарёв. Он понял, что орать и песочить проштрафившегося водителя – занятие абсолютно бессмысленное. Как говорится, для слабонервных – ведь криком тут не поможешь.

– Знал бы, на формировке ни в жизнь не сказал бы, что шофёр! Уж лучше в окопах гнить, чем такая жизнь, – засучивая рукава, вздохнул Лушников.

На гражданке парень был таксистом – работка непыльная и доходная, и только на войне он по-настоящему узнал, какое оно – бездорожье, и что иногда приходится по уши в грязи ковыряться в моторах и голыми руками бортовать резину в тридцатиградусную дубарину.

– Пра-авильно, там бы из тебя холуйские захмычки живочки выбили. Ноготочки-то свои холёные быстро бы пообломал, земельку роя. А бакенбарды твои пушкинские вши бы объели. Это тебе не шлёндр подданных по «Метрополям» развозить и чаевые с куркулей сшибать. Повезло тебе, что я добренький такой – нянькаюсь с тобой. И будь уверен – вынянчу, обшкурю с твоей нежной персоны таксистский лоск, – приговаривал Пискарёв, помогая Лушникову откручивать болты.

Издалека слышался прерывистый гул. Капитан с беспокойством поглядел на небо и увидел, как от горизонта одна за одной отделяются черные точки. Девятка «восемьдесят седьмых» «Юнкерсов» под прикрытием трёх «мессеров» быстро приближалась к переднему краю. Через минуту слышался вой сирен пикирующих на наши окопы бомбардировщиков и частые бомбовые разрывы.

Низко-низко, что даже лица лётчиков можно было разглядеть, над машинами Пискарёва с воем пронеслись «Мессершмиты». Лушников в два прыжка

пересёк дорогу и нырнул в канаву. Пискарёв усмехнулся и всё так же спокойно, не повышая голоса, пристыдил бойца:

– Ну и реакция! Цены бы тебе не было, если б ты с такой расторопностью за машиной следил. Выползай обратно – некогда валяться! Не бойсь, для «мессеров» мы цель непочётная, им свои «лаптёжники» стеречь надо...

В любой другое время он и сам бы незамедлительно отдал команду «Воздух!», но сейчас надо было спешить.

– Подъём, Лушников! Вон, смотри, Ембулаев даже не пригнулся – отчаянный головорез! – Пискарёв с улыбкой указал на смуглого бойца – шофёра второго «ЗИСа», который, строго прищурясь, из-под руки следил за удаляющимися немецкими истребителями. – Так, стоп, – вдруг посерьёзнел капитан. – Эй, а ты-то что встал как вкопанный? Нас ждать не надо! Отремонтлируемся – догоним!

– Трщ капытан, я, шайтан дери, тоже торкнулся. Скат порвал – во какой осколище впился! – Ембулаев подкинул на руке зазубренный стабилизатор от немецкой мины и виновато пожал плечами.

– Да ёлкин же пень! – с досадой хлопнул себя по ляжке Пискарёв и с тревогой оглянулся на запад, где с неистовой силой продолжали рваться бомбы. – Ладно, лечитесь, – принял он решение. – Вдвоём быстро управитесь. На все про все вам час, – он понимал, что сроки не реальные, однако иначе не мог – там, за изрытом воронками курганчиком, всего в паре

километров от них вот-вот начнётся бой, а наши – без снарядов.

Пискарёв сел за баранку единственной исправной машины и помчался на звуки разрывов...

После получасового воздушного налёта позиции артдивизиона было не узнать. Чётко, по уставному, и даже с неким архитектурным изяществом выстроенные, теперь они представляли собой плачевное зрелище: словно по терпеливо и заботливо слепленному детишками песочному дворцу глумливо потоптался мальчишка-хулиган. Прямыми попаданиями были разбомблены два батарейных КП, часть капониров срыло, будто бульдозерами, засыпав несколько орудий вместе с прислугой. Артиллеристы медленно приходили в себя, суетились, будто муравьи в разворошённом муравейнике, пытаясь хоть что-то привести в порядок. А времени-то как раз и не было: как обычно, после авиаудара, немцы, не мешкая, перешли в атаку.

Капитан Пискарёв с трудом протиснулся в перекошенный взрывом проём блиндажа дивизионного наблюдательного пункта.

– О, «Подвёз» приехал! – не удержался от шутки комдив и под сдержанные смешки присутствующих пособачьи принялся. – Вовремя, брат! Подвёз?

– Подвёз, подвёз! – не обиделся Пискарёв. – А вы тут, похоже, и вовсе галифе обмарали. Впрочем, есть от чего. – Он озабоченно посмотрел в амбразуру: двадцатка фашистских танков медленно, чадя и покошачьи уркая моторами, как на параде шли на позиции артполка. За каждым из них трусила компашка

пехотинцев, которые смешно подскакивали в шлейфе пыли и опасно выглядывали из-за брони, ожидая скорого огня.

– Три-и!.. Ше-есть! – сощурив воспалённые глаза, начал считать комдив. – Десять!.. Шашна-адцать!.. Ого! Двадцать одна «коробочка»! Очко! Хм, многовато...

– Справа по стерне ещё два пылят, товарищ майор! – указал пальцем молодой глазастый политрук. – Так что не очко, двадцать три – перебор!

– В том-то и дело, что перебор! Вот бы только знать, у кого – у них, или у нас, грешных...

– Ребята, не хочу вас огорчать, но дошла только одна машина, – Пискарёв виновато развёл руками. – У «ЗиСов» хвостовики пообломало. На передних мостах сидят. Так что разгружайтесь быстро, на полчаса боя вам «огурцов»¹ хватит, а я мигом обратно – в аккурат успею.

– Погоди, Пётр Иванович. Не в снарядах дело. Нас «юнкерсня» здорово изволтузила – половину расчётов повыбило. – Майор пыливо мазнул взглядом по Пискарёву. – Слушай, а ты орудием командовать сможешь?

– Не только командовать, но и сам стрелнуть сумею, – усмехнулся Пискарёв. – Я ведь танкист, а не хухры-мухры. «Тридцатьчетвёрку» водил, из КВ² по румынам стрелял под Одессой. И видно попал, куда надо, раз сам товарищ Будённый крепко обнял, не

¹ «Огурцы» – здесь: снаряды

² «КВ» – серия советских танков выпуска 1939–1943 гг. Названа в честь советского военачальника К. Е. Ворошилова

побрезговав от меня мазутом измазаться, и облобызал – как барышню исщекотал усищами. Так что с вашими пугачами как-нибудь управлюсь.

– Ну, раз с самим Семён Михалычем глуздался, то бери под команду не одно, а два орудия на левом фланге.

Пискарёв поднёс к глазам трофейный цейсовский бинокль – предмет белой зависти однополчан. Капитан снял его с убитого им немецкого морского офицера во время Феодосийского десанта в 1941 году и с тех пор, несмотря ни на какие передряги, не расставался с ценной оптикой, ни на какие посулы не поддавался. По «солдатскому радио» разносилась молва, что сам начштаба дивизии предлагал ему за бинокль непозволительно роскошные блага: три дня на отсып, генеральский стол с коньяком и даже баню с прожаркой! Сам товарищ Сталин, наверное, согласился бы на такой выгодный обмен, но Пискарёв – ни в какую... Тогда шантажист-начштаба обещал ему устраивать «баню» каждый день, но, как сами понимаете, несколько иного рода.

Капитан внимательно смотрел на идущие танки. Впереди железным треугольником, важно кивая дулами на ухабах, уверенно ползли тяжёлые «Т-4». На башне головного танка неопрятной затоптанной простынёй распластался красный флаг с чёрной свастикой: дескать, глядите и дрожите, русские свиньи – сам командир едет. По флангам, изредка маневрируя, катились две пары средних «Т-3» с короткими, как окурки, стволами пушек. А позади в середине не совсем

организованной толпой, периодически обгоняя друг друга, словно ватага ребятишек, озорно ехали лёгкие Т-38 чехословацкого производства. Не трофейные, нет... А новёхонькие как игрушки, любовно собранные гордыми чехами на заводе в Праге.

В политграмоте капитан Пискарёв не особо разбирался – технарь всё-таки, но по-человечески ему было до слёз обидно, что свои же кровные братья-славяне по-стахановски трудятся на немцев, делая для них отличные танки, которые уже проутюжили пол-России и погубили бесчисленное множество одноплемённого народа: и военного, и мирного...

– Да-а... Страшновато, конечно, но до ветру пока не хочется, правда ведь, братцы? Видали и похлеще! – Пискарёв никогда не терял присутствия духа. – Послушайте меня: сейчас яйца будут курицу учить. В общем, снарядов мало, бить надо наверняка и сперва по тяжёлым. Из всех стволов. Согласны, товарищ майор? С «чехами», если что, пехота с бронебоями мал-помалу разделяются. А там, глядишь, мои орлы починятся и «огурчиков» подвезут. Доколотим! – Капитан ещё раз внимательно поглядел на танки и добавил: – Да! И, похоже, с «тридцать восьмыми» что-то не так: не по-немецки как-то идут, шибко уж суетно...

– От пехоты ещё меньше, чем от нас осталось, – невесело вздохнул командир дивизиона. – А ПТР¹, как доложили, всего одно исправное... Но я понял тебя, Пётр Иванович! И сам хотел такое же приказание отдать.

¹ ПТР – противотанковое ружьё

Бьём разом по «Т-4», они к твоим орудиям скоро бочком повернутся. Так что не упusti момент, танкист...

Однако первыми начали огонь немцы – прямо на ходу. Их пушки бесперебойно заряжали: казалось, стрельба в движении должна была быть неприцельной, так – для острастки и куражу, но у фрицев получалась вполне себе точной. Первым же залпом густо накрыло передовые траншеи пехоты. В ответ застрочил и тут же смолк станковый пулемёт, сухо затакали редкие винтовочные выстрелы: настолько редкие, что немецкая пехота перестала прятаться за танки и рассыпалась в цепи. Вскоре фонтаны разрывов заскакали по расположению батарей: крайнее справа орудие, так и не успев ни разу выстрелить, пропало в дыму... Но тут снова дробно застрекотал «максимка» и облил атакующих фрицев ливнем пуль – видимо, убитому пулемётчику нашлась неплохая замена. Часть пехотинцев залегла – кто от страха, а кто и навсегда, другая – вновь закуковалась за броней.

По пушкам Пискарёва, к счастью, никто не стрелял, поэтому он успел спокойно отдать распоряжения расчётам, а сам приткнулся к оптике. С непривычки он долго выцеливал борт ближнего к нему тяжёлого танка: в нетерпении слишком резво крутил маховик подъёмного механизма, а не успевшая высохнуть от пота ещё совсем недавно убитого наводчика резина наглазника прицела неприятно давила на веки. Поэтому его опередили пушкари справа и в центре позиции, открывшие беглый огонь. И «Т-4», в который он так старательно метил, резко остановился и нехотя

задымил. Почти сразу же, теряя перешибленную гусеницу, закрутился юлой «Т-3», что двигался прямо на орудие Пискарёва. Шедший за ним танк, пытаясь избежать столкновения, резко повернул влево, соблазнительно обнажая беззащитный борт. Ломая строй, он по инерции катился прямо под выстрел. Капитан лучше других знал, что танк – не легковушка, и немецкому механику-водителю, каким бы искусным он ни был, потребуется не менее двадцати секунд, чтобы выровнять ход. А Пискарёву хватило и десяти, чтобы повернуть ствол орудия и ударить бронебойным снарядом как раз в тонюсенький промежуток между корпусом и башней. Сгусток жгучего пламени, словно изо рта факира, по-змеиному шипя, вырвался из танка. Чудовищная сила со скрежещающим рёвом, будто пушинку с одуванчика, сдула башню с корпуса, подбросив её на высоту трёхэтажного дома. Бешено вертясь как в центрифуге, она по замысловатой траектории полетела прямо на остановившийся позади лёгкий танк и, ударив его в лоб, кузнечным молотом сплющила Т-38 чуть ли не вдвое. Пискарёв даже сквозь грохот разрывов услышал грянувшие с наших позиций крики восхищения:

– А-а-а! Во даёт! У-у-у! Выкусили, гады! Аха-ха-ха! Бей их! Ого-о-онь!

Молоденький узкоглазый красноармеец, подносчик снарядов, больно теребил Пискарёва за плечо, весело взвизгивая и крича что-то неразборчивое – видимо, русский и так плохо понимал, а в грохоте боя совсем забыл: «Ай, хорша! Хи-хи-хи! Ай, баска!» Капитан и сам

не мог понять, как он одним и первым же выстрелом уничтожил два немецких танка – редкий фарт, и повторить такое вряд ли возможно.

На немцев же увиденное произвело обратное впечатление: пехота в ужасе залегла и ползком, потешно отклячивая зады, попятилась назад, и никакая сила больше не могла заставить её подняться в атаку. Тем более что буквально через минуту наши артиллеристы подбили головной командирский танк, который загорелся мгновенно, заживо сжигая и хороня в своём чреве экипаж. Полотнище нацистского стяга безобразно свёртывалось в пламени, словно хламида ведьмы на костре во время средневекового аутодафе¹.

Бой ещё продолжался, но вражеские танки начали постепенно, один за другим выходить из него: одни – организованно, периодически отстреливаясь; другие – трусливой опрометью. Пискарёв ещё перед схваткой заметил в бинокль, что чехословацкие «коробочки» шли в атаку каким-то необычным и, главное, несвойственным для немцев способом. Один танк вообще так и остался на исходной, проехав лишь несколько метров. Пять или шесть Т-38 двигались в нашу сторону как-то неуверенно, в рваном темпе, постоянно останавливались во время боя, как подумал Пискарёв, из-за неполадок в двигателях. Потому что по ним орудия дивизиона не стреляли. Из люков выбирались члены экипажа, бегали вокруг своих машин,

¹ Аутодафе – в средние века – публичное сожжение еретиков на костре

спорили, разводили руками. И это под нашим-то ружейно-пулемётным огнём!

«Хрень какая-то!» – озадачился капитан и этим объяснением сперва и ограничился, потому что в горячке боя ему некогда было думать, что не так с немцами – может, тактика новая, а может, танкисты неопытные – опытных-то изрядно пожгли и повыщелкали... Но когда при отступлении два Т-38 были взяты на буксир и оттащены, а три нетронутых нашими выстрелами «чеха» поспешно брошены экипажами на поле битвы, Пискарёв понял, что неполадка у немецких танков, так сказать, одна на всех.

– Ты видел, Пётр Иванович, что у фрицев случилось? – упредил его вопросом комдив. – «Ролики» бросили... Вроде неплохие машины-то, из лёгких-то и вообще лучшие. Может, горючка кончилась, а?

– Сам не раскумекал, товарищ майор! – пожал плечами Пискарёв. – Думал, вы подскажете...

– Пстой, пстой! А вдруг это чешские патриоты на заводах Гитлеру напакостили?! – обрадованно бросил догадку политрук. – Сунули что-нибудь в моторы и – амба! Читал же в «Красной Звезде», что бывали такие случаи в Европе – Соппротивление, подполье, партизаны. У них что же, работяги из другого теста слеплены, что ли – ни солидарности, ни совести? Не верю! Это же марксизм – высшая сфера, «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», тут и думать нечего! Верно, товарищи?

– Держите карман шире, товарищ комиссар! – вздохнул Пискарёв. – Второй год воюем, давно уж пора

с высоты-то спуститься. Шкурники они, барышники и трусы, и сдались мы им со своей рабоче-крестьянской солидарностью как свинье дирижёрская палочка. Разве только для того, чтоб нашими руками жару хапнуть да фашистам салазки на копчик завернуть, но чтоб и нас, сиволапых, побольше сгнуло, чтоб по счетам не платить... Вон они, пролетарии, в поле горят! И по нам от всей «марксистской» души так хлестали, что до утра не всех убитых похоронить успеем...

– Да уж, не встал у них, проклятьем заклеимённый... А ведь сто процентов, что не один из тех, кто на нас сегодня с «коммунистическим приветом» пёр, в 30-х с самим Тельманом песни пел, туда-сюда качаясь, как раввин на молитве, и рот-фронтским кулаком гитлерам да геббельсам грозил. Тьфу! – сплюнул комдив и вдруг рассмеялся, хлопнув замполита по плечу: – Ага, а Маркс бы с Энгельсом, ежели увидали бы своих потомков-соплеменников, то сразу б в Красную Армию записались, и сейчас, наверное, бородачи сбрав, в соседних дивизионах, как и ты, комиссарили бы.

– Политически, конечно, не очень грамотно, но по сути – крыть нечем – верно, – с улыбкой согласился политрук. – Только вы все этот блиндажный диспут забудьте, а то сейчас много развелось таких, что покажи им кучу дерьма под ёлкой, так они на весь лес её растащат! Надеюсь, среди нас тут таких нет?

– Отку-уда?! Здесь стреляют маленько, – впервые подал голос особист, который все это время мял запылённую фуражку, пытаюсь приладить на своё место

надорванный вражеским осколком козырёк. Он ведь тоже, по просьбе комдива, заменил погибшего под бомбёжкой заряжающего, не по обязанности, а, как и Пискарёв, по зову совести. И вместе со всеми стоял насмерть, хотя мог при первых же выстрелах без ущерба для своей репутации убраться с передовой в тыл – туда, где желающих, как сказал замполит, «разносить дерьмо по лесу», при этом пачкая честных людей, было вдоволь.

По долгу службы он знал, что Пискарёва не надо было даже предупреждать о таких, с позволения сказать, товарищах, под чьими тяжёлыми сапогами с хрустом ломались судьбы безвинных. Кто-то по врождённому дуболомству и малограмотности; кто-то, как говорится, из любви к искусству, прикрывая свои мерзости такими святыми понятиями, как «правда», «Родина», «принципы»... А большинство – из подлости, трусости и карьеризма, извечного стремления угодить начальству и занять тёплое место, которое на фронте удваивает, а то и удесятеряет шансы выжить в этой невиданно страшной войне...

Особист¹ давно изучил личное дело Пискарёва, так как поначалу удивился: почему такой отличный, грамотный командир – с идеальной выправкой, уважаемый коллегами и любимый бойцами, которого даже старшие по званию почтительно величают Петром Ивановичем, доблестно провоевав больше года в самом пекле, до сих пор пребывает в невысоком чине? Над

¹ Особист – сотрудник Особого отдела, военной контрразведки

подобными перестарками безусые восемнадцатилетние лейтенантики подшучивали вне строя: «О, такой молодой – и уже капитан!»

А дело было в том, что блестящий послужной список и ратные подвиги перечёркивались ма-аленькой такой, сразу и не заметишь, бумажонкой, четвертиночкой, на одну самокрутку-«козью ножку» не хватит, чуть больше «солдатского треугольника» – справкой о том, что жена Пискарёва, Клавдия Фёдоровна, является родной сестрой «врага народа» Прокофьева Н.Ф., обвинённого по 58-й статье делу Коминтерна и свои вражьи делишки расстрелянного. И ничего больше – это же не приговор трибунала! Но те, кому положено, знали, что с такой «волчьей» бумажкой ты теперь всегда на подозрении: доверять, может, тебе и будут, но и проверят тыщу раз. Звания и награды станут деликатно придерживать: однокашники Пискарёва по бронетанковому училищу давно уже полками и бригадами командуют! А ты хоть под танк с гранатой бросайся, хоть с голыми руками на фрицев лезь (что, кстати, Пискарёву не раз доводилось делать в Крыму и под Одессой), но походи пока капитаном – мало ли чего...

А Пискарёв на такие пустяки не обижался и вообще не обращал внимания: он знал, на что шёл, когда вырвал свою любимую Клавочку из цепких «ежовых рукавиц» НКВД. Время было такое, что кое-кто из ретивых начальников советовал отказаться от жены с детишками: дескать, разведись, пока не поздно, баб на

твой век хватит, а вот если отнимут партбилет, то всё — про Красную Армию забудь и суши сухари!

Всегда спокойный и выдержанный, как каменная стена, тут Пискарёв не сдержался и врезал старшему по званию подлецу по морде. Основательно так врезал, как всё делал в жизни... Дорого ему могло обойтись рукоприкладство, но командир полка отстоял: доказал наверху, что больно уж спец хороший Пискарёв — танки и автомобили его сильнее любят, чем кони наркома Клим Ворошилова...

Тем временем зарядил редкий для сталинградских мест дождик. Любое ненастье: ливень или мокрый снег, холодный туман или лютый мороз, а ещё лучше — град с грозой, в 1942 году для наших бойцов были любимыми шалостями погоды. Потому что пусть лучше вода ручьём льётся за шиворот, чем фашистские бомбы. Фрицы всё ещё господствовали в воздухе: их бомберы и штурмовики нередко летали без прикрытия истребителей, нагло и безнаказанно пикировали чуть ли не до земли, соревнуясь между собой, как сорванцы на игре в «бабки», старательно пытались метнуть смертоносный груз точнёхонько в окоп, где, вдавив голову в плечи и обняв винтовку, будто родную мамку, немели или, наоборот, кричали во весь голос, матерились или молились Богу, чёрту, Ленину и Сталину беззащитные красноармейцы: «К лешему ведро, пропади пропадом ясно солнышко и сине небо! Пуще лей, дождинушка, не дай фрицевским самолётам взлететь, пусть у них моторы заглохнут, пусть намокнут крылья, пусть колёса вязнут в грязи непролазной, пусть

стервятники сидят в тепле и уюте, кофий со шнапсом хлещут, сало жрут, может, подавятся»...

Ямки и воронки быстро наполнялись дождевой водой. Пузыри на лужах множились, будто волдыри на обожжённой коже – примета верная, к затяжному дождю. Пискарёв рассудил, что как минимум до следующего утра хотя бы сверху опасностей можно не ждать, и решил озвучить командиру давно ворошившую мозги дерзкую мыслишку.

– Слушай, комбат! Есть одна идейка на грани ненаучной фантастики. Этих «чехов» мы не подбивали. Значит, встали они из-за какой-то неисправности. Причём, хронической, однотипной – всё-таки пять машин заглохло, да и другие, ты видел, тоже лихорадило. Два танка они увели на ремонт, а три других оставили, и, думается мне, немцы нас с тобой их починить попросили.

– Та-ак! Ну-ка, ну-ка... То есть ты предлагаешь за фрицев их работу сделать? – живо заинтересовался комбат. – А не боишься, что они за такой ремонт тебе так дорого заплатят, что не унесёшь? И не золотыми червонцами – свинцом! А потом догонят и ещё ввалят?

– А мы жадничать не будем! Один танк, если заведём, угоним, а два других сожжём!

– Пётр Иванович, а вдруг фрицы тоже решат свои «ролики» ночью отконвоировать? Они все же к их позициям ближе...

– Отгоним! Я же не один туда полезу, да и вы огоньком прикроете, если что. И, считаю, в дождь они не сунутся – не та закалка... Попытка – не пытка! Заведём

– тебе, комдив, трофей, ходячая пушка! А не заведём, так на крайний случай кой-чего раскулачим...

– Запретить тебе эту выходку не могу, приказать – тем более. Ты сам командир – птица во всех отношениях самостоятельная! Но своим бы я такое точно не приказал... А огоньком штанишки вам поддержу, не сомневайся, Пётр Иванович!

– Да я и не прошу у тебя людей, мне с моими архаровцами привычнее – шофера всё же, в технике шарят ого-го как! Сам отбирал да учил – любую трахому заведут! К керогазу, ежели надо, колёса приделают и вперёд всех покатыт, пуляя на ходу, хоть до самого Берлина, –

Кстати, а где они? Подзадержались что-то, орёлики...

И только подумал, как за взгорком заурчал мотор. Один «ЗиС» натужно тянул на распушившемся тросе вторую машину.

– О, Ембулаев! Явление Магомета святому воинству! – Пискарёв посмотрел на часы. – Не прошло и полгода, нашлась потеря – и что с тобой делать теперь?

– Пачиныл, трщ капитан, да! А Лушника буксир цеплял! Сапсым барахла, шайтан-арба! Немец Крым стреляй, Адесса стреляй, тут Стылинград опять стреляй, панимаищь, да! Запчаст нэт, калёс нэт, бэнзын мала – хоть в бак пысай! Кагда беда такой кончитса, скажи, а?

– Когда Берлин стреляй будем, тогда и кончится, – улыбнулся капитан. – Ты мне нужен, Надир!

Ембулаев лихо, словно абрек¹ с аргамака², соскочил с подножки «ЗиСа», в три секунды поправил пилотку, отряхнул штаны и гимнастёрку, стукнул каблуками, чтобы грязюка с сапог слетела – свеж и чист, как баклажан, будто и не патрался три часа с машиной. Джигит! «А ведь ещё недавно – вечно чумазый, зачуханный, по-русски, кроме «Дай!» да «Кушать!» – ни бум-бум, полоротый³ – ну, просто чурбан чурбаном», – с улыбкой глядя на своего шофёра, подумал Пискарёв. Ембулаев попал к нему в роту на переформировке. Пентюховатого узбека никто из командиров не хотел брать к себе.

Однажды в пути Ембулаев в положенный йстому мусульманину час остановил машину, вышел из кабины, достал из-под сидения маленький пёстрый коврик, расстелил его прямо на обочине и преспокойно уселся совершать свой намаз. Сидевшие в кузове бывалые солдаты отнеслись к этому с полным пониманием, некоторые, балагуря, незлобиво и сдержанно посмеивались, молодые же хмурились, но не вмешивались. И лишь у их командира – здоровенного старшины с перебинтованной головой – поведение Ембулаева вызвало крайнее раздражение. Он легко перемахнул через борт и угрожающе всем телом навис над богомольцем:

¹ Абрэк – кавказский горец

² Аргамák – рослая и дорогая породистая азиатская (восточная) лошадь

³ Полорóтый (*устар.*) – рассеянный, невнимательный

– Эй, чего расселся?! Нашёл время, твою растакую мать, чучмек косорылый!

Ембулаев на секунду прервал обряд и, не поворачивая головы, презрительно процедил сквозь зубы:

– Я не чучмек, я – товарищ нацмен! Сам ты чучмек, баран-башка! Не мешай, да-а! Я с Аллахом говорю, а не с тобой!

Старшина едва не задохнулся в гневе, так выпучив шары, что они чуть на песок не выпали:

– Нац... – что? Ах ты, гадёныш! Встать! Смир-рна! Как сидеть перед старшином, дерьма такой! – от столь неожиданного отпора он и сам заговорил на ломаном русском.

– Слюшай, иди свой дорога, а? – небрежно махнул в его сторону рукой Ембулаев и отчётливым шёпотом послал его по известному каждому русскому, да, видно, уже и далеко не только русскому, адресу.

Пискарёву пришлось вмешаться, потому что взбешённый старшина уже начал расстёгивать кобуру:

– Отставить, старшина! Пусть молится – тебе что, жалко?

– Так ведь Бога-то нет!

– Ну и что ж с того, что нет. Товарищ Сталин говорил, что у нас в СССР свобода вероисповедания? Говорил! Так ты что, дурень, с нашим любимым вождём поспорить хочешь? Против кого идёшь? Совсем контуженный?

Старшина мгновенно взмок и, судорожно глотая слюни, испуганно заозирался по сторонам:

– Да я... Я... Не... Не... Не хо... хотел... Помилуйте... Ей-богу... – и даже сделал движение, чтобы перекреститься, но на полдороги остановил знамение. – Виноват, товарищ капитан!

Пискарёв, глядя на старшину, покачал головой и постучал кулаком себе по лбу, потом повернулся к Ембулаеву и строго скомандовал:

– Ты закончил? Марш за руль! Муэдзин¹ хренов...

Несколько минут обычно разговорчивый Ембулаев ехал, словно воды в рот набрал. Но потом его всё-таки прорвало и он стал жаловаться:

– Обыдно, да! Как на фронт снаряд вези, так «Товарищ нацме-ен! Дорогой Ембула-аев!». А как Бох молиться, так сразу чучмек! Бой идёт – Ембулаев не молится: Ембулаев понимай, Аллах понимай – нэльза, война!

– Вот все ты вроде понимаешь, Надир, но ведёшь себя как дурак! Приспичило – уйди подальше, и молись хоть до посинения, но не мозоль глаза людям, ты ж не у себя в Бухаре. Пропадёшь ведь ни за грош! Ведь не всегда я рядом с тобой буду, – выговорил шофёру Пискарёв и в тот момент решил, что больше ни на шаг от себя не отпустит наивного, но верного и исполнительного узбека.

– Гляди сюда, джигит! Танки видишь?

– Да-а, хорошо бачка стреляй! Красиво горит!

¹ Муэдзін – в исламе мужчина-служитель мечети или один из прихожан, совершающий призыв мусульман на молитву

– Да не те, что дымят – это уже покойники! На целые смотри! Так вот, Надирчик, надо эти танки украсть. Ну, увести, понимаешь?

– Как увэсты? – изумленно вытаращился на своего командира Ембулаев. – Аркан на шей?

– По-тихому увести, полюбовно, как вы там у себя невест воруете.

– Я нэ басмач¹. Я нэвэст калым платыл – баран давал, ковёр давал, серга-мурга золото много-много давал...

– Фрицам мы калым давать не станем. Эти невестушки и так за нас пойдут, если хорошо попросим, лаской... Лушников! – позвал капитан. – Ты у себя в Москве машины когда-нибудь угонял? Нет? Ну, когда-то надо начинать. На гражданке за это – срок, а здесь – медаль.

Полной тишины ждать смысла не было: перестрелка не затихала ни на минуту – то на правом, то на левом флангах, на стыках с соседями, словно потревоженные псы, лаяли пулемёты, беспокоящим огнём били орудия и миномёты. Поэтому «воровская команда» поспешила выдвинуться в опасную гастроль.

Впереди, старательно прощупывая землю на предмет мин, медленно полз Лушников. За ним юрко и нервно, как суслик в степи, карабкался Ембулаев. Пискарёв замыкал. По обыкновению твёрдый и решительный, тут он поминутно сомневался, стоило ли ввязываться в такую авантюру. Силуэты вражеских

¹ Басмáч – разбойник

танков угрюмыми чудовищами чернели на фоне тихо гаснущего неба. Покрытая изморосью броня уже давно остыла, словно оставленный под дождём самовар. Люки были раскрыты нараспашку, танки будто приглашали гостей в своё жуткое нутро...

Вот уже полчаса «охотники» осматривали машины, пытаясь обнаружить неисправность. Все облазили на совесть, но тщетно.

«Мистика какая-то! – вытер со лба пот и слизь машинного масла Пискарёв. – Что могло случиться? Вибрация, замыкание, утечка топлива? Ну не со страху же фрицы сиганули из танков – мы ж видели...

– Ничего не понимаю! Моторы в порядке, ходовая не повреждена. Фильтры, правда, песком забиты, но не критично, – Лушников подполз к Пискарёву в надежде, что командир уже давно всё разгадал и сейчас объяснит необъяснимое.

Фильтры... Пискарёв вспомнил, как в 1937 году в Забайкалье на учениях он точно также ковырялся в танке, только не под немецким огнём, а под пылающим огнём гневных взоров подозрительно настроенного начальства, что в те лихие годы фашистских мин и пуль ничуть не менее губительнее были, а уж страшнее – так тут бесспорно. Молодой механик-водитель никак не мог завести БТ-7: танк кряхтел, будто старый дед на печке, хрипло кашлял мотором, но с места не двигался.

– Вы, старший лейтенант, срываете программу учений! – прокрипел начальник комиссии, глядя на часы.

Пискарёв, внешне не подавая признаков волнения, сам сел за рычаги. Бабахнув выхлопом, танк было заревел, но вскоре опять заглох, будто рыбьей костью поперхнулся.

– Думаю, все ясно, товарищи, так? – чересчур обрадовано подытожил начальник. – Надо вызывать конвой! Перед нами вопиющий случай откровенной диверсии!

На несмелые возражения присутствующих он вдруг схватился за кобуру и закричал в истерике: «Малчаааать! Кругом вредительство! Да это ж враг! Застрелю-ю! Я выведу на чистую воду всю эту блюхеровскую сволочь!». Пискарёв и бровью не повёл, хотя знал, что благодаря тому субчику несколько хороших парней отправились лес валить, а может и в царствие небесное...

Взмокший от волнения и негодования, он всё-таки нашёл причину поломки – песок забил фильтры, да ещё и масло протекло в картер. Быстро починившись, Пискарёв завёл мотор, лихо проехал полосу препятствий с надолбами и контрэскарпами¹, проскочил узкий мост, взлетел на горку, вынырнул из рва с водой и решил созорничать – всё одно, думал, пропадать... На полной скорости он понёсся на кучковавшуюся в сторонке комиссию, перед носом у них юзом развернулся, обдав въедливой пылью чистеньких и отутюженных штабных командиров, да так, что важные

¹ Контрэскарп – искусственно срезанный под большим углом край склона или берега реки высотой не менее 2–2,5 метров

секретные бумаги из папок белыми голубями разлетелись – знай, имай!

А припадочному начальнику, резко затормозив перед ним, Пискарёв ювелирно завесил комком сухой глины прямо промеж глаз, аж пенсне разбилось.

«Вот, Пётр Иванович, ты до сих пор, как ни странно, живой, а того придурка пакостного в том же 37-м и взяли – не рой другому яму, сам попадёшь в неё, – улыбнулся своим воспоминаниям Пискарёв. – Тогда завёл, неужели сейчас не смогу? Всё же легче – никого из начальства рядом нету, никто мозги не клевачит...»

Пискарёв полез в танк, грубовато оттолкнув замешкавшегося Ембулаева:

– Давай, быстрее, не канителься!

– Э-э-эй, сами же учили, трщ капытан, «сэм раз отмэр – адын раз отрэж».

– Пока ты тут размеришься, немцы отрежут тебе кое-что по самое не горюй – жена тебя из сакли¹ вместе с калымом выгонит...

Пискарёв погладил мягкую кожу сидения механика-водителя. «До чего ж удобно, – удивился. – Как кресло буржуйское! И чистенько, будто в больнице. Может, они и в уличной обуви тут не лазят – тапки домашние надевают? А в наших-то заусеницы кругом, гарь да копоть несмываемая, теснота. Но зато непробиваемо надёжно, а от грязи пока ещё никто не умирал».

¹ Сакля – жилище кавказских горцев

На вычищенных от нагара стенках танка семейные фотографии соседствовали с порнографическими открытками и портретом Гитлера.

– Фу ты, мерзость какая! Вместе с совестью они и стыд человеческий в своей Европе профукали...

Проверяя электронику, Пискарёв нашарил рукой стяжку проводов, потянул на себя и... оторвал. В нутре танка что-то истошно запищало и забегало, царапая броню тоненькими коготками. По рукам и даже по лицу щекотнуло чем-то неприятно пушистым.

– Мыши! Мать честная! – шёпотом рассмеялся Пискарёв. – Вот тебе и чистота с блеском! Как они ещё крыс да лягух не развели тут!

– Вай-вай-вай, мишь палец кусиль, шайта-ан! – громко выругался Ембулаев.

– Да тише ты – фрица разбудишь! Тоже мне, джигит, мыша испугался

Пискарёв сразу понял, почему встали нетронутый огнём танки. Вся проводка была напрочь изъедена мелкими грызунами, словно куль с мукой. Ведь вкусно пахнувшая проводная изоляция – мышиный деликатес! А без электроники фашистский танк – куча металлолома.

Между рычагами застряла гитлеровская «библия» «Майн кампф» с обгрызенными, словно огуречные попки, углами. «Видно, не прониклись норушки нацистскими идеями, – мысленно усмехнулся Пискарёв. – Наш бы комиссар и тут политработу провёл, похвалил сознательных мышей-подпольщиц».

Пискарёв вырос в простой очёрской избушке, на натуральном хозяйстве, где борьба с мышами велась

круглый год. Пищащие твари выедали на огородах корнеплоды, скреблись по амбарным сусекам, порой внаглую шныряли по комнатным углам, в надежде стянуть что-нибудь съестное. К смертоносным химикатам и мышеловкам самых изобретательных конструкций они быстро приноравливались, поэтому основную функцию в войне с грызунами несли кошки.

– Зима на носу, поэтому немцы свои не привычные к холодам танки сеном да соломой обкладывали, а это для мышей самое тепло. Плюс мотор как печка! Вот они и давай гнездиться-плодиться, – Пискарёв объяснил бойцам, как немцы впросак попали. – Им бы, остолопам, кота ловчего завести, прикормить волжской рыбкой...

– Дудки! Шиш им с перцем, а не Волга! – негодуяще прошипел Лушников. – Не плавать им по ней, разве что только кверху брюхом! Не дадим!

– Вот это ты верно говоришь, Серёга! – успокаивающе похлопал его по плечу командир и приказал своим бойцам ускориться, чтобы успеть до рассвета.

«Охотники» изрядно покопались, выбились из сил, но сумели-таки завести один танк, на нём отбуксировать в наше расположение второй, а третий – спалили за милую душу...

– Не подумал Гитлер, что прежде чем на Россию нападать, надо было вместо эсэсовских дивизий зондеркоманды котов набирать, – размышлял Лушников перед нашими бойцами, которые наблюдали, как он тщательно закрашивал на трофейном танке мрачный немецкий крест, чтобы потом пририсовать алую

пятиконечную звезду. – Вот только вряд ли коты за такую сволочь воевать бы стали – они животные самостоятельные, своенравные. А уж наши-то – в первую очередь, всем котам коты! Предателей среди советской шерстистой братии не сыщешь. Это тебе не бандеровцы какие-нибудь – за немецкую колбасу не продадутся... А вот на ихних кошаков мы ещё поглядим, что за твари, когда в Германию войдём. А войдём мы в неё обязательно, с гарантией! – заключил Лушников под одобрительные кивки и возгласы красноармейцев и, не жалея красной краски, жёстким квачом¹ стал старательно выводить на броне остроконечные очертания будущего символа Великой Победы.

А пока было нужно отстоять Сталинград. И Пискарёв с бойцами выдержали это страшное испытание. Потому что видели: не только коты и мыши, но вообще всё живое на нашей земле – травы, деревья, птицы и звери, люди – всё было против фашистов. Каждая стихия – мороз, дождь, грязь, реки и леса, горы и моря – брали нашу, русскую, сторону в борьбе с мировым злом. Мать-природу не обманешь: она чувствовала, кто сражается за правое дело, тому и помогала. И Бог, несомненно, тоже. Не было у нацистов и любых других агрессоров такой важной поддержки. И никогда не будет!

¹ Квач – щётка с длинной ручкой для чистки санитарно-технических устройств

ВСТРЕЧА В ПАРТИЗАНСКОМ ЛЕСУ

По едва заметной тропе, часто пригибаясь и раздвигая сырые ветви деревьев, шёл немецкий обер-лейтенант. Для лесной прогулки по партизанскому краю выглядел он слишком уж смело и элегантно: фуражка с высокой тульей, отутюженные, без единой складочки китель и брюки, до зеркального блеска начищенные сапоги с узкими голенищами. Не глядя по сторонам, офицер беспечно насвистывал мелодию из какой-то фривольной оперетки. Ни дать, ни взять – тыловой франт!

– Стой! Хенде хох! – раздался вдруг звонкий мальчишечий голос.

– Не стрелять! Я – Грачёв! – по-русски ответил немец, продолжая спокойно идти вперёд.

– А ну ни с места! Пароль! – к новому окрику из чащи добавился зловещий щелчок предохранителя.

– Какой ещё пароль, пацан? Сказал же: я – Грачёв! Что не ясно? – обер-лейтенант достал из кармана белейший носовой платок и, сняв фуражку, устало вытер капельки пота со лба. – Пропусти! – приказал он и двинулся дальше.

Пистолетный выстрел сухо треснул в лесной тиши, вспугнув птичью стайку. Пуля вырвала клочок мха из-под ног огорошенного немца, он в страхе присел, но быстро пришёл в себя и негодуя закричал:

– Сдурел?! Да откуда ты взялся, псих? Какой дурак тебя тут поставил? Немедленно доложи старшему – он

знает меня в лицо! – И презрительно добавил: – И уж если взялся стрелять, то бей точно в цель, мазила...

На партизанском «зелёном маяке» молодой врач Аля Щербинина и правда оказалась случайно. Разведчикам пришлось взять её с собой, чтобы она оказала медицинскую помощь бойцу, раненному в стычке с украинскими националистами. Потом группа ушла на операцию, оставив Алю с ним. Ушла, не сообщив никаких паролей, а раненого не спросишь – тот уж битый час как лежит без сознания. А тут ещё этот непонятный немец! «Что же делать?» – растерялась Аля.

«Вот же влип! И какой же черт меня дёрнул переться через этот «маяк», да ещё во фрицевской форме. Лень было переодеться, растяпе, – подумал разведчик Николай Иванович Кузнецов, которого в партизанском лагере знали как Грачёва, да и то далеко не все. – Нарвался на сосунка, теперь попробуй объясни ему, что ты не верблюд и не эсэсовец!» Он поднял руки вверх и, скрывая ярость, примиряюще произнёс:

– Эй, малой, сбавь обороты! Ты победил! Я без оружия, – Кузнецов достал из кобуры «Вальтер» и положил перед собой на землю. – Выходи, не бойся! Я всё тебе объясню...

«Сейчас я покажу этому цуцику, что такое настоящий разведчик! Отберу пистолет и наподдаю под зад! Ишь, бдительный какой, – мстительно подумал он. – Вот я ему волосья-то повыди..., – осёкся Кузнецов, когда из-за толстенной берёзы на тропу вышла Аля Щербинина. Немного смущённая, но всё равно строгая.

Маленькая, худенькая, в заплатанном, не по росту, ватнике, таких же огромных мужских галифе и разбитых сапожищах. На голове – повязанный по-старушечьи деревенский платок, на боку – тощая медицинская сумка с красным крестом, в узенькой ладони зажат нацеленный на Кузнецова дамский пистолетик.

«Этого только не хватало – девчонка! – удивился разведчик. – Теперь проходу не дадут ребята – засмеют! Сколько ей, лет шестнадцать на вид, не больше? Позорище на мою седую голову!» Он хотел было, обманув бдительность девушки, заболтать её разговорами и тем временем приблизиться на расстояние броска, но только сделал шаг, как его осадил суровый окрик:

– Стоять на месте, фашистская гадина! Ещё одно движение – стреляю по ногам!

– Да ты попади сперва по ногам-то, ворошиловский стрелок! Слушай меня! – взъярился Кузнецов и смело пошёл на Алю, однако был остановлен вторым выстрелом. Пуля просвистела совсем рядом. – Ду-ура! Ну, погоди – командир с тебя три шкуры спустит! – крикнул он в сердцах, не сводя глаз с дула пистолета, что ходуном ходил в нервно трясущейся руке девчонки. – Спокойно! Спокойно, я сказал! Всё – сдаюсь! – Кузнецов был зол, но в глубине души понимал, что будь он на месте этой кнопки-пигалицы, в подобной ситуации поступил бы точно так же.

Два дня назад Кузнецов вместе со своими верными помощниками Николаем Струтинским, Мечиславом Стефаньским и Яном Каминским похитили важные

документы из особняка командира фашистской карательной дивизии генерал-майора Ильгена. А заодно патриоты прихватили с собой и самого генерала. На допросе тот выдал очень ценные сведения, которые надо было немедленно сообщить в Москву. Поэтому и спешил разведчик в партизанский штаб.

– Поймите же, милая девушка, мы теряем драгоценное время! Мне срочно нужна рация! Ну, посмотрите на меня, какой же я фашист? Я тоже партизан, как и вы. А форма – бутафория, мы же в тылу врага. А вы – молодец, службу знаете на «отлично», – улыбнулся Кузнецов, включив всё своё обаяние, на которое был способен, и которое так безотказно действовало даже на бдительных ищеек-гестаповцев. Но только не на Алю...

– Руки за спину и шагай! – скомандовала девушка, стволом пистолета указав направление. – В отряде разберутся с твоей бутафорией! Шуруй!

– Господи, да нельзя мне в таком виде в отряд, – взмолился Кузнецов. – Гестапо наводнило лес провокаторами. Среди партизан их действует не меньше десятка: увидят, опознают, и моей легенде конец! А над ней трудились лучшие разведчики страны, а некоторые и жизни свои отдали, чтобы сберечь мою тайну. Да и не моя это тайна, а всей Красной Армии, всей страны Советов!

Николай Иванович понимал, что играть в секретность уже не имело смысла, до ближайших партизанских постов оставалось минут двадцать ходу. Он уже представлял весь позор своего положения:

насмешки бойцов, радость гитлеровских агентов, укоризненные взгляды командира отряда, старого чекиста Дмитрия Николаевича Медведева. «А с девчонки что возьмёшь? Она всё делает по уставу. А я подвёл товарищей», – покачал головой Кузнецов.

«А вдруг он и вправду наш?», – засомневалась Аля. В отряде давно ходили слухи о подвигах наших разведчиков в городе Ровно. Их передавали из уст в уста, рассказывали у партизанских костров, словно древнерусские былины. Чекисты бесстрашно действовали под самым носом у палача украинского народа, гитлеровского рейхскомиссара Эриха Коха. «Я выйму из этой страны всё до последнего. Мы, немцы, нация господ и должны жестоко править», – бахвалился этот подонок, однако, ежесекундно боялся возмездия. Очень неуютно жилось сановному оккупанту даже под присмотром вооружённой до зубов эсэсовской охраны. Он-то лучше других был наслышан о подвигах советских патриотов...

«Ну конечно, русский! И по-нашему говорит, прямо как у нас в Очёре или Верещагино. Тогда, наверное, изменник? – мысли суетно носились в Алиной голове, как пчёлы в потревоженном улье. – Не-ет, не может фашист или предатель так по-родному улыбаться, и взгляд у них не такой». И сию же минуту Аля вздрогнула, когда обер-лейтенант неожиданно на ходу обернулся. Ледяной, презрительный взгляд, как у свежевывловленного судака, пронзил её насквозь – типичный ариец, голубая кровь! «Надо же, как

перевоплотился, артист! Видно, важная птица, но меня не проведёшь», – сузила глаза Аля и поторопила:

– Давай-давай, шевели шаньгами, не барагозь мне тут!

– Шуруй? Шаньгами? Не барагозь? – удивился Кузнецов. – Постой-постой, девочка, а ты не с Урала случайно, не с Камы? Говорок тебя слегка выдаёт: знат – не знат, бывает – не бывает, дожжыт-пишшыт, яшшыки-закашшыки, – передразнил Николай Иванович. – Угадал я, солёны уши? Земляки мы с тобой, красавица!

Настоящий полиглот, свободно говоривший на нескольких языках, Кузнецов давно уловил в Алиной речи нотки далёкой Пармы, где разведчик провёл свою бурную комсомольскую юность. «Ишь, как пермячит, когда злится, прямо как мой друг-поэт Стёпа Караваев», – усмехнулся Николай Иванович.

– Ты не из Кудымкара, случаем? – допытывался он у девушки. – Или карагайская? А, может, с Верещагино?

«Вот ведь, шустрый какой, и тут раскусил. С ним надо держать ухо востро», – призадумалась Аля.

Кузнецов не знал, что, несмотря на нежный возраст и телесную хрупкость, у Али уже имелся немалый опыт подпольной работы. Более того, именно эти качества помогали ей – агенты немецкой тайной полиции в упор не видели в этой «кнопке» опасного врага.

Аля вместе со своим медсанбатом попала в окружение в самом начале войны. Как врач она не могла бросить в беде тяжелораненых красноармейцев. Даже пристыдила шофёра санитарного грузовика, который

посоветовал ей оставить раненых и пробираться к своим: тем, мол, уже ничем не поможешь. Так она и попала в лапы прорвавшихся немцев, которые поступили с нашими бойцами по всем правилам нацистского «гуманизма»: тех, кто не мог двигаться, пристрелили на месте, а остальных погрузили в эшелоны и отправили в концлагерь.

Алю, словно в насмешку, бросили в переполненный вагон: дескать, ты – доктор, вот и лечи своих, а немецкому командованию до русских отбросов дела нет. Без медикаментов, в кромешной жаре, страшной духоте и тесноте, где вповалку лежали раненые и уже мёртвые, Аля как умела старалась облегчить страдания красноармейцев, но что она могла? Слезы бессилия душили её, когда она видела, как взрослые бойцы, устав от мук и предвидя ещё более страшные издевательства, прощались друг с другом и вешались на своих бинтах...

Но Алю сломить оказалось не так-то просто. Попав в концлагерь, она не покорилась обстоятельствам, а решила мстить, бороться. Как человек, воспитанный в стране Советов, Щербинина была уверена, что даже за колючей проволокой она не одна, есть и другие патриоты среди узников.

Аля заметила, что к ней тоже осторожно присматривались. Вскоре к ней обратились две девушки, руководители лагерного подполья, и попросили помочь им в работе. Аля как врач лечила измождённых до полусмерти узниц, всеми правдами и неправдами добывала медикаменты, собирала

правдивые сведения о положении на фронте, которые с таким трудом просачивались в неволю.

Настоящих имён своих девушки не называли даже своим подругам, и для такой конспирации были свои причины. Однажды в бараке появилась разбитная молодуха. Ластилась ко всем мелким бесом, выведывала, кто откуда родом, состоит ли в партии или комсомоле, добровольно пошли на фронт или по мобилизации. В результате несколько простодушных девчат из барака исчезли: гестаповцы их казнили. Аля с подругами решили устроить проверку и выяснили, что новенькая – бывшая уголовница, ярая националистка, была завербована тайной полицией. Молодым девушкам, конечно, было омерзительно марать руки об эту негодяйку, но сколько же она ещё могла бы погубить невинных людей? И руки у молодых подпольщиц, когда пришлось, не дрогнули: вечером уснув на нарах, подлая провокаторша утром уже не проснулась...

Справа от тропинки без единого шороха промелькнула тень. Прерывистым хохотом раздалось сорочье треньканье. Но Кузнецов и сам уже давно заметил, что по их пятам призраком следует его верный помощник Каминский и подаёт условные знаки. Разведчик неуловимым жестом ответил на сигнал: дескать, все нормально, помощь не требуется. Он ещё не потерял надежду убедить девушку в своей правоте, а если не удастся, без лишнего шума обезоружить.

Каминский невольно улыбнулся. Он-то хорошо знал врача Алю, которая совсем недавно в партизанском

«госпитале»-землянке с помощью простого ножа извлекала из его ноги осколок гранаты. И слышал историю, над которой смеялся весь отряд. Два месяца назад Аля Щербинина точно также под дулом пистолета привела в отряд двоих красноармейцев-окруженцев, попавшихся ей на пути. Здоровенные мужики покорно шли, куда приказывала хрупкая девушка.

«И как командир теперь выкрутится? Ведь вещмешок с одеждой – у меня! Надо выручать!» – усмехнулся Каминский.

«Пермячка! Такую не возьмёшь за рупь с мелочью! Думай, Кузнецов, думай!» – нервничал Николай Иванович.

«Ой, мамочки, и нагорит же мне, если он и правда наш! Как тут узнаешь? Я же простой врач, а не контрразведчик», – переживала Аля...

Врачей на Украине катастрофически не хватало. Поэтому гитлеровцы начали слегка заигрывать перед местным населением: мол, смотрите, какие мы гуманисты. И стали выборочно отпускать из концлагерей узников с медицинским образованием. Выпустили и Алю. Нет, не подумайте, что оккупанты и их пособники так заботились о здоровье нашего народа. Просто они как огня боялись эпидемий, безжалостный тиф уже начал свою смертную жатву, выкашивая целые деревни. И хотя тиф, по идее, был союзником нацистов в их планах по умерщвлению людей, эти мерзавцы просто тряслись за свои шкуры, боясь заразиться. А немецкие

врачи брезговали лечить «унтерменшей¹», считали это ниже своего достоинства.

Аля помнила слова своего преподавателя, пермского профессора Парина: «Советская власть сделала вас свободными людьми. Мы дали вам высшее медицинское образование. А вот врачами вы должны сделать себя сами». После мединститута вызвалась ехать на Крайний Север, на далёкий Ямал, что с ненецкого языка так и переводится – конец света. Аля лечила местных оленеводов, о которых никто и никогда так не заботился. По бескрайней тундре одна без усталости носилась по стойбищам, приучала людей к гигиене и отучала от дурных пристрастий, боролась с заразными болезнями и дикими предрассудками. Но в концлагере, созданном представителями так называемой «высшей расы», нацистские изверги доводили людей до куда более дикого положения. Да и с населением они обращались по-варварски, в первую очередь изымая у людей провиант, тёплую одежду и медикаменты. Аля на себе испытала их пресловутый «гуманизм».

– Це ж кацапка, москальское отродье, – нащёптывали гитлеровские прислужники немцам, когда в комендатуре решался вопрос о её назначении в больницу. – Она ж под видом тифозных освобождала людей от отправки в Германию! Продукты воровала, «жидов» лечила. Повесить её надо, а не выпускать!

¹ Унтерменш (от нем. Untermensch – недочеловек) - термин из нацистской расовой идеологии, используемый для описания «низших людей», то есть не относящихся к арийской расе

На сопроводительных документах комендант сделал отметку: «Работой по специальности не утруждать! Крайне неблагонадёжна». С такой «волчьей» характеристикой недолго прожила бы Аля среди оккупантов, но для партизан лучшей и не придумаешь. Опасаясь за жизнь девушки, подпольщики переправили её в отряд...

Вдали слышался перестук топоров, потянуло дымом костров и запахом готовящейся пищи. Партизанский лагерь просыпался, и до него оставалось всего-ничего. «Скоро нас засекут партизанские посты, медлить больше нельзя, придётся рискнуть», – решил Кузнецов.

– Янек! – зычно выкрикнул он.

– Здесь! – отозвался голос из леса.

Щербинина обернулась на звук, и в следующее мгновение чья-то сильная рука зажала ей рот, а другая вывернула из ладони пистолет.

– Тихо, тихо! Свои! – донёсся до неё шёпот.

– Янек! – улыбнулась Аля, узнав знакомого партизана. – Там на «маяке» раненый остался... Ой, а где же немец? – заозиралась она вокруг. – Или он не...

– Не было никакого немца, Аля. Запомни – не было! – твёрдо сказал Каминский и многозначительно подмигнул...

Аля одиноко скучала у потухающего костра, грея руки об алюминиевую кружку с горячим чаем. Вдруг кто-то бережно укрыл её плечи полушубком.

– Вы? – удивлённо обернулась она.

В отблесках огня высилась знакомая фигура, но не в немецком обмундировании, а в защитном френче, подпоясанном командирским ремнём, в простой солдатской ушанке с красной звёздочкой. Партизанская форма шла ему гораздо больше. Пляшущие искорки отражались в ласковых, с лукавым прищуром глазах Кузнецова.

– Здравствуйте, Аля Щербинина. Так откуда вы всё-таки? Из Карагая или Верещагино?

– Из Очёра, товарищ Грачев.

– Слышал, но не бывал. Расскажите! – попросил он, присев рядом с ней на расстеленную плащ-накидку.

И до самого заката Аля доверчиво делилась с Кузнецовым своими детскими воспоминаниями. О том, что лес вокруг Очёра не такой, как здесь, тревожный и сумрачный, а приветливый, терпко пахнувший грибами и хвоей, где дружными рядами вперемешку растут разлапистые черные ели и золотистые корабельные сосны.

Похвасталась Аля, какой в Очёре огромный живописный пруд – не чета местным заросшим тиной озерцам. Хотя и здесь, наверное, было очень красиво, но эту красоту залила чёрным цветом, запятнала паучьей нацистской свастикой война.

Рассказала Аля про радостные ранние побудки под гудок старого завода, на котором теперь её земляки, все как один, помогают фронту ковать Победу. Аля верила, что и люди на её родине добрее, честнее, мужественней. И если не дай Бог, думала она, враг

дошёл бы до неё, весь Урал превратился бы в партизанский край, и не нашлось бы там, как здесь, нацистских прихвостней – ни одного!

И Николай Иванович не спорил...

– После войны мы обязательно навестим ваш Очёр, погуляем по лесу, покатаемся на лодке по пруду, зайдём на завод и поблагодарим земляков за их труд, – мечтательно произнёс Кузнецов. – Пусть это будет нашим секретом, как и недавнее знакомство в лесу.

– Обещаете? – замороженно взглянув на Николая Ивановича, спросила Аля.

А Кузнецов будто не расслышал вопроса – он молча, с рассеянной улыбкой глядел на костёр. Он всегда выполнял свои обещания, но обещать выжить на этой страшной войне разведчик не мог...

**Николай Иванович
Кузнецов**

**Алевтина Николаевна
Щербина**

ГДЕ-ТО В ЕЛАНИ

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый.
Наш рукопашный бой.

М.Ю. Лермонтов «Бородино»

На утопанном тысячью солдатских сапог Еланском плацу бойко кружился, будто танец исполнял, высокий пожилой красноармеец в ладно подогнанном обмундировании. Тяжёлая трёхлинейка¹ с примкнутым штыком бешено вертелась в его жилистых ручищах, словно детская игрушка. Солдаты, без приказа разомкнув строй, вкруговую обступили бойца и заворожённо глядели на невиданное искусство.

Сперва он без запинки, будто на царском смотре, отработал серию парадных ружейных приёмов, а потом начал демонстрировать мастерство штыкового боя. Солдат то и дело наносил воображаемому противнику смертоносные удары, приседал, пригибался, втягивая голову в плечи. Неожиданно отскакивал и обманным движением резко выбрасывал вперёд винтовку. Потом вдруг сокрушительно бил прикладом, и зрители инстинктивно отшатывались, представляя, что было бы с тем, кому этот удар предназначался.

¹ Трёхлинейка – русская трёхлинейная (7,62 мм) винтовка Мосина образца 1891 года, принятая на вооружение Русской императорской армии

Держась руками за ствол и приклад, он защищался от сабельной рубки, и не просто защищался, но и нападал – резко крутил винтовкой, выбивая конника из седла. И всё это с убийственным спокойствием, с неизменным выражением лица, без одышки и ненужных в таком деле киношных криков.

– Как же ловкуше у вас получается, Николай Петрович! Будто в цирке! Это ж чистое фехтование, как в «Трёх мушкетёрах»! Покажите ещё! А нас научите? – загалдели солдаты.

– Вам пока только так упражняться – «Сено-солома¹, коротким-длинным коли! Отставить!», – красноармеец даже не вспотел. – Но я займусь вами, сынки, если товарищ лейтенант не возражает.

Однако молодой командир и сам, раскрыв рот, удивлённо хлопал глазами, понимая, что если этот бравый вояка научит необстрелянных бойцов его роты хотя бы десятой доле того, что сам умеет, то немцам в рукопашной несдобровать – кровью умоются.

– Не возражаю! И даже приказываю! – восхищённо выкрикнул лейтенант, но тут же со смущённой мягкой улыбкой поправился: – Хотя нет – прошу, Николай Петрович! Я и сам поучусь, если вы не возражаете, конечно, отец...

Солдат лихо отковырял, а потом не по уставу ободряюще пожал командиру локоть: дескать, не

¹ Выражение «сено-солома» в старину употреблялось как команда для задания ритма при строевой ходьбе неграмотных крестьян, не различавших право и лево. К правой ноге привязывали сено, а к левой – солому.

беспокойся, лейтенант. Он имел право на эту нестроевую вольность: шестой десяток разменял Николай Петрович, уже четвёртую войну ломает. На нагрудном кармане его отутюженной, без единой складочки гимнастёрки серебрится солдатская медаль «За отвагу» – это за штыковую контратаку по пояс в снегу на «зимней» белофинской. А в кармане, рядом с партбилетом, бережно завёрнутые в носовой платок, тикают часы с гравировкой «За храбрость», которые вручил ему красный комдив Блюхер на Гражданской. А ещё – Георгиевский крест, что в 1916-м получил из рук генерала Брусилова в только что занятом врукопашную австрийском окопе. Не место кресту в кармане – ему бы сиять у самого сердца, рядом с «отвагой», чтобы видели новобранцы, с кем им скоро бок о бок в штыковую идти...

Ещё в первую Германскую учил молодого вольноопределяющегося старый унтер, который на свой лад переиначил суворовский принцип: дескать, пуля – вовсе не дура, а штык в руках куцелапого балбеса – и сам дурак дураком. Поэтому порой жестоко и больно натаскивал он юных нескладных рекрутов¹ штыковому бою, гонял их до седьмого пота и реветь да жаловаться не велел. Сколько шишек набил Николай Петрович, сколько раз до самого мяса штыком изрезался да искололся, сколько раз кубарем летал лицом в грязь, свергнутый ловким приёмом унтера – не счесть! Но за науку благодарил, в пояс кланялся своему наставнику,

¹ Рёкрут (*устар.*) – лицо, принятое на военную службу по рекрутской (воинской) повинности или найму

«дядечкой» называл любезно и до сих пор его добрым словом поминает. Потому как наука штыковая не раз ему жизнь спасала.

И в Карпатах, когда неожиданно прорвались brave венгерские гонвёды¹ и оставалась одна только надежда на отчаянное русское «Ура!»

И под Кунгуром, когда сиротливо опустела обойма, и пришлось отбиваться от острых шашек конных белоказаков одной винтовкой.

И в Карелии, когда Николай Петрович сумел переколоть насевших на него, раненого, лютых мародёров-«ла́хтарей»², что позарились на его тёплый овчинный полушубок.

И нужно сделать так, чтобы и сейчас *«чужие порвались мундиры о русские штыки»*. Немецкие мундиры. Нацистские. Мышастые... А не серые шинелишки на этих вот нескладных рекрутах, что обступили Николая Петровича, дяденькой кличут, веселятся чему-то, озоруют и просят его рассказать о воинских подвигах, словно дедушку сказочку перед сном...

А на мобилизованных без слёз и вправду смотреть было нельзя – то ещё воинство. С бору по сосенке: в основном лопоухие мальчишки или седовласые пятидесятилетние дядьки, которые в последний раз держали винтовку ещё в Гражданскую, да многие,

¹ Гонвёд – солдат венгерской армии

² Ла́хтарь (устар. презр.) – солдат финской армии или белофинн во время Гражданской, Финской и Великой Отечественной войны

похоже, и тогда не за тот конец. Все тощие, как одры¹ – питание ведь по тыловой норме. И дома-то впроголодь жили, и в армии досыта не едали – одна капуста да каша-шрапнель на голой водице. Поэтому «бэушная», разных цветов и оттенков форма почти на всех мешком сидит, топорщится, как на чучелах: на бегу трясут мотней, будто в штаны наклали, пилотки на головах словно лягуши раздавленные, каски на тонких кадыкастых шеях – корчаги² на плетне деревенском. Гимнастёрки штопанные-перештопанные, кое-где и в неотстиранной солдатской крови. Смотрит такой мальчишечка на дырку зашитую, что в аккурат около сердца, и на себя её примеряет, а потом плачет по ночам, себя уж загодя похоронив, мамку зовёт...

Попадались, конечно, и бывалые – из госпиталей, ограниченно годные, не долечившиеся как следует, у иных и швы ещё не срослись. По уму им бы ещё полгодика на курорте отлежаться или на домашних харчах отъесться, малость подокруглеть. Да где там – разве дадут! Третий год войны идёт – большущий недобор в людях...

«А многие и сами не стали бы в тылу «круглеть» – громадной совестливости наши люди. И жизнь им не жизнь, пока фашиста не раздавят. Не частицы – целиком свои сердца ради Победы отдадут. Немца-то здорово погнали, лупим их в хвост и в гриву, но и у самих морда в крови. Сколько таких лопауких уже

¹ Одр (одёр) – старая изнурённая рабочая лошадь

² Корчага (устар.) – глиняный или чугунный горшок с широким горлом

полегло в наступлении и ещё страсть сколько поляжет. Где-то и мой оголец воюет – и писем давно не шлёт», – взгрустнул Николай Петрович.

И чтобы всё-таки легло их как можно меньше, чтоб к мамкам своим вернулось как можно больше, научит их Николай Петрович уму-разуму, воинским хитростям и за те малые три месяца, что положены новобранцу на обучение в запасном полку, натаскает хоть этих пацанов. Потому как ещё они все до одного с родного Прикамья – земляки! А их на войне всегда жальчее...

Солдатский "дядька" Николай Петрович Шардаков (справа) со своими сослуживцами по Еланским лагерям

ДУША НЕУВЕЧНАЯ

*Памяти Филосо́фа Васильевича Мокрушина
и Сергея Алексеевича Касьянова*

Из-за обтерханной белой двери, за которой заседала призывная врачебная комиссия, доносился странный диалог на повышенных тонах. Один голос – устало-спокойный, привыкший приказывать и уверенный, что приказ будет выполнен, однако здесь – уговаривающий, но с ноткой нарастающего нетерпения. Другой – интеллигентный, пока ещё иронично-взволнованный, хотя уже близкий к грани недоумённого возмущения.

– Да поймите же вы, наконец! Нет, нет и ещё раз нет! Нельзя, голубчик! Виданное ли дело?

– И вы меня поймите – свету белого из-за него уже не вижу! По ночам мне снится, чёрт кривоглазый! Я уж приказал, чтоб его на порог военкомата не пускали – сразу гнали взашей! Но он как-то, словно кот в голбец со сметаной, просачивается: мозги дежурному так запудрит, что тот его сразу без очереди ко мне в кабинет тащит!

– Да уж, способный молодой человек, пройдошистый, ничего не скажешь. За словом в карман не лезет. Но ведь инвалид! Ладно бы зубов не было или хотя бы пальца, а тут – глаз! Важнейший орган! Ох, он и у меня уже раз десять бывал – и кричал на меня, и улещивал велеречиво, словно невесту... Даже, смешно сказать, взятку мне предлагал, чтобы я его признал

годным к воинской службе! Заметьте, не *негодным* – таким-то бы просьбам я не удивился, а годным!

– Вот-вот, и мне пол-литру совал! А когда я его к лешему послал, кинул мне на стол свой «белый билет» и пригрозил голодовку объявить. Каково, а? Самому товарищу Сталину, орёт, напишу, нажалуюсь на ваши порядки! Родину, дескать, я ему запрещаю защищать! И ведь правда напишет, тогда тут такое начнётся – не приведи бес! А мне и без товарища Сталина – хоть в петлю лезь... Так, может, посодействуете, а, товарищ военврач? Сплавим его отсюда, а там пусть другие с ним разбираются.

– Нас же на смех поднимут! С должностей сгонят! Скажут, вы бы ещё безголовых на фронт посылали!

– И пусть смеются, пусть сгоняют, зато нам без него передышка славная будет – хоть отоспимся! А наверху поймут, что паренёк вроде как немного того – не в себе, и, рубашку смирительную надев, спровадят его в блаженные места, откуда не на войну, а только на горшок просятся... Поставьте, где полагается, закорючку да штампик – и нехай радуется! Пригласить его? Он тут за дверью давно дожидается.

– Да это вы, похоже, «немного того», а не он! Не бывать одноглазым в армии – зарубите себе на носу! Чёрт знает что, взрослый дядя, целый майор, а понятия – ни на грош!

– Я, товарищ военврач, по-доброму хотел, но вообще-то, если понадобится, могу вас прямо сейчас по стойке «Смирно!» поставить и приказать! Пулей

Философ Васильевич Мокрушин

полетите и сами этого паяца кривого до эшелона проводите...

– Ах, так? Пулей, значит? Подождите – сейчас вас самого поставят в неудобную позицию! Тоже мне – приказчик нашёлся!

Дверь с треском распахнулась, из неё и взаправду шальной пулей вылетел немолодой доктор в белом халате, полы которого ангельскими крыльями развевались на его узких плечах. Расталкивая локтями сгрудившихся в коридоре новобранцев, он стремительно направился к выходу. За ним, безуспешно пытаясь прикурить папиросу, неспешно вышел коренастый военный в чине майора – верещагинский военком. Он жестом остановил кинувшегося к нему с ворохом бумаг художавого парня:

– Потом-потом, Мокрушин! Сам слышал, не решили ещё, что с тобой делать...

– Как это не решили? Сколько можно меня мурыжить? Бюрократы! Распоясались тут вдали от передовой! Думаете, управы не найду на вас? – взбеленился тот.

– Но-но, ты не очень-то пасть разевай, а то второй глаз выткну! – рассердился было военком и вдруг ехидно хихикнул. – А управу-то, похоже, сейчас на тебя найдут, а не на нас. Хор-рошую такую управу, всем управам управу!

Хронически не высыпающийся, затравленный многочисленными жалобами, требованиями, угрозами, он сам раз в месяц и каждый раз безрезультатно подавал по начальству рапорты с просьбой отправить его на фронт. Поэтому хоть и не показывал вида, но всё же втайне завидовал и сочувствовал этому надоедливому, хуже горькой редьки, молодому человеку, что всеми правдами и неправдами стремился попасть на войну.

Военком догадывался, к кому так поспешно направился военврач. Три дня назад на станцию Верещагино с инспекцией прибыл известный генерал, под началом которого доктор воевал в Первой Конной армии ещё в Гражданскую. Они тепло встретились, прилюдно обнялись, вспомнили былые битвы и жестокие рубки, и военврач, похоже, всерьёз рассчитывал на подмогу всесильного сослуживца, который даст укорот и военкому, и тому одноглазому выскочке. А Мокрушин и в ус не дул. Он решил, что с

места не сдвинется, пока не добьётся правды. А в борьбе за правду бояться нечего и некого – хоть генералами, хоть маршалами пугай!

Совсем молоденькие новобранцы из окрестных приобвинских и верх-очёрских деревень, ожидая медкомиссии, голышом мёрзли в сыром коридоре, стыдливо прикрываясь ладошками ниже пояса. Истощавшие на впроголодных тыловых харчах – синие тени в подглазьях, бледная кожа в пупырышках, на которой от холода торчмя дыбились редкие волосишки, наголо оболваненные головёнки в детских шишках и царапинах, они, раскрыв рты, слушали ободряющие шутки-прибаутки Мокрушина, тихо прыскали, стесняясь оглушить строгую больничную тишь громовым хохотом. Они видели, как уверенно держался Мокрушин, опасно смело покрикивая на большое начальство – видно, и сам из таковских. Ведь он единственный из всей мобилизованной братии был в штанах и щеголял нетронутой шевелюрой. Рекруты думали, что перед ними бывалый солдат или даже геройский командир, тем более что правая сторона лица Мокрушина была обезображена шрамом и зияла пустой глазницей.

Половицы коридора визгливо закрипели, содрогаясь от грузной походки. Перед испуганными новобранцами, словно с портрета сошедший, явился знакомый генерал – крутой лоб, усищи вразлёт, шею оглоблей не перешибёшь, ноги скорые, с кавалеристской раскорячкой – свита едва за ним поспевает. Военврач, страдая одышкой, спешно семенил рядом со своим бывшим эскадронным:

– Да честное слово, товарищ генерал – одноглазый!

– Как одноглазый? Что ты мне тут чушь несусветную порешь? Выпил, что ли? – глядя на покрасневшееся лицо военврача, усомнился генерал. – А ну, дыхни!

– Фух! – деликатно дунул куда-то в сторону доктор.

– Тьфу! – в сердцах плюнул генерал. – От вас, медицины, вечно карболкой или ещё какой-нибудь дрянью воняет: под такое амбре хоть ведро горилки выхлестай, всё одно не поймёшь... Но пьян ты или трезв, а всё равно ерунду несёшь! С каких таких пор в нашу доблестную Красную Армию начали калек принимать?

– Да мы и не принимаем, но он так просится, что и куда бежать от него, дьявола, не знаем! Вот и товарищ майор не даст соврать, – врач кивнул в сторону вытянувшегося в струнку военкома. – Все нервы нам вымотал этот Мокрушин!

– Хм, а ну давай его сюда, поглядим, что за птица – орёл или перепелица...

– Я здесь! – смело шагнул к генералу Мокрушин, отвернувшись от него обезображенной половиной лица.

– Та-ак! Ну, с виду-то вовсе и не орёл! И уставился на меня одним глазом, будто кочет с насеста, – генерал наклонил голову в сторону, пытаюсь разглядеть вторую половину лица рекрута, даже пару шажков по инерции сделал, но Мокрушин синхронно его движениям доворачивал голову.

– Зато и не курица, товарищ генерал! А петух, как Кутузов, и одним глазом увидит, какую квочку притоптать!

Тут уж голоштаные новобранцы не выдержали и разразились молодецким ржанием. Военком из-за спины генерала показал им кулак, военврач обречённо закатил глаза, а побагровевший генерал тоном, не обещающим ничего хорошего, проскрипел:

– Ну-ка, пройдёмте-ка в ваш кабинет, товарищ военврач, побеседуем, так сказать, с глазу на глаз с этим балагуром. Ишь, Василий Тёркин, нашёлся...

Мокрушин и тут не стушевался, подтянул сползавшие штаны, по рот-фронтски поприветствовал мобилизованных и юркнул в кабинет вслед за начальством.

– Значит, собрался Родину защищать... Ге-рой! Гвар-рдеец! Уважил так уважил, прямо дышать легче стало. А мы-то в Генштабе сон потеряли – никак не укубатурим, как без такого молодца с немцем сладим! Теперь-то, конечно, всё пойдёт как по маслу. Одоле-ем врага, да, товарищи? – генерал озорно подмигнул присутствующим, а военврач с военкомом угодливо подхихикнули.

– Позволь, голуба, полюбопытствовать – это в каких боях ты око потерял? С японцами или, может, с финнами?

– Я не в боях, – потупился Мокрушин. – В деревне ещё угланами игрались, шалили всяко... Давно. Бомбочки бахали, пышкарили да патроны в костёр кидали, ну мне и шандарахнуло. Дурак был...

– А теперь, значит, поумнел? Так, выходит, ты на действительной не был?

– Никак нет, – вздохнул Мокрушин. – Но зато учился в ОСОАВИАХИМе¹. Значок БГТО² имею. Военную службу я зна-аю!

– Ах, даже зна-аешь?! – округлил глаза генерал. – И в какие войска тебя, головореза такого, определить прикажешь? В лётчики, танкисты или в кавалерию?

– Нет, в пилоты меня с одним глазом не возьмут, я же понимаю. А вот в авиатехники или аэродромную службу – я смогу. Постараюсь! А если и туда нельзя, тогда в пехоту пойду.

– А пехоту, царицу полей, по твоему разумению, набирают по принципу: «Бери убоже, что нам не гоже»? Как ты, садовая голова, воевать-то собрался? Целиться-то чем и куда станешь? Глаз-то у тебя один и тот левый! – вытирая пот со лба, разошёлся генерал.

– Почему один? Вот второй! – Мокрушин пошарил в кармане и достал оттуда... стеклянный протез. Он поплевал на него, стёр прилипшие соринки и протянул генералу. – А стреляю я не хуже вас! Если не слабо, можем хоть сейчас спытать...

– Да я тебя под арест! На «губу»³ закатаю! Насидишься в холодочке на хлебе и воде – враз прозреешь!

¹ ОСОАВИАХИМ – общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству – советская общественно-политическая оборонная организация

² Значок БГТО («Будь готов к труду и обороне») вручался школьникам до 17 лет, сдающим спортивные нормы

³ Губа (армейск. жарг.) – гауптвахта, специальное помещение, где содержатся арестованные военнослужащие, совершившие правонарушения во время несения службы

– Не имеете права, – спокойно усмехнулся Мокрушин. – Я ещё вроде как не в армии, присягу не принимал – устав нарушаете, товарищ генерал! Вот как форму надену, тогда пожалуйста – хоть в штрафроту!

– Вы полюбуйтесь – буквоед какой! Шибко грамотный, да? – растерялся генерал и мгновенно рассвирепел. – А что это он у вас, медицина, так вальяжно расселся, будто падишах, да ещё в штанах? Тут медкомиссия армейская или бордель мадам Коко? Может, он отсутствие ещё какого-нибудь важного органа от вас скрывает? Вста-ать!

Военврач и военком вскочили сию же секунду, хотя команда была вовсе не для них. Мокрушин же, выдерживая характер, поднялся нарочито медленно, с достоинством.

– Вы не кричите и не смейтесь надо мной, товарищи военные! Думаете, блажит и выпендривается одноглазый? Вовсе нет! Из моей семьи все мужики на фронт ушли, один я остался, словно калека. Перед людьми совестно...

– Да ты и так калека! Нечего тебе стыдиться! – встрял военком.

– Вот он не понимает меня, хотя по должности своей обязан, – развёл руками Мокрушин. – И товарищ военврач тоже политически неверно мыслит! Вы прикажите им, товарищ генерал, чтобы они не волокитили, а немедленно удовлетворили мою просьбу!

– Как я могу приказать медицине? Я не Господь-Бог, глаз тебе новый на раз-два не сотворю!

– А кто тогда может приказать? Товарищ Сталин может?

– Вот ведь, и Верховного сюда приплёл. Нашёл важное дело!

– А вы, считаете, не важное? Покажите мне, где это в нашей сталинской конституции записано, что одноглазый не имеет права защищать свою Родину? Или одноногий, однорукий? Нас что теперь – в утиль?! Если так, прикажите отвести меня во-он в тот дворик и пусть меня расстреляют, но я с места этого не сойду, пока правды не сыщу.

– Да пойми ты, дурень...

Генерал досадливо крякнул и умолк. Он чувствовал, что его аргументы в споре с этим ершистым мальчишкой, пусть с точки зрения закона во всех отношениях правильные, закончились, и что они – пустой звук, по сравнению, с отчаянной силой волей невезучего парня, готового заплакать своим единственным глазом от обидной несправедливости, но уж никогда не от страха. Вот оно – первое советское поколение, выросшее на трудных, но своих, честно заработанных народом хлебах!

А военврач согласительно покивал, потому что он буквально недавно скрыл тяжёлое увечье у молодого лейтенанта, которого после госпиталя должны были немедленно комиссовать из армии. Уж как тот умолял, как ревел от обиды, что даже до передовой не доехав, попал под бомбёжку и получил тяжёлую контузию. Как, говорил, я в глаза своим товарищам смотреть буду, которые на Волжской твердыне свои жизни кладут? На

портупее готов был повеситься, если б военврач отправил его домой...

А военком вспомнил, что третьего дня готовил документы на железнодорожника, который как путеец имел «бронь» от фронта и в придачу близорукость на «минус пять». После того, как ему вновь отказали в отправке на войну, специально прогулял парнишка три рабочих дня, за что полагалась тогда тюрьма и штрафбат. Забаррикадировался у себя на квартире и держал оборону от всех, кто уговаривал его одуматься. И словно блаженный радовался, когда его под конвоем вели в трибунал: дескать, обманул систему – хоть таким макарон, но своего добился. «Вот и этот Мокрушин до конца пойдёт, если мы его забракуем, – подумал военком. – Раньше, чем немец убьём парнишку, погубим своей чёрствостью».

И генерал вдруг задумался, что ничего унижительного для Красной Армии нет, если в неё всеми правдами и неправдами стремятся вот такие ребята. Пусть с физическими увечьями, зато с совестью светлой и неповреждённой. Неприятно, если наоборот, здоровые, откормленные, хитропродуманные мерзавцы скрываются от войны в такой тяжёлый для Родины момент, упрашивают своих всесильных папочек и истеричных мамаш уберечь их жалкие жизни от бойни, валом валят не под Сталинград, где решается судьба Отечества, а в Ташкент или Алма-Ату, под ласково солнышко да сытные пайки.

И хорошо, что по столь лихой године на счастливое удивление мало в советской стране таких подонков,

хотя, конечно, чего скрывать, имеются. А этот пускай и одноглазый, но всё равно симпатичный, с красивой душой Мокрушин будет им вечным живым укором. И на войне – те, кто в других обстоятельствах спраздновал бы труса, при нём постесняются дрейфить. А значит Красной Армии от подобных парней несомненная польза. Такая вот, если разобраться, философия...

– А что, медицина, помнишь у нас в Первой Конной был комэска без обеих ног? По самый пах ему в Польше пёсья шляхта ходули отсекла, так он, как только оклемался, требовал: дескать, или застрелите меня, или на коня сажайте. Не могу, мол, иначе, пока контру не передушим. И ничего, рубился, как полагается, на Врангеля ходил! Беззаветного геройства был хлопец, а?! – словно ища поддержки, повернулся он к стоявшим навытяжку военным.

И военврач, и военком, и даже сам Мокрушин поняли, что сейчас произойдёт.

– Как звать-то тебя, солдат? – пряча в прокуренных усах улыбку, спросил генерал.

– Филосóф, – покраснел Мокрушин от смущения за своё некруглое имя из старушечьих святцев.

– Как-как? Филосó-оф?! Оно и видно! – расхохотался генерал. – Ну, раз Филосóф, то нам, товарищи, его ни в жизнь не переспорить. Наведёт он нам тут диалектику с материализмом и эмпириокритицизмом, да классиками марксизма сверху придавит. Так что, слушайте мой приказ...

СПЕХОВЦЫ

Герою Советского Союза
Фёдору Яковлевичу Спехову

Броня крепка, но дело – не в броне.
Чтоб заказать врагам Руси поминки,
Ты закалил характер свой в огне,
Имея душу парня из глубинки.

Александр Злыгостев.

Спорым шагом, пыля сапогами по песчаной равнине, к комкору Жукову приближался невысокий коренастый танкист в поцарапанном осколками ребристом шлеме. На ходу он уже успел кое-как оттереть копоть с лица, наскоро отряхнуть свой комбинезон – не до блеска, а с лёгким форсом, чтоб издалека видать было: не штабной шаркун идёт, а боевой командир. До конца он не был уверен, хвалить его будет командующий или чехвостить, но, ещё издали приметив сдержанные улыбки окруживших Жукова командиров, всё-таки больше рассчитывал на первое.

Старший лейтенант Спехов по вашему приказанию прибыл!

– Так вот ты какой, «Бог огня»? – Жуков оценивающе прищурился, любясь молодцеватым танкистом.

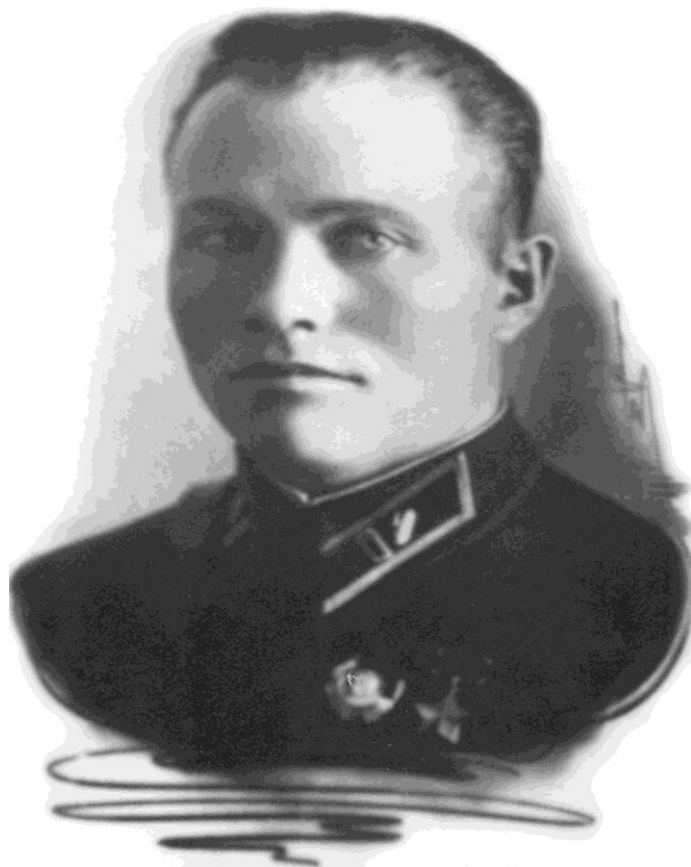
Сегодня танкисты были именинниками. И он вместе с ними, потому что одержал свою первую большую победу. Меньшей, чем ожидали в верхах, кровью, обхитрив врага, заставив воевать его так, как задумал

он, Жуков, а не как они там у себя в штабах планировали. И впервые не на учениях, не в теории, а в жестоких боях он увидел реальную ударную мощь броневых машин. Потрясающую!

Ещё два часа назад высота Баин-Цаган была японской. Как хвалились враги – неприступной твердыней, о которую разобьются большевистские орды. Поначалу, казалось, так и было: взяв первую полосу укреплений, наша пехота залегла, а танки и броневики попали под кинжальный артогонь. Жуков хотел уже устроить разнос командирам и приказать им сменить тактику, но вдруг прямо за позициями японцев выросли яркие огненные столбы, начали рваться боеприпасы, а из окопов слышался жуткий вопль горящих заживо людей. Это огнеметные машины ХТ-26 6-й легкотанковой бригады обходным маневром прорвались в тыл обороны противника и, словно всадники апокалипсиса, начали выжигать самураев из их нор. Танки сметали на своём пути артиллерийские батареи, давили гусеницами пулемётные гнёзда, расстреливали разбегавшихся в панике японцев. Воодушевлённые успехом советские бойцы и монгольские цырики¹ ворвались в траншеи и довершили дело, водрузив над Баин-Цаганом красный флаг Победы.

– Кто это там так напышкарил у японцев, что аж здесь жарко? Твои? – спросил Жуков у комбрига Павёлкина.

¹ Цырик – здесь: военнослужащий (рядовой) монгольской армии

Фёдор Яковлевич Спехов

– Так точно, мои. Замкомроты старший лейтенант Спехов со своими «спеховцами», – не без гордости ответил тот.

– Спехов, Спехов, – призадумался Жуков, который всегда старался запомнить всех своих подчинённых. – Это не тот ли, что три дня назад проутюжил японскую артиллерию? Как блин раскатал. Вовремя он тогда поспешил! И людей не насмешил. Японцев-то уж точно плакать заставил...

И вот этот самый Спехов стоит перед ним навытяжку и деликатно, но смело и внимательно

разглядывает командующего, которого тоже впервые видит так близко.

– Как звать? Откуда родом? – начал обычный для отцов-командиров расспрос Жуков.

– Фёдором... Фёдором Яковлевичем! Кхм, Фёдором, товарищ командующий...

«И чего это я мямлю», – мысленно укорил себя Спехов и продолжил уже бодрее:

– Деревня Верх-Речки, – но сообразив, что это простецкое название ничего командующему не скажет, снова смутился, пытаясь расширить родную географию. – Это рядом с Павловским заводом, от Очёрского недалеко, вернее – от Перми. Город такой на Каме. Большущий. Там писатель Мамин-Сибиряк жил. На Урале...

– А что застеснялся-то, Фёдор? Хорошее название – Верх-Речки. Как родник, Русью звенит, – на обычно каменно-властном лице Жукова на мгновение появилось мечтательное выражение, взгляд его рассеялся, суровая складка на переносье словно растаяла. Может, вспомнил он родную Стрелковку, посеревший от старости щербатый плетень поскотины¹, стога золотистого сена на взгорке, кое-как крытый неокрамлённым тёсом домик, мать-старушку, согнувшуюся над подойником, убегающий вниз к реке из криницы каменистый ручей. – Да-да, как родник журчит...

¹ Поскóтина – пастбище, выгон, непосредственно прилегающие к деревне и со всех сторон огороженные изгородью

И вдруг разом преобразился – вскинул подбородок, озорно подбоченился и, подмигнув окружающим, протрещал задиристой калужской скороговоркой, что так не вязалась с зычным рокотом его командного голоса:

– Хе, я выть, Хвёдор, тудыть-сюдыть, тож в дярёвне родимшись, и вон ышь в какы чины пролеж!

Все, кто находился рядом, на секунду опешили, а потом раздался такой оглушительный хохот, что можно услышать только на русских сельских ярмарках по большим праздникам. Но и здесь, в Монголии, повод для веселья всё-таки был. Врага разбили наголову – в фарш, в капусту... Даже кичливые своим врождённым бесстрашием самураи были потрясены смертным ужасом, и теперь в их генах, похоже, навсегда останется память позора и страха перед русским солдатом, что превзошёл их в битве. Вот они – герои: усталые, прокопчённые палящим солнцем и дымом боёв, открыто, белозубо смеющиеся над смертью и над тем, что теперь уже, похоже, не надо будет больше умирать. Ну, а если всё-таки придётся, то уж ладно, не впервой – не два же раза...

– И про Пермь я тоже проходил, – улыбнулся Жуков. – Не в школе, а здесь, на Халхин-Голе, узнал, что вы за такие пермяки – солёные уши. Без твоих земляков нам бы трудно тут пришлось. Правда, сперва они шалаяй-валяй воевали, некачественно, неумело, как драчуны дворовые. Что с них взять было – необученные, необстрелянные, а их сразу в пекло. Теперь-то с этой дивизией я сам готов в огонь и воду идти, хоть к черту на рога, но какой крови это стоило... Запомни, Спехов: в

бой вести людей легко – они, если потребуется, и сами пойдут, не из-под палки. Хорошие у нас люди! Советские! Но если поведёшь их наобум, не обучив как следует, всех хороших и погубишь ни за грош. Одни плохие останутся, и ты будешь первый среди них плохиш. А с плохими много не навоюешь – только навоеешься...

– Учту, товарищ командующий! – козырнул Спехов. – Только среди танкистов плохишей не водится. Плохого танк к себе не подпустит – обязательно лягнёт!

Жуков, как старый кавалерист, шутку оценил и снова от души рассмеялся.

«Смышлёный малый! Читает бой не только по уставу, но и далеко вперёд. То, что перед самураями не дрейфит, – это ещё полкомандира. Тут, на Халхин-Голе, храбростью никого не удивишь. А что не сдрейфил без тёщиных подсказок и дядиных приказов в тяжёлой, когда промедление смерти подобно, обстановке принял самостоятельное решение и жутких потерь избежал, взял на себя всю полноту ответственности – это уже командир полноценный», – Георгий Константинович понимал, что только с такими командирами можно будет победить в будущей войне. А что она будет, и совсем не такой, как здесь, в песках Монголии, а куда страшнее и дольше, Жуков не сомневался.

– Желаю успеха, товарищ Спехов! – нечаянно скаламбурил командующий. – Вот видишь, пермяк – к правильному, нужному на войне слову твоя фамилия рифмуется.

– Внимание! Отставить – и марш на исходную! – устало скомандовал невысокий коренастый майор с Золотой Звездой Героя на гимнастёрке. – Оттуда все сначала, по моему сигналу! Командиры машин – ко мне!

Несколько танков Т-34, коротко рыкнули моторами, будто выругались в сердцах, и медленно начали сдавать задом в сторону лесной опушки. Их командиры, тоже поругиваясь и чертыхаясь вполголоса, направились к майору.

– Да он нас так ещё до боя замотает! Довёл до ручки – хуже фашиста...

– У меня и по вождению, и по стрельбе – неуд. А в «учебке» я лучшим был!

– И поделом тебе, Курочкин! Вместо того, чтобы в институте на воензанятиях матчасть изучать, ты в Перми по «козьему загону»¹ за девушками фланировал, глазками по ним стрелял. А на майора Спехова твои замечательные глазки, хоть убей, не действуют!

– Трави-трави. Сам-то много у него преуспел? Когда задачу «танк в разведке» отрабатывали, что он тебе сказал? Ты, говорит, из люка выглядываешь, словно из главной дыры деревенского сортира, и видишь ровно столько же, разведчик...

¹ «Кóзьим загóном» пермяки раньше называли сквер им. Ф. М. Решетникова, который находится на берегу реки Камы между улицами 25-го октября и Сибирской

– Капониры¹ рыть заставил... А на какой лешак нам тут капониры? От кого мы прячемся – от ворон? И так сил нет, комбез хоть выжимай...

– Сразу видать, не бомбили тебя. А то б не только свой танк, а всю бригаду в землю закопал!

– Строевик – чёрствая душа! Ему эти железные коробки дороже наших жизней.

– А ведь ещё, земляк, братцы! Слышал, будто очёрский он, от моей Нытвы вёрст тридцать всего. Негоже так со своими обращаться, не по-людски...

Когда 30-й Уральский добровольческий корпус после сражения на Курской дуге перевели в резерв, остатки Молотовской и Челябинской танковых бригад влили в Свердловскую, где личный состав был почти сплошь без боевого опыта. На счастье командира бригады, к нему временно назначили нового заместителя по строевой – майора Спехова. Тот, хотя ещё и не совсем оправился после тяжёлого ранения, рьяно взялся за боевую учёбу. Ни сна, ни отдыха не давал он танкистам. Спехов ценил, что все они пошли воевать добровольцами, однако видел, что военная подготовка у бойцов и офицеров хромает. Почти все из запаса, прямо от станков и кульманов – всё, что в армии проходили, уже позабывали давно. А многие и не служили вовсе.

– Вот что, землячки! – предупредил их Спехов. – Радовать фрицев я не собираюсь. Нагляделся я на таких «Якалок», «ВСЁМОГУкалок» да «УРАкалок» –

¹ Капоні́р – огневое оборонительное сооружение для ведения флангового или косопрямельного огня

неучей, что кострами горели. Так что, не взыщите, поблажек от меня ждать нечего.

И гонял их Спехов так, что не то, что люди – казалось, танки потели! Он хорошо помнил наказ Жукова...

Как всегда, последними с полигона уходили механики-водители.

– На вас, товарищи мехводы, лежит огромная ответственность за машину и за весь экипаж, – наставлял их Спехов. – Так что ни за рабоче-крестьянское происхождение, ни за политическую грамотность и моральную устойчивость скостить вам ошибки в вождении танка я не имею права. Согласны?

– Так то-очно! Чего уж... Эх, доля наша... Понимаем, не маленькие, – уныло вздыхали танкисты.

– Ну, раз так, продолжим. Гурин, Муштаков, Кабиров – к машинам!

– Чего вы на меня уставились, сержант? – спросил Спехов молодого механика-водителя, что замешкался, пристально вглядываясь в его лицо.

– Товарищ майор, очень уж вы сильно на одного хорошего человека машете.

– На киноартиста, что ли? На Николая Крючкова? – усмехнулся Спехов. – Не подлизывайтесь, Гурин! Всё равно, пока учебные задачи не освоите, в бой не пойдёте. Не задерживайте людей – к машине!

– Да не-ет! Я вовсе не про это! Мастер у нас в цехе – вылитый вы. И фамилия одинаковая. Лучший токарь в Свердловске!

– Постой-постой... Неужели Пашка?!

– Вам, может, и Пашка, а на заводе он – Павел Константинович. Легендарная фигура – рабочая косточка!

– Так ты с «Уралмаша»? Что ж ты раньше молчал, обормот такой! – Спехов потряс Гурина за плечи. – Ну, рассказывай, дорогой мой, как он там? Здоров ли? Ноги у него, понимаешь, плохо ходят... Ему процедуры разные нужны, лекарства, питание, молоко, носки вязанные...

– Да что рассказывать? – Гурин, конечно, мог поведать Спехову, как голодают и валятся с ног от усталости рабочие, что дают фронту самое грозное оружие – танки. Что ноги, по всей вероятности, Павлу Спехову лечить некогда. Поэтому, чтобы лишний раз не мучить себя, он не идёт домой после смены, а остаётся ночевать прямо в цехе. Что молоко ему, наверное, только снится, и половину скудного пайка Спехов скармливает своим ученикам, пятнадцатилетним пацанам, которые наравне со взрослыми вкалывают на производстве, но буквально слепнут с голодухи, а норму выполнять как-то надо. А холодина в цехах бывает такая, что никакие носки не помогут – работой только и согревается.

Но сказал совсем другое:

– Вы знаете, его же недавно орденом Ленина наградили! Павел Константинович целое трудовое движение организовал – Спеховское! Это вроде как Стахановское, но только ещё мощнее! – Гурин в горячке не заметил, как от избытка чувств ткнул Фёдора Яковлевича ладонью в грудь. Тот, впрочем, тоже не

Павел Константинович Спехов – новатор производства, токарь ремонтно-механического цеха Уральского завода тяжёлого машиностроения вместе с подопечными.

будет, – горячо продолжал Гурин, но вдруг осёкся и вздохнул: – Хотя трудновато, конечно...

Спехов и сам чувствовал, что Гурин бодрится из деликатности, наивно пытаюсь скрыть всю правду. Крепкая броня каждой «тридцатьчетверки» слита не только из металла, но и пота, крови и даже жизней тех, кто пал не от фашистской пули, а прямо на рабочем посту. Кто считал эти потери, хотя они тоже самые настоящие боевые? Дорого, ох, как дорого даётся Победа...

И слышавшие рассказ Гурина танкисты мысленно поклялись, что будут беречь свои машины пуще любимой девушки, а если уж придётся гореть – на то и война, то не зазря, а желательно вместе с фашистами.

– Я ведь тоже из бывших «спеховцев», товарищ майор, – сказал Гурин. – Нас в корпусе много таких.

– Почему же бывших? – улыбнулся Фёдор Яковлевич. – Из самых настоящих! И будет ещё больше – я ведь тоже, как-никак, Спехов! Павел с вас на «Уралмаше» стружку снимал, а тут, на фронте, моя очередь. Так что, не обижайтесь, «спеховцы»! Всем экипажам – на исходную!

Спехов, конечно, понимал, что это лишь полдела – научить танкистов метко стрелять и виртуозно водить машину. На войне важно и другое – чувство локтя, боевого братства. И воспитывается это чувство не на полигоне...

...В ночном бою на Брянщине погиб лейтенант Бородулин. Товарищи не смогли найти его тела в темноте и вернулись в расположение.

– Где ваш командир? – строго спросил их Спехов.

– Убит! – понуро ответил один из танкистов. – Я сам видел.

– Это я уже понял. Но я спрашиваю – где он?

Повисло тягостное молчание.

– Построить батальон! – приказал Спехов комбату Аверину.

– Не нашли мы его. Темно было. Устали как собаки... Завтра отгоним немца и отыщем, – не поднимая глаз, смущёнными, неуверенными голосами забормотали бойцы в шеренге.

– Погиб наш боевой товарищ. Вынести его прах с поля боя – святая обязанность. Добровольцы – два шага вперед!

Спехов понимал, что если никто из этих молодых солдат, только что выживших в своём первом бою, сейчас не шагнёт, то за убитым лейтенантом придётся идти ему. Иначе все его громкие слова не будут иметь никакого смысла. Просто приказать Спехов тоже не мог, иначе эти парни, что только начинают свои боевые биографии, не поймут чего-то очень для себя важного. Каждый из них должен сам был проникнуться уверенностью, что командир, посылая солдата в бой, иногда на верную смерть, никогда не бросит его – ни раненого, ни мертвого, что товарищи вынесут его, рискуя своими жизнями, не оставят на поругание. И тогда ему не так страшно будет идти в атаку и, главное, гораздо спокойнее.

И Спехов облегчённо вздохнул, когда весь батальон, танкист за танкистом, шагнули из строя...

Ученики не подвели своего наставника. Когда в первый день апреля 1945 года гвардии подполковник Спехов повёл бригаду в свой последний бой и был смертельно ранен осколками вражеского снаряда, товарищи без приказа, под жутким огнём противника на своих плечах вынесли своего командира. Он хорошо их учил. Одно слово – «спеховцы»!

ПРАБУМЕР

Пыльная дорога сухо хрустела гравийным крошевом под рифлёными шинами штурмовавшего крутой подъем джипа.

– Кажись, здесь, бродяги!

Чёрная, сияющая на солнце агатовыми искрами «бэха» припарковалась у маленького, с подзамшелой шиферной крышей бревенчатого домика, что уютно прижался к двум могучим тополям-осокорям у самого подножия Данилкиной горы. Из душного салона иномарки нагло, короткими толчками, словно рыга с икотой, рвался на волю матюкастый рэп.

– Глянь, пасаны, а ведь ничёсе так местечко! – перекачанный амбал с трудом выпростал свои мясистые, как окорочка Буша, ляжки из дверцы БМВ, не глядя ступил на скромную клумбу, раздавив широченными сланцами кустик «татарского мыла»¹, и по-хозяйски огляделся. – Халупу эту дешманскую, ясен пень, снесём на хрен. Я уже синеботов надыбал за пайку и бухло – пускай ломают, а там бригадку подгоним, она к осени фундик успеет залить. А пока, тоси-боси, тут мангальню с коптильней замутим, там – баньку.

Из ворот вышла невысокая женщина в кухонном фартучке и, робко поглядывая на незнакомых парней,

¹ «Татáрское мы́ло» или «мыльный корень» – так называют в народе многолетнюю траву зорьки обыкновенной или ліхниса халцедóнского.

встала у палисадника, не смеясь к ним подойти и заговорить. Месяц назад она решила продать братний дом – ни сил уже не было за ним следить, ни, главное, средств. Покупатели нашлись быстро: место-то тихое, красота кругом – не описать, не обсказать, язык немеет! Потому и кинулись в полузабытый Богом Очёр люди из мегаполисов – оборотистые, уверенные, с тугой мощной. Почти не торгуясь, скупали они у пенсионеров и бывших работяг скромные дедовские домишки, безжалостно раскатывали их по брёвнышку, но зато через год-другой на их месте вырастали лувроподобные коттеджи и дворцы, которые, быть может, не мог бы себе позволить даже сам сиятельный граф Строганов – основатель здешних палестин.

И вот приехали они на смотрины уже как к себе домой и хозяйку в упор не замечают.

– Беседку бы надо замастывать, пока хату строят! Да чтоб с диванчиком, – сально осклабясь, высказал пожелание жилистый, с подбитым глазом живчик, с ног до бровей украшенный разноцветными татушками, как расписной «ванька-встанька».

– Но-о! – согласился амбал. – Вместо того петушатника. – Указал он на стайку, откуда слышалось куриное квохтанье, и брезгливо повёл поросячьим носом. – Навоза мне только тут не хватало.

– А тама чё? Гараж забацаем? – подал голос третий, цыганского вида хлопец, глядя на дощатый сарай, ветхие воротца которого выходили на улицу. К ним вела едва-едва заметная, уже давным-давно

позаросшая спорышем и мать-и-мачехой узенькая колёсная колея.

– Э, уважаемая! – Амбал наконец-то соблаговолил обратить на хозяйку внимание. – Отопри-ка сарайку! – и, видя её замешательство, добавил: – Да не очкуй, не обкоммуниздим! Чё за хлам там у тебя? Телега лошадиная или, может, «мерс» шестисотый?

Парни беззлобно заржали – шутка, по их незамысловатым понятиям, была вполне себе ништяк.

Женщина вздохнула, вернулась в дом, вынесла здоровенный, как в сказке про Буратино, ключ и молча протянула его амбалу.

– Да им, бабка, только черепушки крушить, – удивился амбал и начал беспомощно тыкаться ключищем в проржавелый навесной замок. – Чё тут, куда сувать-то?

– Дай-ка мне, взломщик хренов! – выхватил ключ цыган и, сноровисто пошерудив изящными, как у матёрого «медвежатника» пальцами, быстро справился с замком.

– Пылищи-то! – поморщился амбал. – Не, бабуса, давай решай уже чё-нить со своей хурдой¹ вонючей.

Он с отвращением оглядывал нехитрый скарб, копившийся здесь из поколения в поколение: измятые вёдра без дна, прохудившиеся лейки, кособокая кошёвка с потрескавшимися полозьями, сточенный серп, воткнутый в щель в стене, вороха пёстрого тряпья и пересохшие веники неведомых духмяных трав.

¹ Хурда́ (разг.) – пожитки, вещи, мелкий скарб.

– А то я завтра «газельку» подгоню и на помойку всю эту заваль уволо..., – неожиданно на полуслове осёкся парень, разглядев в дальнем конце сарая то, что никак не вписывалось в убогий интерьер.

А там, обсыпанный сенной трухой, накрытый дырявой мерёжей, будто маскировочной сеткой, упёршись колесом в корявую кадку-долблёнку, приземисто и важно стоял мотоцикл с коляской со знакомым каждому «чёткому и ровному» пацану логотипом – бело-синий пропеллер в чёрном круге с буквами «В», «М» и «W». Даже сквозь миллиметровый слой пыли и паутины кружева было видно, как матово блестит тёмно-зелёный защитный колер на раме и никелем светятся детали мощного мотора.

– Мама родная! Это ж «бумер» немецкий – на нём сам Гитлер, по ходу, ездил! Зырьте, и канистра в коляске – с орлом и свастикой! Бабка, чё, в натуре с 45-го года тут стоит? – поразился амбал. – Твой мужик, чё, за нациков воевал? Хенде хох, партизанен, пуф-пуф? Как его там... а, бендеровец, да? Предатель Родины?

Хозяйка, промолчав, отвернулась, чтобы скрыть брызнувшие из глаз слёзы. Хорошо, подумала, что покойный брат уже не слышит, какими словами его тут костерят «благодарные» потомки...

– Э, Расписной, ты же шаришь в «трахомах»! Оживи монстрика и покатаемся чутка! – потёр руки амбал и легко выкатил из сарайки чудо-мотоцикл, злобно воззрившийся единственным глазом треснутой фары на белый свет, которого уже три года, почитай, не видел – с тех пор, как помер его хозяин.

– Оба-на! – Татуированный с видом знатока со всех сторон обошёл диковинную технику. – Да он, бродяга, сгнил уже от старости – вторчермет на колёсах! Не, не хилает!

Но с вердиктом спец поспешил. Он провернул ключ зажигания, небрежно лягнул ножной стартёр и... аж отскочил от неожиданности! Мотор завёлся с пол-оборота, словно и не дремал в своём узилище долгие месяцы. «Дрын-дыг-дыг-дыг!» – мощные толчки вмиг заглушили нудный речитатив рэпа.

– Да этого быть не может! Даже аккумулятор не сдох!

Расписной прыгнул за руль, шумно погазовал и, растопыбив локти, выехал на дорогу.

– Ну чё, запрыгивайте! Щас проверим вас дрейф!

Дважды повторять пацанам было не надо: амбал торжественно уселся в люльку, а цыган легко, словно на краденого рысака, махом взлетел на заднее седло: «Погнали!»

Рявкнув мотором, мотоцикл неуклюже рванул с места и бешено покатил по тихой улочке. Взбаламученные рёвом соседские куры, теряя оперение, пытались взлететь на забор. Мирно дремавший на завалинке кот испуганно подскочил, вознамерился дать дёру, но спросонья не вписался в специально выпиленную для него дырку в дверях. Округа огласилась заливистым лаем: из подворотен эстафетно выбегали разнокалиберные псы, которые от вечной скуки собачьей, как известно, падки на любой

кипиш, особенно на азартные гонки за любой техникой, что рычит, триндит или имеет колёса.

Непривычный к строптивой мощи «БМВ», седок с трудом удерживал руль. Побледневшие от страха и драйва пассажиры судорожно вцепились дрожащими пальцами, кто за что успел. Мотоцикл колесом заехал в непросыхающую лужу, обдав хозяйку дома брызгами грязи. Потом пошёл юзом и коляской задел палисадник, скособочив столбики и разломав штакетник; взвизгнув, выбрался на взлобок, где высилась водокачка, и напрочь сшибил лавочку с вёдрами и коромыслом.

– Вот зверюга! – проорал расписной.

«БМВ», словно вырвавшийся на волю вепрь, метался по улице, давя и пугая всё вокруг, вонько стреляя чадным выхлопом. Парни, почуяв адреналин, бешено хохотали и махали руками.

– Вы что творите, поганцы?! – из дома напротив вдруг выбежал маленький коренастый мужичок в тельняшке и домашних трениках. Храбро, будто коня на скаку за уздцы, остановил за раму на мгновение притормозивший мотоцикл и проворно вытащил ключ зажигания.

– Ты чё, пупяра, офонарел в края? – обалдело вытаращился на смельчака амбал и, как ни странно, угадал уличное прозвище мужичка, данное ему за необылинный рост – Коля-Пупик. – Рамсы попутал, плисень? Ты кто вообще?

– Конь в пальто! – выругался Пупик и, отважно подбоченясь, приказал: – Слазь с мотика, оглоеды! А не то соседей позову – худо будет!

А кое-где уже и без зова хлопнули калитки, и на улице показались сердитые мужики – матёрые очёрские работяги, готовые мигом вступить за Пупика и соседку. Потирая кулаки, они угрожающе окружили чужаков.

– Да я теперь ваш сосед, чертилы! – оторопел амбал. – Хорош, братва, наезжать!

– Слазь, повторяю, и загоняй обратно под замок это чудище! Полвека простояло и дальше пусть ржавеет! – Пупик с силой и злобой пнул «БМВ» по колесу.

– Объясните нормалём – что не так? Уж и прокатиться нельзя!

– Нельзя, если жить хотите. Проклятье на нём, беды по его следам ходят. Сколько душ загубил и людей перекалечил, сволочь гитлеровская.

– Да нормальный мотик, пусть и фашистский! «Бумер» же! Наши, чё, лучше?

– Запомни, парень – ничто фашистское не может быть нормальным! А этот монстр тем более. Дядя Паша, хозяин, и сам не рад был, что с войны его привёз. Оттого, может, и помер раньше срока, что переживал.

Женщина схватилась ладонью за сердце и тяжело присела на покосившую лавочку.

– Что, Ивановна, поплохело? Может «скорую»? – участливо приобнял её Пупик. – Рассказать им, что ли? Или пускай так катятся?

Та лишь устало махнула рукой...

Он лежал на боку, вверх коляской, на обочине узкой венской улочки, застряв ручкой руля в чугунной решётке «ливнёвки». Старинная мостовая была вдоль и поперёк иссечена пулями, избита разрывами, примята танковыми гусеницами, но вычурные здания, хотя и курились кое-где дымком, фасон ещё держали, потому как приказ был жёсткий: «Город сберечь!»

Из коляски, будто младенец из опрокинутой зыбки, выпал мёртвый немец – совсем мальчишка. Едва ли моложе самого Пашки. Мешковатая форма – на два размера больше, тонкие ноги его, торчавшие из огромных сапожищ, будто прутья из ведра, запутались в пулемётной ленте, ухоженные белокурые волосы плавали в тягучей кровавой лужице.

«Гитлерюгенд проклятый, – негодовал Пашка. – Совсем одичали фрицы, таких салаг на убой шлют». В устах круглолицего, с боксёрской чёлочкой на стриженной мальчишеской голове солдата эти слова показались бы смешными, но если и были они одногодками, то Пашка выглядел старше, взрослее убитого немчика на целую пропасть – два окопных года...

Бой откатился на три квартала дальше. Бойцы 349-го стрелкового полка свою задачу выполнили, выкурив немцев из пяти трёхэтажных домов на окраине Вены. Где-то гулко бухала самоходка, с противным визгом плевалась огнём «Катюша». Юные взводные покрикивали неуверенными басками, собирая оставшихся в живых. И чем ближе подступали наши к

центру города, тех, кто откликался на зов, было всё меньше и меньше...

Несколько молодых солдат усталой гурьбой подошли к Пашке и, дивясь, обступили опрокинутый мотоцикл. Многие парни, особенно те, кто вырос в глухих деревеньках, вообще никогда не видали подобной техники. А если и видали, то только обгоревшую, покорёженную, иногда ими же самими подорванную гранатами или изрешечённую очередями, вдавленную танковыми гусеницами в землю – вместе с седоками в мышастого цвета мундирах.

А тут – целёхонький, словно с витрины универмага! Не горе, что в перевёрнутом виде – всё равно красив. Особенно в сравнении с нашими неказистыми трудягами – «ижаками» да «тизами».

Пашкины друзья-земляки, с кем он призывался в один день из родного Очёра, Костя и Лёнчик деловито и со знанием дела оглядывали подбитый мотоцикл, гладили по шершавым сидениям, крутили тросики-крантики, цокали языками.

– Бэ-э... Мэ. Вэ. Чего это означает-то? – спросил Костя.

– Да хрен его знает, но звучит баско! – почесал затылок Лёнчик.

– Аккуратно ты его, Пашка! Будто подножку поставил. Даже судья б не свистнул – чистый подкат! – восхищённо покивал головой футболист Костя Мишланов, для которого даже война была продолжением тяжёлой игры с сильным и падким на

грязные финты соперником. – Ни вмятинки, ни царапинки...

– Зато этому бедолаге досталось, – пожалел убитого фрица пожилой ездовой. – А шóфер-то где, а? Утёк поди?

– Утёк, да недалёко, – Мишланов дулом автомата указал на труп здоровенного немца в чёрном плаще, что ласточкой распластался в десяти метрах от мотоцикла. – Через руль перекувыркнулся эсэсовец.

– Ну, этому-то борову поделом! Небось, он и заставил мальчонку по нам стрелять...

– Да-а, если б не Пашка, наделал бы он тут нам делов – с тылу, гад, прокрался, – усмехнулся Лёнчик Шардаков, прозванный за лихой нрав «Черкесом». – И лента полная, – удивился он, отцепив от коляски пулемёт «МГ».

Пашка молча глядел на дело рук своих. Мёртвых фрицев он не замечал, замороженный изящными изгибами продукта германского мотопрома. О таком мотоцикле Пашка, как и все мальчишки, мечтал всю свою короткую жизнь. Но вот беда: с техникой, причём с любой, в отличие от друзей, у него совсем не ладилось.

В детстве попробовал на велосипеде проехаться – сразу в столб вшмякался. На заводской практике уверенно встал за токарный станок, но тот почему-то Пашку сразу невзлюбил и едва не оттяпал у горе-токаря указательный палец – и чем бы сейчас на курок нажимал да в носу ковырял... В ОСВОДе учился с ребятами водолазному делу: пока шла теория, ещё туда-сюда, а как надели на Пашку тяжёлый костюм и в

пруд окунули, что-то там лопнуло, и только пузыри пошли – насилу спасли горемыку. Что говорить, с лошади на сенокосе и то сверзился, как подбитый картечью кавалергард на Бородинском поле! Бывает же такое несчастье...

Но в этот мотоцикл Пашка просто впился глазами, обошёл со всех сторон, обгладил словно домашнего кота, подёргал за все ручки. «Вот бы мне такой», – размечтался.

– На что вы там раззявились? Дохлых фрицев не видали? – к бойцам быстрым шагом, перебинтованной рукой прижимая к бедру командирскую планшетку, приближался комроты Смирнов, постоянно и без того нервный да вспыльчивый, а после последних потерь вообще озверевший.

– И почему толпой, едрёна вошь?! – вдруг заорал он. – Фигнёт вот такой же сопляк из фаустника¹ – и вместо вас домой бумаги казённые поедут! На кой лешак матерям вашим эти бумаги – слёзы ими утирать?! Вы живые нужны, поймите же, дурни! Р-разойдись!

– Да вот, любимся, товарищ старший лейтенант! Наш Павлантий важную монстру подшибил. Виднющий трофей! Вон, как мечтает, расстаться не может, словно с дрóлюшкой² – загляделся, аж рот раскрыл.

– А что, Бояршинов? В бою добыто – значит, твой лешагон по праву, – смягчился комроты. – Воюешь ты

¹ Фа́устник (*армейск. жарг.*) – фаустпатрон, т. е. немецкий противотанковый гранатомёт одноразового использования

² Дрóлюшка (дроля) (*устар.*) – любимый человек, возлюбленный или возлюбленная

справно, а будешь и дальше вести себя как полагается, хоть домой на нём езжай. А бумаги я выправлю честь по чести. Сделаем так, что будто бы мотик – наградной. Войне ж конец скоро, славяне! – старлей мечтательно сдвинул на затылок порыжевшую от пыли фуражку, оголив волнистый чуб.

– Да что я, мародёр, что ли? – смутился Пашка. – Отродясь чужого не брал.

– Ты чего, дуже богато живёшь в своей Очёре? Млечная река, кисельный бережок, а посередине грузовик с тульскими пряниками застрял? Курей не смеши!

– Небогато, но зато честно...

– Ну да, вас же там на Урале не жгли, не бомбили! – вскинулся Мыкола Первадчук с Харьковщины, который только вчера получил письмо из дома, в котором говорилось, что дома-то, собственно, у Мыколы уже нет. И семьи тоже – всё спалили немцы. – Честный, блин, какой. Мне б такое счастье привалило, я б пол-Германии увёз, а остальное взорвал бы к сучьим чертям, и посередине кучу бы навалил, чтоб ничего тут больше на этой проклятой земле не было. Одна большая куча!

– Чем удобришь, то и пожнёшь, – Мишланов не щадил боевого друга. – Такие же гады, вот увидишь, нарастут на твоём-то навозе, и с ними опять воевать придётся... Не журишь, Мыкола, прав Пашка – нельзя нам руки об ихнюю барахлень марать.

– Да и примета плохая – не садись в чужие сани, особенно опосля покойника...

– Будет вам каркать, ребята, это честный трофей! Нехай ежат! Заслужи-ил! Девочек катать станет – все евонные будут! Не убудет от фрицев! А ну как особисты поинтересуются? Не-е, не советую... Что ж его, танком плющить, что ли? Или увезёт какая-нибудь тыловая колбаса, не мыргнет! Не сумлевайся, Пашунь, катися в свой Очёр! – хором загалдели бойцы.

– После победы на рыцарском турнире триумфатор имел право завладеть конём, оружием и доспехами проигравшего, – подытожил спор очкарик-всезнайка Стасик Дундур. – А мотоцикл – железный конь. Даже много коней! Двадцать две лошадиные силы! Так что, Павел, не смущайся – щепетильные вопросы чести соблюдены. Хотя какие там с нацистами могут быть вопросы чести... Давай, мужики, поставим на ноги этого першерона¹!

Бойцы отёрли Пашку от мотоцикла, на «раз, два, взяли» в три секунды водрузили его на колёса.

– Ну-ка, Бояршинов, седлай коня! – скомандовал комроты.

– Да я потом, – отступил на два шага Пашка. – Попривыкнуть надо. Там и система поди ненашенская...

– У мотоциклов как у девочек – система везде одинаковая! Не дрейфы! Шпарь, Павлантий! Штанов не жалей – старшина новые выдаст! Го-го-го! – солдаты подняли вяло сопротивлявшегося Пашку на руки и посадили в седло, как английскую принцессу. – Газуй! Только не сзадуй! Взяли, парни – и-и-и раз!

¹ Першерон (першеронская) – тяжеловозная порода лошадей

Лёнчик повернул ключ зажигания, бойцы с толкача разогнали «БМВ», мотор завёлся с пол-оборота, зловеще зарычал, Пашка с выпученными шарами прокатился два десятка метров и... вылетел в кювет. Ласточкой...

– Не-ет, дружок, эдакой иноходью ты до своей Очёры не докатишь – шею свернёшь, – протянул комроты. – Не по седоку рысак! Или верно – примета недобрая?

– Ничего, Пашук, – приободрил товарища Костя, щедро замазывая йодом ссадины на пашкином лбу. – С ветерком докатим до дому. Втроём, как «три танкиста выпили по триста, экипаж машины боевой»!

– Научишься ещё, успеешь! Ведь вся жизнь впереди, Паша! Чуешь? – Лёнчик хлопнул его по плечу и, жадно вздохнув полными молодыми лёгкими, счастливо засмеялся. – Девчат будем возить, на рыбалку гонять на Торсуновское озеро или ещё куда дальше – на Обву, на Каму, в устье Очёра...

– Или ко мне в Нижнюю Талицу, – мечтательно поддержал Костя. – Грибов там у нас – под каждым пнём по десять белых да сорок рыжиков напичкано! А яго-од...

Но до Победы оставался не *всего лишь*, а *ещё* целый-целый месяц... За считанные дни до немецкой капитуляции Костю сильно зацепило осколком, и он надолго угодил в госпиталь. А Лёнчика убило. Так что пришлось Пашке ехать домой одному...

– Ого! Литер до самого Верецагино! Это ж на Урале! – удивился железнодорожник, принимая на платформу мотоцикл «БМВ» – стреноженный буксировочными канатами, словно буйный бык перед корридой, и укрытый брезентом. – Аллюр, три креста! Ты, случаем, не генерал переодетый, коль тебе такую завидную «трампапу» вывезти разрешили?

Он насмешливо разглядывал смущённого солдата в добела выгоревшей гимнастёрке с измятыми погонами рядового-окопника, который бриться-то лишь месяц назад начал, а мог бы, впрочем, ещё годик-два и погодить.

– Гляди в оба, чтоб не отняли у тебя игрушку-то! Сейчас на дороге полно разной шантрапы вожгается, только и ждут таких полоротых, чтоб догола обчистить, – поучал Пашку путеец. – А ежели из тыловиков кто позарится, не бойсь и никого не слушай! Бумага у тебя сильненькая. Ну, на крайний случай скажешь, что моторыгу самому маршалу Ворошилову в подарок везёшь – враз отвянут!

К солидному мотоциклу по дороге и правда присматривались: мол, ишь какой драндулет! Чаще всего с простым любопытством, но ближе к Москве к эшелону, не боясь патрулей, стало липнуть разное жульё. Выползли на божий свет мерзкие личности, неведь где скрывавшиеся от войны, приценивались к пашкиному «БМВ», вкрадчиво интересовались, не прибрахлил ли он, случаем, на фронте пистолетик или

пару обойм «маслин»¹, сулили большие деньги, сало, водку и даже какой-то марафет².

«Хуже фрицев вы!» – с презрением думал Пашка, не вступая с ними в торг и разговоры. Был бы при нём автомат, срезал бы безжалостно, как вреднячих сорняков, этих тварей, в лихую годину грабивших свой народ и страну, что из последних сил корячилась, сдерживая лютого врага.

А военным, что проверяли документы, Пашка сходу, как научил железнодорожник, выпаливал: «Товарищу Ворошилову подарок!», и те тут же, почтительно взяв под козырёк, возвращали бумаги. Правда, под Минском едва не лишился он мотоцикла. Как на грех попался проверяющий из бывших партизан, рассвирепел, разглядев на платформе мрачный трёхколёсный силуэт: «У нас на таких каратели разъезжали, деревни с живыми людьми жгли – смертью за версту несёт от этой пакости! Ты что думаешь, кресты замазал, я эту жабу не узнаю? Скидывай под откос, не то застрелю!» Ух, насилиу уговорил, рассказав, что в бою добыл...

Ехал Пашка дней десять. И радостно ему было, что скоро мамку увидит, и непоседливо – за трофеей-то всё-таки опасался. Лишний раз до ветру сходить боялся, за кипятком на станциях только пару раз и выскочил, всё больше всухомятку питался. И муторно было у него на душе, когда видел Пашка истёрзанную войной страну. Прав был Мыкола Первадчук, много горя принесли на нашу землю фашисты, не скоро ещё заживут на ней

1 Масліна (угол.жарг.) – пуля

2 Марафёт (угол. жарг.) – наркотики

страшные раны. Германия-то, по сравнению с Белоруссией или Смоленщиной, почти и не тронута. Жалели их, гадов, ещё и там, в европах паршивых, кровью своей, русской, за их же пакости расплачиваясь. Оценят ли народы освобождённые такие жертвы...

Целых домов Пашка, почитай, до самого Подмосковья не видел. Вдоль железнодорожного полотна всё ещё лежали неубранные паровозы и вагоны с фашистской свастикой – эхо рельсовой войны. Кое-где кровавыми каплями мелькали краснозвёзды пирамидки: где пал солдат, тут и зарыли. На полустанках стояли женщины с надеждой и болью в глазах, что пристально всматривались в проходящие составы. Беспомощно мяли тощие букетики цветов в натруженных руках, кричали Пашке: «Сыночек, а моего Витеньку не встречал? Рыженький такой, в конопушечках... Родной, а Федю, Федю не видел ли? Он такой же как ты молоденький! На флоте воевал...» И карточки пожелтевшие совали... Пашка растерянно разводил руками, немея от жалости: «Дождутся ли они своих Витенок да Федюнь? А ну как и моя мама вот так же каждый эшелон встречает, а меня всё нет и нет? Бедная... Скорей бы уж доехать! Эх, и неумёха же я! Взапрыгнул бы сейчас на тебя – вмиг бы до Очёра добрались!» – с досадой хлопнул он по бензобаку мотоцикла.

«Угу!» – гулко ответил чревом пустой бак...

В Верещагино солдаты помогли Пашке выгрузиться.

– Спасибо, славяне! – благодарил он, щедро делясь с бойцами остатками табаку. – Берите, берите, я уже скоро на новое табачное довольствие перейду – самосадное. А вы что, дальше? Видать, сибирячки? Пусть вас дома ладом встретят!

– А нам покамест не домой, – вертя «козью ножку», подмигнул Пашке усач-старшина. – Ещё трошки¹ повоюем.

– С кем?! – удивился Пашка и, осенённый догадкой, прикрыл рот рукой. Далеко на Востоке ещё не сложили свои самурайские мечи японцы...

– А то давай с нами!

– Да я б с радостью... Но, понимаете, у меня же...

– Да не тушуйся – шутим мы! Как-нибудь уж без тебя управимся. Хоть ты живой к мамке вернёшься да ещё на таком солидном лешагоне! Эхе-хе, вот увидишь, парень, что мало в твоей Очёре таких счастливых мамок осталось.

– Так, может, трофей мой заберёте? В бою пригодится!

– Нет уж, спасибо, нам эта мерзость без надобности – нагляделись за войну...

Проводив грустным взглядом уходящий от перрона эшелон, Пашка, пыхтя, навалился на руль и покати́л на Очёрский тракт.

¹ Тро́шки (укр.) – немного

– Чего, паря, керосин кончился? Никак с самого Берлину? Молоде-ец! Очёрской или павловской? Ишь ты, пол-Европы, пол-Руси проехал, а 20 вёрст не докатил. Быват! Ну и лягуша! И квакат поди так, что хоть уши затыкай? Дашь на ей прокатиться? А то махнёмся, не глядя! Вишь, какая у меня кляча справная – годов уж пятнадцать ездию, – пожилой словоохотливый возница минут десять не давал Пашке и рта раскрыть. – Табачком не богат? А то я утресь весь спышкарил – хучь навоз с-под коняшки кури!

– Возьмёшь на буксир, дядя? – наконец прервал его пермячащую, от которой отвык за войну, скороговорку Пашка, доставая пачку трофейных сигарет.

– Вон чё, фашистские! Фу, пакость, наш навоз и верно крепше супротив этой рвани. Не шибат – одна вонь да керкотня! Чепляйся, чаво уж. Веревицу нашарь тамоко под сеном-от. Как-ино-нибудь дошпарим. Летось много вашего брата переволок до Очёру. Все больше перестарки да покалеченные, дай имя Бог здоровьица, а такой вот молодец да ишо с трофеём – первый ноне! Ступай, рули лягушей своей, а то задавит мою саврасую. Ишь, харя кака у ей злющая...

Пашка кое-как привязался к расшатанной телеге, а лошадка, тронувшись, даже не оглянулась на тяжёлую ношу. Похоже, привыкла за войну тягать грузы и потяжельше. Однако всю дорогу дрожала ушами, всхрапывала и, как её ни понукали, шла тихо, будто покойника везла...

В Очёр Пашка въехал хоть и на привязи, но всё-таки победителем. Важно сидел он за рулем мотоцикла, приветливо раскланивался с встречными знакомцами. Глядя на процессию, мужики посмеивались, щедро раздавая седоку советы и ядрёные шутки. Женщины же, не узнавая в повзрослевшем воине сопленосого Пашку, пристально вглядывались, стараясь угадать, какому же дому, какой хозяйке вскорости повезёт, на какой улице будут литься радостный смех, сладкое вино Победы и слёзы счастья. Детишки, никогда не выдавшие немецкую технику, гурьбой шли следом и разноголосно канючили: «Дяденька солдат, прокати нас!» И только старушки, никогда не выдавшие беса, но истово верившие в его существование, будто бы узнавали его как оборотня в приземистом, злобном, готовом зарычать и кинуться на людей мотоцикле. Они мелко крестились, шептали проклятья и смачно плевались в сторону фашистской нечисти...

Почти каждое утро Пашка выкатывал мотоцикл за ограду и наводил на него лоск. Девушки, проходя мимо, кокетничали с потенциальным женихом, которых в Очере осталось – по одному на дюжину невест.

– Прокатил бы, Павел, с ветерком! Никогда на такой машине не ездила.

Но, прикоснувшись к холодной раме или седлу, в непритворном страхе отдёргивали руку:

– Студёный он у тебя какой-то, Павлуша, как лоб у мертвеца. Бр-р! Давай лучше так прогуляемся...

Иной раз мимо проезжали парни на наших, отечественных мотоциклах, и те, словно на чужака из другого микрорайона, помаргивая фарами, с любопытством и вызовом зыркали на диковинный «БМВ»: дескать, стой, где стоишь, и не смей кататься по нашей улице.

Однажды заглянул участковый. Со свойственной фронтовикам неприязнью ко всему немецкому, он лишь коротко взглянул на мотоцикл и выругался:

– Фу, галоша фрицевская! Ты регистрировать-то её будешь, Пашка, или в музей Нецветаеву отдашь? Советую подарить – Александр Василич уж насобирал там разных трофеев. Пусть народ любит на побитого врага! Гляди, Бояршинов, я тебя, ездоца такого, знаю. Пока не научишься, на права не сдашь, и не показывайся на дороге. Уштрафую, «бээмву» твою арестую и тебя заодно – не погляжу, что герой-десантник!

Поэтому Пашка, сдаваясь на уговоры ребятни, катал её... по ограде. От стайки до ворот, от дровяника до огородной калитки. Что туда, что сюда – семь метров. Не разгонишься! Пашка насадит полную люльку детишек, сзади его спину обнимает красивая дивчина, заведёт мотор – это-то он умел – и в путь. «Дык-дык-дык!» – и уже упрётся колесом в ворота, надо разворачиваться и обратно ехать. Дети разочарованно переглядывались, а мотоцикл недовольно мигал мутной

фарой: дескать, что ты попусту маешь – дай простору, я вам покажу, что такое «БМВ»...

Ну и показал... Бес попутал Пашку уломаться на мольбы 15-летнего углана, что со свойственным всем очёрцам упорством и тягой всем и всюду давать советы, вертелся у мотоцикла, помогал драить ветошью и без того блестящие детали, совался с ценными указаниями, выдавая себя за прирожденного мотоциклиста. Раз под вечер выпросил-таки юный техник у Пашки ключи с обещанием тихо проехаться наобокруг. Сел, завёлся, погнал под свист соседской пацанвы – только пыль столбом. А потом – визг тормозов, удар и нечеловеческий крик...

Пашка опрометью кинулся на соседнюю улицу и чуть не поседел, увидав в беспамятстве распластавшегося на дороге парня и фонтанчик крови, бьющий из его разодранной ноги. А мотоциклу – хоть бы хны! Даже не заглох: стоит, набывчившись, и словно усмехается, чихая мотором: «Да-да-да-да! Кто ещё решится меня оседлать?»

Не помня себя, Пашка сдёрнул с брюк ремень, перехватил парнишке ногу повыше колена, как делал это не раз на фронте, перенёс страдальца в коляску и... вспрыгнул за руль и покатил.

Полпачки папирос выдымил Пашка, пока с волнением ждал результата операции, сидя на деревянном крылечке райбольницы. Наконец в дверях показался санитар с тазиком в руках, в котором густились кровавые бинты и марли.

– Молодчина, солдат! Спас мальчугана. Ещё б пять минут промешкал, то всё – истёк бы тот кровью, как пить дать! Как его угораздило-то? От этого страшилища пострадал, не иначе? – покосился он на мотоцикл. – Не наш, сразу видать, вражина. Откуда только и взялся такой в Очёре...

– Из Вены. Трофей, – рассеянно произнёс Пашка и вдруг спросил: – А кто довёз-то его?

– Как это кто? Ты, паря!

– Я?! Не заливай, медицина! Я и ездить-то не умел никогда!

– Ну, значит, научился. Жизнь, она, понимаешь, и не такому научит. Но больше не ездь, а то самого когда-нибудь вот так же привезут. И другим не давай.

И вспомнил Пашка убитого им салагу-немчика. Костю, которого так и увезли в госпиталь с неотмытыми от машинного масла руками, потому что постоянно вожгался с этим «БМВ». Вспомнил, как подмигнул перед своим последним боем Лёнчик, садясь за руль этого проклятого трофея. Вспомнил белорусских детишек, что в ужасе закрывали глаза руками, увидев на вагонной платформе этого несущего смерть монстра. А распоротая нога мальчика-соседа – она до сих пор кровенеет перед очами...

– Да ну тебя, сволочь нацистская! Видно, на роду вам, немцам, написано – людей сничтожать и калечить. Будешь вечно скучать в стойле, словно взбесившийся жеребец! И чтоб я ещё чужое взял – хоть с бою, хоть на помойке валялось... Ни в жизнь!

Пашка закатил «БМВ» в дальний угол сарайки, завалил тряпьем и коробьем и постарался забыть про него. Но тщетно... Всё равно будет помнить Пашка все беды, что принёс фашистский мотоцикл, до конца дней своих...

Чёрная, сияющая на солнце агатовыми искрами «Лада-девятка» припарковалась у маленького, с подзамшелой шиферной крышей бревенчатого домика, что уютно прижался к двум могучим тополям-осокорям у самого подножия Данилкиной горы.

Из неё с трудом вылез знакомый амбал, впрочем не такой уж и богатырь – похудевший, посеревший лицом. Осторожно обошёл он скромную клумбу, несмело постучался в ворота.

На стук вышла невысокая женщина в кухонном фартучке и, подслеповато щурясь на знакомого парня, встала у палисадника:

– Ты, сынок? Или забыл чего в тот раз?

– Я, мамаша! Прости за тот-то раз, не держи зла. Я тебе тут кое-какой стройматериал привёз – краску да обои. Не побрезгуй, прими...

– Да я и не серчала, а коли прощенья просишь, то Бог простит. А за подарок спасибо – очень удружил!

Из дома напротив вышел невысокий мужичок в тельняшке и застиранных трениках – Коля-Пупик, подошёл к амбалу и, нарочито хмурясь, протянул маленькую крепкую руку.

– Здорóво! Какими судьбами?

– Да вот, понимаешь... Мать, продай «бумер» – любые деньги заплачу! Надо мне, понимаешь?

– Нет, ты что, родной – я такого греха на душу не приму. Чтоб ещё ты от него пострадал – ни за что...

– Тебе ж ещё тогда сказано было – не продаётся! – встрял Пупик. – Или не дошло? Смерти ищешь?

– Да мне не за этим, – сказал амбал. – Мать, а можно я к тебе приезжать буду, как на дачу?

– Да на здоровье! И дружков своих привози...

– Нету больше дружков. Расписной на моей «бэхе» разбился, а цыгана вчера зарезали на разборке. Думается мне, всё из-за этого монстра, – кивнул он на сарай, где стоял мотоцикл.

Женщина скорбно закрыла рот рукой и перекрестилась. Пупик опустил голову.

– Ивановна, продай ты его, – негромко промолвил он. – Он не будет на нём кататься, я понял...

Амбал в подтверждение его слов часто закивал.

– Да так забирайте, чтобы больше его не видеть. В сарайку боюсь заходить из-за гада такого. Уберите его насовсем, может, тогда успокоюсь. И Пашенька тоже...

А кое-где уже хлопнули калитки, и на улице показались совсем не сердитые мужики – матёрые очёрские работяги, золотые руки.

– Взались, ребята! – скомандовал Пупик. – Покатим его на речку, на мельничную яму. Раз, два, взяли!..

Когда монстр, утробно булькая, скрылся в глубине, Пупик усмешливо спросил амбала:

– Не жалкуешь по раритету, амбал? Всё же недурная машинка! «Бээмва»! Денег стоит. Германия!

– Я не амбал, я – Витька! – улыбнулся тот. – Чего жалеть? Он наших не жалел! Зато никто на него не сядет больше. И, главное, из тех, кто любит покататься на нацистской, с крестами и свастикой технике с оружием в руках по нашим дорогам, по нашей земле. Лишь бы никогда не всплыл, собака... Как думаешь, Коля, не всплывёт?

Пупик привычно подбоченился и, прижав козырьком руку к крепкому лбу, поглядел в сторону запада, где пылало красным закатом уходящее солнце:

– Всплывёт – снова утопим! Нам не впервой.

ТОЧНОЕ НАЗВАНИЕ

«Сидя за торжественным столом во время проводов на учёбу в академию ВВС, Игорь узнал, что необходимо прикрыть группу штурмовиков Ил– 2 и на это опасное задание летит необстрелянный лётчик, что только что прибыл из училища. Без лишних слов сняв парадный китель, он сел в свой Ла– 5 и в скоротечном бою вогнал в землю очередной немецкий истребитель. Сбил и поехал учиться. В этом был весь Игорь Шардаков!»

Дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации Виталий Иванович Попков.

Виталий Иванович Попков

Леонид Фёдорович Быков

За дальним столом в Доме Кино сидели два немолодых, но восхитительно моложавых человека, в абсолютно одинаковых, словно одной мамой для братьев-близнецов купленных, клетчатых рубашках. Оба-два подвижные, коренастенькие. Головы соприкоснулись непослушными тёмными шевелюрами с седыми порошинками, с лукавым разрезом нагловато-смешливые глаза бегло стреляют по раскрытым книгам, газетным вырезкам и фотоальбомам.

Обоих знает вся страна. Один – храбрый Алёшка из «Добровольцев» и хохмистый Максим Перепелица из одноименного фильма. Леонид Быков! Второй – ас из асов, лётчик-истребитель Виталий Попков, дважды Герой Советского Союза. Тот и другой – в своём роде Маэстро!

Подружились они ещё в 50-х, хлопнув друг друга по плечу. Быков загорелся историей легендарного 5-го Гвардейского авиаполка, сулился снять фильм про героев-лётчиков, а Попков обещал помочь. И вот Госкино дало добро, дело оставалось за малым – сценарий и подбор актёров. Но главное – название! Фильм как корабль: как назовёшь, так и поплывёт к сердцам зрителей...

– «Гвардейцы в воздухе»! Сильно? – сверкнул очами Попков.

– Не, Виталя, как-то казённо и пафосно, будто заголовок с передовицы слизал, – поморщился Быков. – Мы же не только про войну кино делаем – про жизнь,

про музыку, про любовь, в конце концов! Может, «Полёт с песней» или «Крылатый ансамбль»?

– «Поющая эскадрилья» или нет, ещё лучше – «Вторая поющая»! Каково звучит, а?

– Ага, ты наших зрителей, верно, не знаешь. Быстро переименуют на «Вторую пьющую», благо фантазировать не надо – только букву сменить.

– Ну и что? Мы не безгрешными архангелами по небу летали, всякое бывало – и выпивали изредка, чего греха таить. Особенно за Победу!

Быков, что-то бормоча и напевая под нос, рассматривал полковой фотоальбом. Вдруг он, поплевав на пальцы, лихорадочно пролистал несколько страниц назад и, ткнув карандашом в чёрно-белый снимок, спросил Попкова:

– А это кто?

– Это-то? Игорёша Шардаков – корешок мой, отличный ас, Герой Советского Союза. Три десятка фрицев, если считать официально, в землю вогнал, а неофициально – так раза в два больше, как и у всех нас. Разведчик от Бога – соколиный глаз. Что ещё?

– Да я не об этом. Ты глянь – голливудская фактура! Взгляд, осанка, порода!

– Да, парень видный, все девки по нему сохли, но он как Китайская стена – холоден и неприступен. У него же Наденька была. Вот та уж точно красавица и героическая дивчина ему под стать. У самого сына «отца народов» Васи Сталина отбил, как никак...

– Какие девки?! Да если б он артистом был, перед ним бы всякие Мерлин Монро и Софи Лорен ниц

падали, ради его благосклонной улыбки за волосы бы друг дружку таскали и шары выцарапывали! К тому же – герой настоящий, не киношный! А ведь все их Брандо да Иствуды – стилиаги женоподобные, мажорики, по сравнению с ним!

– Так он, если разобраться, и сам артист, не хуже этих. Скорее это он – Маэстро, не я...

– Тоже пел?

– Что ты! Ещё как! Наш солист – лучший тенор 1-го Украинского! Гитару обнимет и пошёл:

– *Ніч яка місячна, зоряна, ясна!
Видно, хоч голки збирай...*

– Он что, хохол, что ли?

– Да не, природный русак! С Урала. Но песни украинские любит – он в Крыму жил...

– А Крым-то разве украинский? – пожал плечами Быков. – Так, может, снимется у нас? А что, худсовет утвердит – всё ж герой, не хухры-мухры... У меня Смирнов играть будет – всю войну прошёл, чертяка. И другие...

– Нет, даже не пробуй уговаривать. Застенчив, как тургеневская барышня. Люди думали, что зазнайка, а он просто от природы скромнящий. Такой вот парадокс! Лучше меня сними, Лёнь!

– Не, брат, нам двоим на одной плёнке тесновато будет... Но парня этого будем делать! Есть у меня один актёр из Киева. С гнильцой, правда, парниша, но в кадре – орёл. И на твоего Шардакова, как две капли воды, похож. Расскажи-ка мне о своём кореше поподробнее...

Игорь Александрович Шардаков

...Игорь захлопнул дневник и посмотрел на циферблат командирских часов – близилось мартовское утро с жидким туманом, который через пару часов будет рассеян винтами моторов взлетающей в небо «второй поющей» эскадрильи. Его эскадрильи...

Лётчики 5-го Гвардейского просыпались без побудки: знали, что сегодня замкомполка Шардаков будет в последний раз ставить им задачу. Потягиваясь

на ходу и изображая незамысловатую физзарядку, организованной толпой пилоты брели мимо Игоря к столовой, где их ждало прощальное застолье. «Желторотики» почтительно козыряли, «старики» – улыбались и подмигивали. Здравовкались из положения «вольно» – им можно, к чёрту субординацию...

И вот уже сидят они за длинным рядом столов, раскулаченных на окрестных фольварках¹. Причёсанные, прихорошившиеся: форма вычищена, ордена блестят – можно свет не включать! Но куда им до Игоря... Вот и он входит под аплодисменты и разнобойное пикиканье губных гармоник. Настоящий красавец, ему бы в кино сниматься! Брюки – в стрелку, нарядный китель сидит на его ладной фигуре как влитой. Справа – гвардейский значок, слева – Звезда Героя, орден Ленина и целых три – Красного Знамени – высшей боевой награды, самой почётной у лётчиков. Много это или мало? Для любого из присутствующих – иконостас, а для Игоря – считай, поскупились. «Но мы в огонь и дым идём не для наград...» Игорь снял фуражку – волнистые волосы аккуратно зачёсаны назад (и чем он их только моет?). Ревниво огляделся – все ли пришли? Все-е! Не по долгу, а из уважения. Улыбнулся широко – и-и-и....:

– От винта!

– Есть – от винта! – ядрёно гаркнули пилоты, что аж испуганный кот с лавки упал.

¹ Фольварк (*диалект.*) – хутор, обособленное поселение

Зазвенели разнокалиберные бутылки с разноцветным содержимым. Сомкнулись в тостах стаканы, трофейные рюмки и солдатские кружки – что кому досталось:

– Будь здоров, Саныч!

– Гляди, учись на пятёрки и веди там себя хорошо, а то Батю к директору вызовут!

– Спасибо за всё, товарищ гвардии капитан! Никогда вас не забуду!

– За Победу, Шардаков! За Победу! За Победу! За Победу, товарищи! – поочерёдно вставали офицеры и звонко чокались, расплёскивая вино. – Смерть фашистам!

– За Победу, родные мои! – едва не прослезился Игорь. – Летать с вами – честь для меня! Будем жить!

Он сделал для Победы много, ничего для неё не жалел и не берёг, но понимал, что Гитлера разобьют уже без него. И развалинами рейхстага будут любоваться вот они – Виталик Попков, Жора Баевский, Саня Пчёлкин. И даже «желторотики», что сейчас, за столом, под взглядами начальства деланно скромно отворачиваются от выпивки и налегают на нехитрую закуску... Когда торжественная часть закончилась и от объятий и хлопков по плечам у Игоря приятно ныло тело, начштаба полка предложил:

– Чтобы не терять время, задачу на сегодня объявлю прямо здесь, если Игорь Саныч не против. Слушай боевой приказ! Противник закрепился в районе Баутцена. Полк Ил-2 проводит штурмовку передовых позиций, опорного пункта и второго эшелона линии

обороны. Мы поддерживаем двумя эскадрильями. Первая – прикрывает, «поющая» – атакует. Вылет через 15 минут. Вопросы?

– Ясно, как всегда! – ответил комэск-2. – Но у нас Саша Мастерков не может лететь. Самолёт неисправен: повреждены шасси.

– Подлечить не успеете? Тогда его заменит лейтенант Александров!

На дальнем конце стола, едва не поперхнувшись хлебной коркой, вскочил долговязый юноша в нескладной гимнастёрке и радостно крикнул:

– Есть!

Лётчик совсем недавно прибыл в полк из училища, дни считал – очень боялся, что не успеет повоевать. Щёки у него зарумянились от гордости и волнения – всё-таки первый боевой вылет!

Но радость его оказалась преждевременной.

– Как так, он же ещё совсем желторотый? Рано ему! – чётко проговорил Игорь и, не слушая возражений, начал снимать китель. – Там же такая каша будет – я полечу! Успеешь ещё, Александров, на твой век «фоккеров»¹ хватит...

Повесив китель на спинку стула, он решительно произнёс:

– На данную минуту я всё ещё замкомполка! Слушай приказ и делай как я: «желторотиков» не берём,

¹ Фóккер – самолёт нидерландской авиастроительной фирмы, состоявший на вооружении Германской армии

в бой идут одни «старики», как в старые добрые времена!

И, не дожидаясь сигнала ракеты, побежал к своему бывшему самолёту, на котором техники, ожидая нового хозяина, уже закрашивали на фюзеляже 25 звёздочек – память о сбитых Игорем фрицах...

На беззащитные сзади и сверху ИЛы, как мыши на бесплатный сыр, из серых туч вынырнули тупоносые «фокке-вульфы» – исподтишка, нагло. Первым их заметил орлиный глаз Шардакова. С высоты он стремительно приближался к головному ФВ-190, пилот которого вот-вот хотел открыть огонь по «ИЛам». По сложившейся привычке, Игорь пёр на немца до тех пор, пока его машина полностью не затмит перекрестие прицела. Это чтоб наверняка! Скупая очередь – и «фоккер» с оторванным крылом причудливо закувыркался на пути к земле. Остальные стервятники разлетелись врассыпную, словно тараканы от тапка – не тот уже пошёл фриц, жидковат против 5-го Гвардейского...

– Официальный двадцать шестой! – резюмировал Игорь результаты боя. – И этот уж точно последний!

Или все-таки – крайний? Ведь лётчики – народ суеверный...

– Ну вот как-то так, что ещё рассказывать? Он и сам, Лёня, расскажет, если я попрошу.

– Что ж ты раньше молчал, дурья башка? Если он такой герой, то сценарий мы переделаем... Постой-постой, как он сказал в конце?

– Кто?

– Да этот Шардаков ваш, что-то про «желторотых» и «старичков»....

– А я помню, что ли? Типа «полетят только «старики». Так у нас ещё Батя командовал перед опасными вылетами...

– «В бой идут одни «старики»! – победно вскричал Быков. – Гениально! Вот и нашлось название. Вот теперь – от винта! Камера! Мотор!

РАЗНЫЕ ПОРУКИ

*Памяти Героя Социалистического труда
Георгия Павловича Сологуба*

Круговая порука мажет как копать...

Илья Кормильцев

Напротив сидящего за столом директора Очёрской спецшколы Георгия Павловича Сологуба нервно ёрзал на жёстком стуле худенький 13-летний воспитанник.

Угловатая фигурка в школьной форме, чуть затаस्कанный со свойственным непоседливым мальчишкам небрежением к внешнему лоску. Стриженная голова с детской залысинкой на лбу, про которую в народе говорят: «Корова языком лизнула», обиженно надутые щеки. Руки парень словно не знает куда деть – ходуном ходят, пальцы в беспокойстве барабанят по стулу, теребят пуговку на курточке, почёсывают вихрастую макушку. Глаз тоже не видно – прячет, боясь встретиться взглядом со строгим директором.

Но тот глядит вовсе и не сердито – с добродушной ласковой усмешкой, что так шла ему. А ведь впору было ором орать, кричать из всех сил, грозить, ругаться. И никто бы, наверное, не осудил его за это – не горе, что непедагогично.

Со склада готовой продукции пропало несколько ящиков краников к бензопилам, что уже год выпускала школа по договору с заводом. Собственное

производство было и предметом гордости Георгия Павловича, и одной из причин его ранней седины. Он лично обивал пороги различных инстанций – просил, требовал, убеждал, порой стучал кулаком по столу, искал мастеров, оборудование, станки. Многие не верили, что воспитание трудом – трудом производительным, когда его результаты видны воочию, преобразит сознание оступившихся мальчишек, сделает их более ответственными и гордыми за ту несомненную пользу, что они приносят Родине. А руководители-хозяйственники отмахивались от затеи Сологуба, как от блажной авантюры: дескать, как же, разве можно надеяться на малолетних преступников – шпану, воров и бродяг? Обманут, обкрадут, разленятся – сплошной брак погонят!..

Но ребята ни разу не подвели смежников – работали без скидок и поблажек, наравне со взрослыми, качественно и раньше срока выполняли план. В школу зачастили делегации по обмену опытом со всей страны – от Калининграда до Владивостока. В педагогической среде, взыскательно требовательной и обычно скупой на похвалы, восхищённо заговорили:

– Это же новый Макаренко!

– Бери выше – это Сологуб!

И тут, как снег на голову, такое вопиющее ЧП...

Выяснилось, что ватага воспитанников, из тех, кто ещё не излечился от уголовных захмычек и жил не по справедливым законам коллектива, а по мутным блатным понятиям, проникла на склад и украла ящики с продукцией. Зачем? Всё равно ж её ни продать, ни

сменять... А просто заводилам или, как их называли в школе, «буграм» стало обидно, что они стремительно теряют свой авторитет. И им на смену приходят новые лидеры, которых ребята уважают не за былые воровские «подвиги», не за умение смачно материться, пить, курить, картёжничать и ставить звонкие щелбаны младшим, а за отличия в учёбе, спорте и труде.

Воры раскидали краники, словно камешки, повсюду – теперь и не соберёшь. Но страшнее всего, что парни поглумились над делом рук своих. Легко и безалаберно. А ведь сами же стояли у станков, тщательно обрабатывали каждую деталь, ревниво следили за результатами соцсоревнования, боролись за первенство. «Значит, не сумел научить ребят любить не только чужой, но даже и свой труд», – переживал Георгий Павлович.

И вот один из них сидит перед Сологубом, мнётся, врёт, изворачивается, тупо молчит. Георгий Павлович давно догадался, что парнишка даже не участвовал в преступлении. Он был в школе новичком, тихим и безобидным, поэтому нашкодившие «бугры» подошли к нему и потребовали: «Слышь, кореш! Пойдёшь к директору и признаешься, что это ты на склад лазил. Один! Ты ещё салабон – тебе за это ничего не будет. А нам кранты! Так что выбора у тебя нет, поступи по-пацански, а не как фуфло! А заложишь – в землю по уши зароем! Усёк?»

Отказаться духу у парня не хватило...

– Так и будешь молчать, Василий?

– Я же признался, чего ещё надо? Наказывайте!

Георгий Павлович Сологуб

– Наказывать тебя за то, чего ты не совершал, я не могу. А вот за трусость, пожалуй, наказать бы следовало.

– Какую ещё трусость? Я не трус!

– А ты, думаешь, поступил храбро? Сам погибай, а товарищей выручай? Ошибаешься! Никакие они тебе не товарищи. Заметь, ни один не пришёл и не высказался в твою защиту, напакостили – и попрятались за твоей спиной. А теперь ещё и смеются над тобой!

Васька удивлённо вскинул глаза на директора.

– Смеются, смеются – можешь быть уверен! И презируют. Ты уже один раз взял на себя чужую вину – за это и сюда угодил. А подельники твои сейчас мороженое кушают, на велосипедах катаются, под домашними одеялками спят. И думать давно забыли про тебя и твой подвиг. В детской комнате милиции их стыдили за это. А они что ответили? Мол, какой он нам друг – так, дешёвка...

– Они не такие. Они настоящая братва!

– Этой, как ты выразился, братве ничуть не стыдно, что работа двух бригад пошла насмарку. Рабочие на заводе ждут эти краники, надеются на нас, у них ведь тоже план. А пилы «Дружба» ждут лесорубы в Сибири, на Дальнем Востоке. Нет пил – нет и древесины, а значит, не будут строиться дома, печататься книги и учебники, делаться мебель для трудящихся. Пойми, Вася, покрывая кучку негодяев, ты подводишь всю школу, честных товарищей – твоих настоящих друзей.

– Я не стукач! Никого не выдам – не ждите.

– Тоже мне, партизан! Я не требую от тебя предательства, я прошу, чтобы ты сам, честно, отказался от своих слов, не играл в благородство – здесь им, поверь, не пахнет.

– Ага, нашли дурака. Я их вкрячу, а они мне тёмную устроят. Проходу потом не дадут – хоть вешайся.

– Трёпки испугался? Не веришь, что коллектив защитит тебя?

– Ничего я не испугался! Меня всю жизнь и так били все, кому не лень, – шмыгнул носом Васька. – Мамкины хахали, пьяные соседи, старшаки во дворе.

Заступиться-то за меня некому было: батёк помер, а мамку посадили. Разве что бабушка... Но какой из неё, старой, заступник? Эх, не понять вам! Сами-то, небось, родительский – чуть что, к папке жалиться бегали?

– Родительский, Вася, какой же ещё. Но ябедничать никогда не бегал.

Георгий Павлович задумчиво умолк. Он никогда не рассказывал детям, что на заре колхозного строительства его отца, честного и принципиального труженика, сослали на суровый север Прикамья, за то, что он смело критиковал рястяпу-председателя. Сослали вместе с семьёй – так и оказался маленький белорусский паренёк Егорка Сологуб на уральской земле. А в роковом 1937-м отца арестовали, судили и расстреляли, якобы за антисоветскую пропаганду. Так что сызмала заступался Егорка за себя сам, особенно когда злоязыкие люди обзывали его выродком врага народа. А эти наветы били куда больнее, чем подзатыльники пьяных ханыг...

Так что он как никто другой понимал васькино состояние. Георгий Павлович видел, что парень не только от страха выгораживает подонков. Ещё в глубоком детстве кто-то сильный, властный, и, наверное, не менее авторитетный, чем Сологуб, внушил подростку, что эта круговая порука и есть настоящее чувство товарищества, а остальное – понты. Разубедить парнишку можно было только сильным, бронебойным примером.

– А что бы ты лично сделал с трусом, Вася? Как там в вашей братве положено с трусами поступать?

– Избил бы или зачморил козла!

– Так сразу? Скор ты на расправу... А у меня, понимаешь, в жизни был такой случай. Расскажу тебе, а ты решишь, прав я был или нет...

После жаркого боя бойцы-миномётчики кружком расселись прямо на позиции – непомерно уставшие, потные, с ног до головы в копоты порохового дыма. Всё пространство вокруг было изрыто воронками разрывов. Зевластые трубы миномётов ещё не успели остыть и шипели, хоть прикуривай от них. Поодаль, под тенистым деревом рядом лежали тела убитых, накрытые плащ-палатками.

А в центре круга, морщась от стыда и боли, сгорбился худющий молоденький красноармеец-узбек. Обеими руками он держался за окровавленную ступню в рваном ботинке, тихо скулил и стеснялся поднять глаза на товарищей, застывших в строгом молчании. Самострел! В разгар боя он смалодушничал и тайком выстрелил себе в ногу, но опытных бойцов обмануть всё равно не сумел – видали они таких.

– Что будем делать, братцы? – наконец прозвучал чей-то давно уже висевший в воздухе вопрос.

– Как что? Расстрелять мерзавца перед строем!

– Не настрелялся ещё? А воевать-то кто будет?

– На кой ляд он нам, такой вояка! Позор!

– В трибунал его – пусть там судят!

– Да он же раненый!

– Ага, он, трус паршивый, будет на простынках белых в медсанбате валяться, а мы тут умирать за него? Шлёпнуть – и вся недолга! – хором загалдели солдаты.

– Да вы поглядите на него – что он видел, кроме песка да верблюдов? Забрали из аула, форму напялили, сунули винтовку – иди, воюй. А за что – толком не объяснили, – с жалостью поглядел на узбека пермяк сержант Фёдор Шелепенькин. – Ему ж, поди, и восемнадцати нет, совсем ребёнок – доходной, наивный, как барашек, ничегошеньки не понимает...

– Да козёл он, а не барашек! Всё он понимает, чурка! Байский выкормыш, я на «зоне» повидал таких. Только вид делает, что по-русски ни бельмеса не фурычит, – истерично вскинулся юркий, вечно чумазый солдатик Хлястик, который, впрочем, охотней откликался на лагерную кликуху «Хрюня». – Если мы его прикроем, и об этом узнают в особом отделе – нам всем хана. В лучшем случае – штрафная рота. Он же сам нас и спалит! Надо сдавать козлину «краснопёрым» или мочить прямо здесь. Я сидел, я знаю, что почём... А ты – то чего молчишь, Палыч? – обратился он к командиру миномётного расчёта Георгию Сологубу.

– И это ваша блатная романтика – сдавать или мочить? Как-то не чем тут гордиться, Хлястик! – с добродушной усмешкой, которая так шла ему, промолвил Сологуб. – Нечего сказать, очень педагогично. Хорошая там у вас на «зонах» школа, и учителя, верно, хоть куда. Макаренки!

Георгий и сам был молод, но сильно уважаем товарищами за отвагу и не по годам мудрую рассудительность, которая не раз спасала им жизни в самых тяжких боях. А ещё – за светлую голову, всегдашнюю готовность помочь и научить всему, что сам знает и умеет. Педагог, как-никак! В 1941 году Сологуб поступил в учительский институт и даже успел закончить первый курс, должен был идти на педагогическую практику. А тут вот какая, понимаешь, приключилась практика – самая сложная на свете, на которой оценки не ставят. Ошибёшься с советом, неправильно обучишь, проявишь равнодушие – людей погубишь! А их и так после трёх лет войны мало осталось...

– Вот что, ребята, – оглядел он всех пытливым взглядом. – Нельзя вот так сплеча рубить. Главное не первый бой – такое с каждым могло случиться. Главное – как он поведёт себя во втором бою. А вот если и там сдрейфит, тогда расстреляем без суда и следствия! Простим на первый раз, а если отвечать придётся, так всем, согласны со мной? Мы всё же тоже виноваты, что вырастили такого труса, и я – в первую очередь...

– Нету бай, дехканин¹ я. Бедняк. Колхоз. Комсомол. Я не буду трусом, Аллахом клянусь! Нет – Лениным, Сталиным клянусь! Прости, командир! Убей, если обману, – вдруг быстро заговорил узбек, сразу поняв, что как бы бойцы к нему ни относились, все равно в

¹ Декх́анин – в странах Средней Азии: крестьянин, сельский житель

итоге послушают этого с виду строгого, но доброго и справедливого сержанта.

– Сопли утри, фраер! – прикрикнул Хлястик, но уже беззлобно, словно бы остыв вместе с трубой своего миномёта. – Живи и благодари братву – круговая порука, ядрёна-матрёна! А я лично тебя бы не пожалел...

– Несмышлёныш, конечно, но ведь какая-то падла надоумила его на самострел! – покачал головой Шелепенькин.

– Он с маршевой ротой в одной теплушке с блатными ехал. А там такие ухари – хоть святых выноси! На подлое дело кого хочешь уговорят. Запудрили мозги дурачку, пока замполит дремал, – улыбнулся Сологуб. – А мы из него человека сделаем – возьмём на поруки. Думаю, не разочаруемся...

В 1944 году в самый разгар кровопролитного сражения за город Львов ефрейтор Мурзаев заменил у миномёта своего раненного командира – сержанта Сологуба. Расчёт под его командованием вёл огонь до последней мины, уничтожив более полусотни гитлеровцев, чем обеспечил успех атакующей пехоте.

Незадолго до Победы, в марте 1945 года отважный сын узбекского народа Самир Мурзаев пал смертью храбрых на подступах к Берлину, прикрывая своих боевых товарищей – белоруса Сологуба, украинца Хлястика и русского Шелепенькина, что однажды взяли его на поруки и не ошиблись...

– Вот это, понимаешь, Василий, тоже круговая порука! – Георгий Павлович по-отечески положил руку на плечо воспитанника. – Но чувствуешь разницу? Мои товарищи все как один грудью встали за одного, пусть даже оступившегося, и готовы были разделить с ним все невзгоды. А твои товарищи сделали тебя козлом отпущения – вот и весь сказ...

Васька поднял глаза на своего учителя и понял, что не пресловутая братва, а только этот пожилой мудрый человек выведет его в люди. Он сумел увлечь на добрые начинания педагогический коллектив, убедить в своей правоте сомневающихся, собрать вокруг себя ребятешек с очень непростыми судьбами, заинтересовать их настоящим полезным делом и навсегда вырвать из цепких лап преступности.

Забегая вперёд, скажем, что Василий станет достойным человеком, передовиком производства и уже никто и никогда не сдвинет его с верного жизненного пути. А сейчас он доверчиво посмотрел на директора и твёрдо, не юля, сказал:

– Да, вы правы, Георгий Палыч, и тогда – на войне, и теперь. А козлом мне что-то не хочется быть. Неправильно это – быть козлом... Обещаю исправиться. Можно мне к вам на поруки?

И впервые улыбнулся. А улыбка у него была хорошая. Как у молодого сержанта Сологуба.

СИЛЬНЕЕ «ГРАДА»

Обстрел закончился совсем недавно – торопливо короткий, шквальный, как бандитский налёт из-за угла. Но в ушах всё ещё стоял неприятный посвист летящих куда-то во второй эшелон натовских снарядов.

К сырой стенке окопа прислонился давно не бритый, чумазый как шахтёр, молодой боец-ополченец в рваной балаклаве – невозмутимый, будто и не по нему стреляли вовсе. Перед ним – прокопчённая спиртовка с остывшей банкой тушёнки, из которой, словно меч короля Артура, торчит десантная «финка» – бывалая, в бурых несмывающихся подтёках. Видно, что не только в тушёнку втыкалась...

Про еду парень явно забыл: левой рукой он держится за упёртый прикладом в колено «калаш», а в правой... знакомый томик «Тюленевград» – уже напрочь захватанный, извозюканный пятнами ружейного масла и пороховой гари. Боец шевелит губами, временами дёргает головой, восхищённо цокая языком и весело сверкая со дна улыбочивой пасти булатной фиксой.

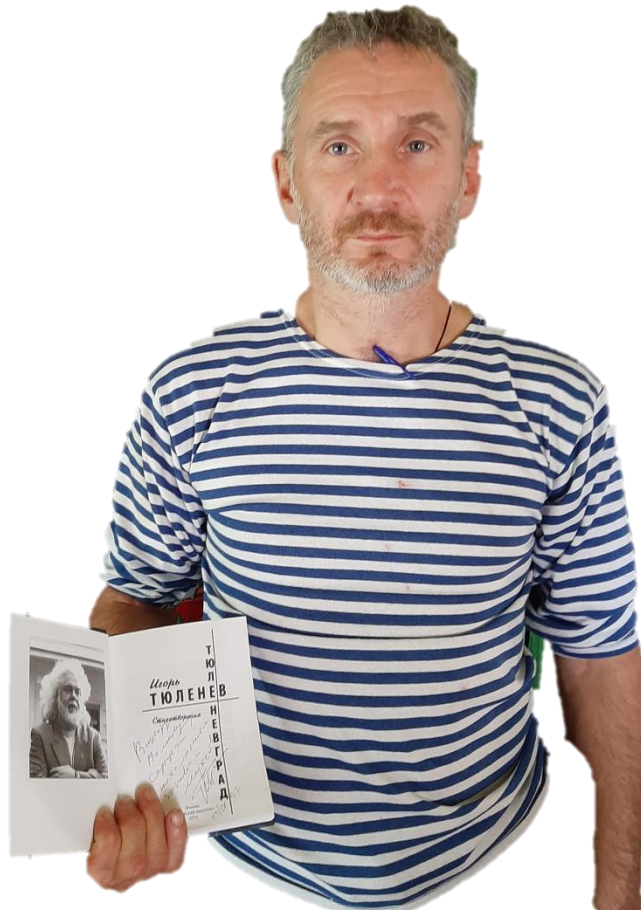
– Ну как? – спрашиваю его.

– Во! – показал большой палец. – Этот (коротко взглядывает на тёмно-синюю обложку) «Тюленевград» покруче «Града» будет – в самое сердце лупит! Побольше б нам таких боеприпасов...

– Будут, – говорю. – Уже пишутся! Ударными темпами. Всё как встарь – «Урал – фронту!».

Хотя стукнуло б русскому поэту Игорю Николаевичу Тюленеву не семьдесят, а, скажем, «полтинник», рядом с тем ополченцем, уверен, с автоматом в обнимку и книжкой Юрия Кузнецова или Станислава Куняева в руке сидел бы в окопе и он. С львиной, как у Осляби, гривой седых волос, на которую даже каска не налазит, с пронзительным взглядом бесстрашных глаз, мощным торсом и доброй улыбкой древнеславянского витязя.

31 мая 2023г.

**Поэт И. Н. Тюленев вручил свою книгу прототипу героя
рассказа «Сильнее "Града"», участнику СВО
Виктору Волкову**

ДЕД ОЧЁРИН

Валерию Петровичу Бояршинову

«Укры» насели внезапно. Видимо, кто-то из местных по-тихому провёл их левадами¹ прямо в тыл боевого охранения, в котором пытались не впасть в забытьё трое суток не спавшие пермские добровольцы. Повезло ещё, что ужаленные горилкой незалежники не выдержали и прежде времени заорали «Полундра!» Трыкнув по паре очередей в никуда, наши, кто в чём, что успели надеть или прихватить, бодренькой рысцой стриганули к своим окопам.

– Хорошо, что ещё не порезали нас как сонных поросей, – пыхтя на бегу, вымолвил Серёга «Гайва» – бывалый боец с живописным прошлым жителя городских окраин. – Развесит нам теперь командир люлей да соплей на интимные органы, а, Сашк?

Молодой да ранний солдатик Сашка «Бояра» вздрогнул, вдруг что-то вспомнив, быстро, как Ринго Старр по барабанам, хлопал себя по многочисленным карманам, и даже за пазуху влез, пытаюсь нашарить что-то важное. Нету!

– Ну ёрш твою маковку! – от разочарования Сашка аж остановился.

– Никак посеял что, Сашок? – тронул его за плечо «Гайва». – Забей! Ноги унёс – и то добре!

¹ Лева́да – лес, затопляемый в половодье

– А-ай, блин! – Сашка махнул рукой. – Письмо было, с посылкой получил. Дочитать даже не успел...

– От девчонки?

– От деда.

– От де-еда? Ничё, потом дочитаешь. Давай, Санчес, бегом-бегом!

Сашка невесело хмыкнул и поспешил за напарником...

– О, дывысь, цыбуля¹! – мордатый нацбатовец в натовском камуфляже грязными, поросшими на фалангах редким рыжим волосом пальцами погрузился в картонную коробку. – И тошнина москальска! Живём! Шо? Га-га-га! – выудил он банку тушёнки, подкинул её на руке и весело загоготал в предчувствии сытного перекуса.

«Укры» наскоро обживались в только что взятом ими окопчике боевого охранения, с тревогой позыркивая в сторону русских позиций в ожидании контратаки или миномётного обстрела. Штурмовать наши траншеи они так и не решились, довольствуясь малым успехом – ведь даже и таким воинская фортуна «жовто-блакитных»² в последнее время не баловала.

Мордатый ловко облупил начинавшую прорастать луковицу и быстро зажевал, источая ядрёный аромат выращенного на очёрской грядке овоща.

¹ Цыбу́ля (укр.) – лук

² Жовто-блакитные (*пренебр.*) – украинцы (по ассоциации с жёлто-голубым флагом Украины)

– Гриць, ты б с сальцем цыбулю-то хрумал. Есть же у тебя? – осклабясь неприятной улыбкой, посоветовал узколицый западенец.

– Есть, да не про твою честь! – Мордатый инстинктивно потрогал свой вещмешок, проверив, не упёрли ли сало его боевые друзья. – И до чего ж ты, Стэпанчику, до чужого добра ревнивый.

Он снова пошарил в коробке и достал сложенный вчетверо лист бумаги.

– О, тут кроме цыбули ещё и цидула¹! – Мордатый развернул листок и брезгливо поморщился. – Фу-у, по-москальски накалякано – читать противно. А може шо важное – вдруг от самого Путина письмишко? Эй, Заика! – обратился он к чернявому бойцу, что жадно курил, неловко придерживая тряскими пальцами обслюнявленный мундштук папиросы. – Ты же вроде кацап²? Ну-ка, перетолмачь нам, о чем твои братья пишут!

– С-с-сам ты к-кацап! – Чернявый со злобой мазнул взглядом по тушистой фигуре Грица и резко выхватил у него бумажку. – П-петух гамбургский – т-тебе брат! Д-дай сюда!

Сначала он читал про себя – ежесекундно меняясь в лице, то хмурясь, то вздыхая, глаза его увлажнились, а руки стали трястись ещё сильнее.

– Ну с-слухайте, в-вояки хреновы! – Чернявый начал читать письмо вслух и читал, почти не заикаясь:

¹ Циду́ла (устар.) – записка, письмо

² Каца́п – так украинцы и поляки пренебрежительно называют русских

«В добрый час, внучек! Случилась счастливая оказия передать тебе посылку, которую обещались довести до самого фронта и вручить тебе лично. Как старый солдат знаю, что вам там сейчас нужно. Покушать домашнего, вспомнить родимую сторонку... Прислал бы больше, да постеснялся затруднять людей. Они многим передачи везли от жён, матерей, детишек. А кому не ходят посылки, ты уж поделись с ними по-братски. Храни вас там Господь! Жду тебя в Очёре с нетерпением, во сне вижу, как коротаем мы зорьку на речке за удочками... Твой дед Очёрин».

В окопчике повисло тягостное молчание, только мордатый, раздувая волосатые ноздри, отрывисто покабаны сопел.

– Вот и поделился... Тебе-то, Гриць, небось, дедушка бандерольку с сальцем не переда-аст! – криво улыбнулся западенец.

– Щас-ка, пришлёт он, как же – держи карман шире! – мордатый потёр небритую щеку. – Мой дидко, бис ему в дышло, идейная сволочь. Меня из-за этого старого шептуна в «Азов»¹ не приняли: ты, дескать, коммунячий выродок – нет тебе веры. Этот «совок» недорезанный, гондурас косоголовый, на проводинах прямо в харю мне плюнул при всех. Нацепил медальки свои кацапские, тычет костылём в меня как шпагой, д'Артаньян

¹ Батальон «Азов» (известный также как полк и отряд спецназначения) – националистическое формирование в структуре Нацгвардии Украины, запрещённая на территории России террористическая организация

беззубый. Я, грит, таких тварюг, как ты, прихвостней нацистских, в 45-м в их схронах как кротов дымом морил, на берёзах развешивал бандеровскую мразь. Ну я и хазнул ему, вонючке, по шее, – сжал он мясистый кулак. – Вот только не рассчитал малька – кондрашка схватил дедуню. Сейчас мне хоть в хату не возвращайся – на порог родня не пустит...

– Так, может, жинка тебя из дому греет¹? Сало-то у тебя в шелгунé² домашнее...

– Домашнее, да не совсем! Пригреет она, ага, жди да радуйся... Може кого-нибудь в постеле моей, но не меня! Наоборот, требует, стерва, чтоб я ей отсюдова трофеи слал. У нас дети, мол, растут, расходов тьма-тьмущая. Ну, отправил я раз детишкам кофточки там разные да комбезики. А она, паскуда, звонит, почто ты, олень безрогий, в крови одежду присылаешь?! Стиральный порошок, мол, нынче знаешь какой дорогой? Ну не гадина, а? А там совсем чутка порвато было да три капельки засохших – зашей и ототри, шалава, руками!

– С п-покойника, что ли, снял? – нахмурился Заика.

– А фи́га ли добру пропадать. Я ж гутарю – почти и не порвато было пальтецо, моему младшому в самый раз...

– Ну и гнида ты, Гриць! – покачал головой западенец. – Как шкурку с кролика одёжку с ребёнка содрал – и ни стыда ни совести. Герой!

¹ Греть (угол. жарг.) – отправлять заключённому или солдату вещи, посылки, передачи (грев) из дома

² Шелгун (устар.) – мешок, котомка

– Чё сказал?

– Чё слышал! Да не кипишись – все мы тут, так или иначе, гниды...

– Коз-зёл! И так тошно, а он ещё подсеваает, – обиделся мордатый. – А давеча-то кто старуху с внучкой ограбил? Я? Последнее, паскуда, у них забрал, да ещё под юбку бабе полез! А они-то наши были, не москали и не донбасня – за Зеленского голосовали! У молодухи чоловік¹ под Бахмутом воюет, а ты его бабу мять удумал! И кто из нас после этого гнида? Нажалуюсь я про тебя старшому, так и знай...

Вдруг частыми гроздьями захлопали разрывы ВОГов², со всех сторон сорочьим базаром зашумела пулемётная трескотня.

– Хлопцы! Москаляки рядом! Ховайся кто может! Тикаемо отсель! – по-пороссячи завизжал мордатый и, встав на четвереньки, слишком резво для своей комплекции заполз в нишу – только пятки торчали.

Западенец и чернявый лишь на мгновение высунулись из-за мешков с песком, но лучше бы этого не делали – один другого пережил всего-то на полсекунды... Наши брали обратно своё родное, чтобы больше уже никогда не отдавать.

¹ Чоловік (укр.) – муж, супруг

² ВОГ (выстрел осколочный гранатомётный ВОГ-25) – осколочный боеприпас для подствольных гранатомётов

– «Гайва», «Бояра»! А ну прошмонайте свой окоп! – скомандовал командир роты. – Только басенько, а то там, кажись, кто-то хрюкнул...

Бойцы осторожно заглянули за осыпавшийся бруствер и едва сдержали смех. Из патронной ниши торчал огромный откормленный зад в подмокшем натовском камуфляже.

– Э-э-й, тук-тук-тук, есть кто в домике? – дурачась пропел «Гайва». – А в ответ – тишина. На-адо же... А, может, гранатку бросить?

– Не надо, хлопцы, гранатку! Сдаюсь, не бейте только, я насильно мобилизованный. – Гриць по-рачы вылез из ниши – и как только там поместился. Со страху, видимо, и не в такую узкую дыркую занырнёшь. – Да я свой почти, у меня батя – русак природный. Не стреляйте только – у меня детишки, – запричитал мордатый.

– Да кому ты нужен, мараться об тебя! – усмехнулся «Гайва». – А что это ты, свой, за промокашку в кулаке мусолишь? Подтереться забыл? Или это пропуск в плен? – спросил он, увидев в руке «укра» измятый листок бумаги. – Сюда давай, бандеровец!

«Гайва» выхватил листочек и быстро пробежал глазами по написанному:

– О, посылочка, передача, Очёр, Очёрин, дед... Э, Бояра! – вдруг вскинулся он. – Это случаем не твоё письмо, что ты не успел дочитать? Ха-ха, из деревни от дедушки, от Константина Макарыча? На – не теряй

больше! Я же говорил, что дочитаешь ещё! Да не менжуйся, вслух прочти – для всех!

Сашка вцепился руками в бумагу, растерянно заулыбался и начал читать срывающимся от пережитого волнения голосом. Ведь не прошло и получаса, как это письмо уже второй раз читали в этом окопе. Но на этот раз уже в нашем, освобождённом...

– Ответ напиши! А братва позывными подпишется – спасибо передай, – попросил «Гайва», когда Сашка закончил. – Только не говори, что бандеровцы его лук сожрали. А какой он, Сашунь, Очёрин-то твой? Наверное, орёл, да?

– Дед-то? Да обыкновенный, как у всех. Старый и мудрый. Добрый ещё. На все руки мастер. Родной, короче. Свой в доску. Наш, понимаешь? – Сашка рассеянно огляделся вокруг в поисках достойного сравнения.

Южное солнце весело подмигивало из-за пухлой, как детская подушка, тучки. Ветерок, рассеивая пороховой дым, игриво шевелил молодую берёзовую листву. Первые цветочки, наперекор судьбе, выползали из перерытой взрывами лужайки. Вдаль, на запад, уходил необъятный простор пока ещё не нашей, но все равно своей, в доску своей земли. Устало, но не угрюмо, кто, где и как, вперемешку расселись русские и нерусские, но наши солдаты в ненатовском камуфляже, но с иностранной буквой «Z» на шевронах.

– Да как вот это всё, как сама Россия, – от избытка чувств Сашка закашлялся. Это чтоб выступившие слёзы оправдать. – Мой дед – он тако-ой!

НЕРАЗОРВАННОЕ БРАТСТВО

Мы сидели на огромном продавленном диване, неведь как затащенном в тесный блиндаж. Кожаная обивка его, прожжённая нечаянным пеплом с окурков, местами рыжела пятнышками ссохшейся крови. Было и без расспросов ясно, что порой на этом диване, стиснув зубы от боли, ждали эвакуации раненые, и некоторые, возможно, так и не дождались.

Юрий листал простенький целлофановый фотоальбомчик – изрядно потрёпанный, захватанный тысячью рук. Он показывал мне снимки своих боевых товарищей и объяснял, кто есть кто и чем знаменит. Странно, но на фото почти все они были похожи, как братья, рождённые одной матерью – войной.

Выцветший камуфляж, потёртые «разгрузки» с оттянутыми кармашками, на руках по-отцовски бережно баюкают, словно непоседливых младенцев, своих верных «калашей». Коротко и кое-как стриженные, но давно не бритые. Некогда, да и не место для лоска. Молодые и не очень, а, впрочем, не разберёшь – война стирает возраст. Высокие и коренастые, тушистые и подбористые, однако все до одного непробиваемо крепкие, надёжные, как щит Ахиллеса. На мужественных лицах добрые улыбки – ведь не на страх врагам фоткались, а для друзей и близких. Оттого и не

страшные они для хороших и мирных людей, какими всегда были русские солдаты.

Юрий почти неотличим от них. Хотя на фотографиях его легко угадать по снайперке-«СВДшке»¹, с которой он неразлучен уже третью войну. Она и сейчас рядом с ним – заботливо почищенная, перебинтованная защитным «хаки», как бы тоже в военную форму одета, прислонилась к дивану, словно бы устала, отдыхает пока...

– Это Федя «Почём фунт лиха», – Юрий ткнул пальцем в весёлого большеголового парня. – Присказка у него такая. Золотой парень: и сам испытал, что почём, и нацикам даёт прикурить... Рядом с ним – Миша «Наискосок».

– Позывной такой?

– Не-е, – улыбнулся Юрий. – Позывной у него «Ветер», а «Наискосок» – потому что ранило его в шею, жилу какую-то повредило, вот так теперь и ходит, скособочившись, вроде как юзом. Не удивляйся, на войне юмор черней, чем на гражданке. Миша не в обиде... Это Рафа, – продолжал он, листая слипшиеся страницы. – Отчаянный – на «Леопарда» в одного попёр и сжёг... Гоша «Чупа-Чупс», ты его видел. Однажды негра в полон взял – страшного, как Кинг-Конг. Притащил его в окоп, так мы тут чуть со страху не обделались – и так ночь кромешная, а тут такое афроамериканское видение! С британским паспортом... А это Сеня «Си-4». Минёр. Недавно чуть нас не

¹ СВД – снайперская винтовка Драгунова

подорвал. Но братвой прощён – проставился как полагается... Рядом с джипом – Женя...

– Ого! Да это же Захар Прилепин! – воскликнул я. Его умную лысую голову ни с чьей другой не спутаешь.

– Для вас, пишущей братии, Захар, а для нас – Женя.

Радостно встретиться с любимым писателем, пусть даже на чужой фотографии, ведь только на днях русский поэт Фёдор Востриков прочёл мне свое стихотворение о Захаре:

Не дождётесь, гады! «Убилка» ещё не отросла у вас на Прилепина...

– А это кто? – указал я на бородатого крепыша в сером камуфляже, что под свет блиндажной коптилки с улыбкой чокался стаканами с Юрием.

– Не узнаёшь? Рамзан Кадыров собственной персоной.

– Со стаканом-то? Вроде вера не позволяет...

– На войне и им можно, – пожал плечами Юрий и подмигнул: – Но там минералка. Рамзан в вере, как и в бою, крепок... Во-от – а это Саня Гришин, позывной «Спикер», он на самом деле в Думе сидел, оттуда и на войну ушел. Ранило его недавно, а то бы познакомил. Что, не веришь? И такие депутаты тоже бывают... А это «Мангуст» – Саша Стефановский, геройский парень. Давно уже погиб, когда вся эта мясорубка ещё только разгоралась и многие стыдились называть ее войной. Сейчас-то прозрели... Улицу в Перми его именем назовут – вот увидишь!.. Костя Светлов, Андрюха Тютиков, Лёша Назаренков...

– А они почему без позывных?

– Не нужны им больше позывные, дружище... Там, – поднял он брови вверх, – позывные ни к чему. Если требуется, Бог по именам их зовёт, что матери при крещении дали.

Мы помолчали, помянув своих друзей, кто сражался со злом, но не дошёл, не дотянул, сгорел, как Прометей, или угас, страдая от людской лжи, фальши и лицемерия, в почёте или в забвении, во славе или, наоборот, в поношении, но до конца оставаясь верным своему святому долгу. Тех, кто пал за Родину и «за други своя», чтобы жили мы. И победили зло! Не так и мало их было, увы, у всех нас. Но у Юрия, конечно, больше...

По позициям ударили натовские «155-е». За шиворот посыпались песчаные струйки, сырое земляное крошево забарабанило по дивану, пачкая фотографии.

– Не бойсь, не прошибёт. – Юрий сдул грязь с фотоальбома и ободряюще подмигнул. – «Землянка наша – три наката!»

– «Сосна, сгоревшая над ней», – кстати вспомнилась песня на стихи Михаила Матусовского.

– Точно! Ты, гляжу, в теме! – Юрий тоже наизусть знал эту песню. – Только у нас вместо сосны – сгоревшая «шеви-нива». Заметил? Пьяные нацики ночью заплутали. Ну, а мы подпустили гадёнышей поближе и гранаткой угостили.

– Странно, вроде у себя дома – и заблудились...

– Всякое бывает. Но там галичане были и еще какая-то западенская нерусь. Так что не они у себя

дома, а мы. Наша это земля! Приглядишься, какая она богатая, красивая, хоть и не шибко сейчас приглядная – досталось ей ни за что ни про что.

Посветлу мне удалось разглядеть остатки яблоневого садочка. Искромсанные пулями деревца не хотели умирать. Тяжелые от плодов ветки, словно ампутированные осколками руки, засыхали рядом, а яблоньки загородились плачущими соком культями – остановись, человек, не надо, не убивай...

Почти до горизонта стлались когда-то ровные, как аэродромные полосы, пшеничные поля, но теперь они изрыты воронками, прыщавятся бугорками спрятанных в землю мин. Отдыхала земля от жатвы, готовилась к следующим хлебным родам, но напрягли её другой, смертельной ношей. И стало пшеничное поле минным...

Большое село, ещё совсем недавно шумное и людное, опустело, как брошенное птицами гнездо. Оно пока не совсем сожжено, только поранено, испятнано следами пожарищ, что, словно гнилые зубы во рту, чернели среди белых хаток-мазанок. Вдоль стены небольшой старенькой церквушки – неубранные леса. Мёртво, словно повешенный фашистами партизан, качался на звоннице обугленный колокол. Опоганили церковь нацисты, устроили там огневую точку... Село, как и сад, хотело жить. Кое-кто из хозяев упрямо отстраивался, кирпичик к кирпичику клал ряды прямо под обстрелами, другие, как могли, замаскировали свои недострои, в надежде, что вернутся и достроят, когда не

будет тут «хаймерсов»¹, «точек «У»², бандеровских нацбатов и щемящего страха за жизнь своих детей. Когда придут, наконец, наши – русские, что уже освобождали это село от нацистов в далеком 1943-м...

– А где семейные фото? – спросил я, чтобы поскорее оборвать тягостное молчание. – А то одни военные...

– Разорвал.

– Как? Зачем?

– Пришлось так сделать, – вздохнул Юрий. – Заметил, что все фотки новые, недавно напечатанные? Кроме одной.

Юрий достал из альбома квадратик от «Поляроида», что были в большой моде в 90-е годы. Со слегка выцветшей карточки глядели два молодых спецназовца – Юрий со своим боевым другом. Я обратил внимание, что края снимка были сильно измяты, словно кто-то пытался порвать фотографию.

– Эта единственная, что уцелела в бою. И её хотел уничтожить да не вышло...

– Но зачем?!

– Зачем? Сейчас расскажу, и всё поймешь.

¹ HIMARS (англ. High Mobility Artillery Rocket System) – высокоомобильная артиллерийская ракетная система, разработанная в США. Используется Военными силами Украины

² «Точка-У» – тактический ракетный комплекс, разработанный еще во времена СССР, способный поражать цели на расстоянии до 120 км. Используется Военными силами Украины

Тот самый поляроидный снимок

...Под покровом тумана разведгруппа легко просочилась в тыл националистов. Осмотревшись, насколько это было возможно в непроглядной гуще белой измороси, бойцы решили занять двухэтажный коттедж. Местоположение его обещало хороший обзор – не теперь, конечно, а утром – а крепкие, на совесть слеplенные стены – надёжное укрытие.

Однако когда туман рассеялся, разведчики поняли, что угодили в самое логово врага. Буквально в квартале от коттеджа «вэсэушники» скрытно накапливали штурмовые группы, чтобы атаковать наши рубежи, и накопили уже изрядно – не меньше батальона.

– Мы тут как коты на собачьей свадьбе, – всматриваясь вдаль через бинокль, невесело пошутил Юрий.

– Если заметят – кранты нам. Восьмером против пяти сотен рыл – минут пять боя, и то, если минами не обложат...

– Но и пропустить их мимо себя мы не имеем права. Не поймут нас... Что со связью? – спросил Юрий.

– Глухо...

– Вот некстати! Придется самим как-нибудь держаться. И делов-то – по полста «уков» на брата? Неужто не одолеем?

Но решение пришло само собой. «Укры», похоже, тоже с самого начала облюбовали выгодный в плане обзора и огня коттедж. Сторожко озираясь, к дому приближалось несколько вооружённых до зубов нацбатовцев. Двое верзил, побагровев от тяжести, вниз треногой волокли гранатомёт-«сороковку». Они ещё не знали, что их участь уже была решена...

– Вот что, хлопцы, принимаем бой – иного выхода нет! «Спикер», «Ветер», «Очёра» – южная и западная стены. «Мака», «Шах» и «Толстый» – держим северную. А мы с «Бондом» гостей встретим, – вынимая нож, приказал Юрий. – По местам!

...Бой затянулся не на пять минут, а на два с лишним часа. Погиб бесстрашный «Бонд». В углу, укрытый бронежилетами, булькая горлом, бессвязно бредил и срывал с себя окровавленные марлевые повязки раненый в шею «Ветер». «Шах», мешая русские и татарские ругательства, одной рукой набивал автоматные магазины патронами, потому что вторая, перебитая пулей, висела беспомощной плетью. Остальные ещё держались, вели скупой огонь, хотя досталось на орехи каждому – оглушённые взрывами, посечённые осколками, перемазанные в своей и чужой крови разведчики стояли насмерть. Вокруг дома в разных позах «ведьминым кругом» лежали убитые и раненые «нацики». Густо, иногда и друг на друге...

Украинские «БТРы» не смогли перебраться через развалины, но издали щедро дырявили неприступный коттедж длинными очередями. А у наших – каждый патрон на счету...

– У меня всё! – досадливо хлопнул по разгрузке «Спикер». – Высох...

– И я пустой... И у меня слёзы. Даже застрелиться нечем... Последний рожок! – с сожалением отозвались бойцы.

– «Птички» кругом, и хоть бы одна наша, – обшарив небо, сплюнул «Мака». Беспилотники, словно нудные бормашины, зудели над домом, норовя залететь прямо в окна. – Похоже, погибаем, братцы?

– Сдавайтесь, москаляки! – басом выкрикнул нацбатовский офицер, прячась за остовом сожжённой

легковушки. Он понял, что боеприпасы у наших давно на исходе.

– Пошел ты, знаешь куда! – Юрий отцепил последнюю гранату и, до слёз сожалея, что она последняя, швырнул её на звук голоса. После взрыва бас сменился поросычьим визгом смертельно раненного животного – не жилец был тот офицер...

– Ну, молитесь, русьня собачья! Мы идём вас резать! – пошли на штурм нацисты.

Но так просто разведчиков не возьмёшь – погибая, возьмут с собой по нескольку гадов. Утащат на тот свет, а уж там Бог распорядится – кого в ад, кого в рай. Наши-то в рай особо и не просились – гордые. Некогда молиться... Ещё есть ножи, приклады, руки и ноги, зубы, наконец. «Нацики» это тоже очень хорошо понимали, поэтому на рожон лезть не спешили. И так уже потеряли больше, чем нужно...

«Снайперка» Юрия сухо щёлкнула последним выстрелом – нацистский пулемётчик ткнулся носом в землю. В пистолете, он знал, ещё оставалось пара патронов. Но это потом, успеется...

Юрий раскрыл рюкзак. В сторону отброшены банка тушенки, новая, ни разу не надёванная тельняшка, тёплые носки – из посылки от пермских бабушек. Простите, дорогие, жаль, не поносил... Альбом. Юрий зубами снял с руки беспалую перчатку и начал выковыривать из целлофана любимые фотографии.

«Мама, батя – а-а, не журитесь. Правильно воспитали, может, как раз для этого момента», – Юрий крест-накрест порвал фотографии. Не хотел он, чтобы

после его гибели, нацисты глумились над святыми для него снимками.

Жена с ребяташками. «Прощайте, родные! М-м-м, как хочется вас обнять!» – и эти фото тоже в труху.

Друзья. Спецназ ФСБ – элита, герои чеченских войн. Как вас сейчас здесь не хватает! «Не увидите вы элиту, бельмо вам на глаза!» – и целую пачку, как карточную колоду, разорвал сильными пальцами...

«Прощай, братуха!», – глянул Юрий на поляроидную фотографию, где он такой молодой и красивый, со своим боевым другом на 1-й Чеченской. Он привычно рванул снимок, но... тот не поддавался. Юрий и так и сяк мял фотографию, даже зубами пытался – тщетно! «Не рвётся братство!» – невесело усмехнулся Юрий и уже достал нож, чтобы разрезать снимок на мелкие кусочки. Но в это время...

«Дуфф-дуфф-дуфф», – вокруг коттеджа кучно легли несколько мин, накрыв подступавших к нему «нацбатовцев». С леденящим душу посвистом вдоль улицы пролетел гранатомётный снаряд, ударив точнехонько в бок стоявшему в засаде БТРу. «Тикай, хлопцы!», – слышались крики растерявшихся «укров». А из соседнего квартала раздалась густая автоматная трескотня и гортанный боевой клич:

– Аллаху акба-ар!

Никогда не думал Юрий, что так рад будет этому кличу, ведь на прошлой войне, в 1995-м, он имел для него совсем иной смысл. «Значит, поживём еще», – обрадовался Юрий, пряча строптивую фотографию в поредевший альбом.

Когда «ахматовцы» очистили улицу от врага, к коттеджу подошел длиннобородый крепыш с хищным орлиным носом – ну, вылитый Рамзан Кадыров. Оглядев трупы убитых разведчиками нацистов, он уважительно покачал головой и поцокал языком. Увидев в окне Юрия, «ахматовец» улыбнулся и отсалютовал ему буквой «V». А Юрий в ответ прочертил в воздухе «Z» – словно как перекрестился...

– На-ка, попробуй, порви сам, – Юрий протянул мне снимок.

– Ой, нет уж! А вдруг получится? – отдёргнул я руки.

– Смелей-смелей! Не получится... Есть вещи вечные – дружба, честь, совесть, долг, Россия. Они не рвутся.

Силушкой Бог меня не обидел, но как ни пытался я порвать фотографию, ничего не вышло. Видимо, и правда нет такой силы, что сможет разорвать наше боевое братство. И те, кто решил снова испытать его, сами уже давно это поняли.

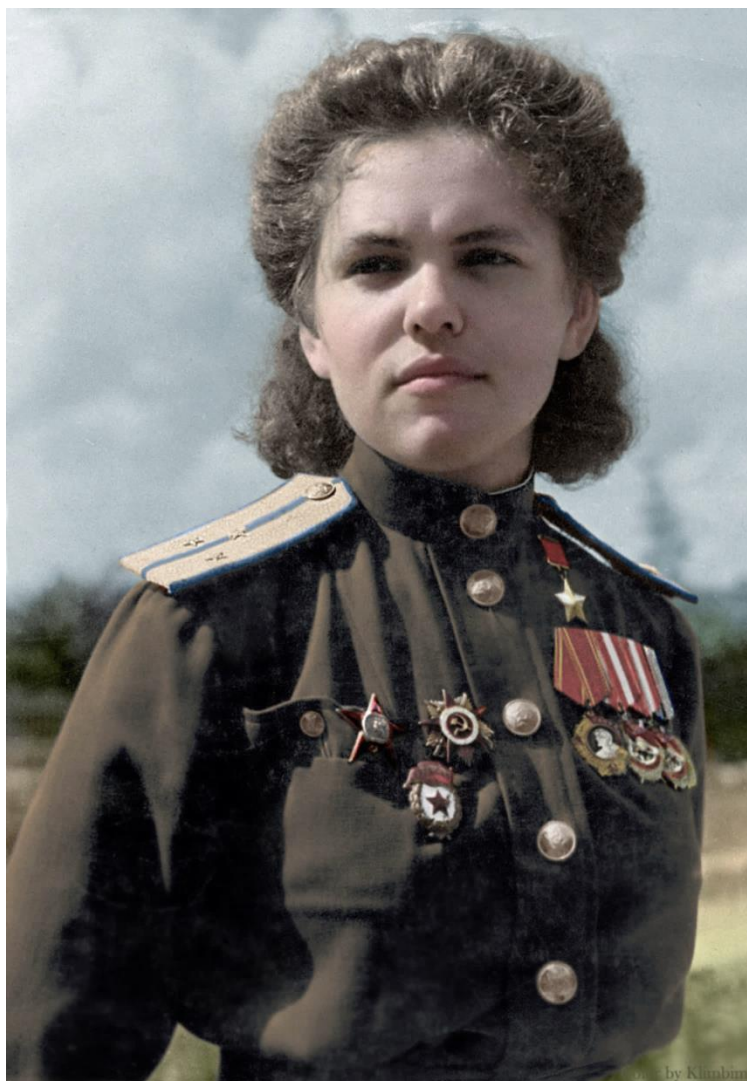
ОЧЕРКИ

ВРЕМЯ «НОЧНЫХ ВЕДЬМ»

Ведьма в обывательском представлении – дряхлая баба Яга с метлой и в ступе. Но наша героиня летала не на метле, а на «кукурузнике»-бомбардировщике «По-2». Да и средний возраст летающих «ведьм», наводивших суеверный ужас на фашистов, составлял чуть больше 20 лет.

«Рус-фанер» с пермским мотором

Женские авиаполки формировались, что называется, с миру по нитке – из девушек-лётчиц Гражданского воздушного флота и курсанток аэроклубов. Их нужно было научить летать на военных самолётах, а остальных девчат, мобилизованных с заводов, фабрик и технических вузов – обслуживать авиатехнику, готовить её к боевым вылетам. Надо было обучить всех владеть оружием, будущих штурманов – водить самолёт по маршруту, находить цель и точно поражать её бомбами, стрелять по воздушным целям, отражать атаки фашистских стервятников, соблазнившихся лёгкой фанерной добычей. Конечно, в короткие сроки, отпущенные на подготовку полков, можно было дать только основы военных знаний. А опыт борьбы постигался уже на фронте. Дорогой ценой. Ценой крови. И что больнее всего – девичьей крови...

Руфина Сергеевна Гашева

Один из полков, куда Руфина Гашева из Верхнечусовских городков попала прямо из аудитории мехмата МГУ, стал называться полком лёгких ночных бомбардировщиков, оснащённым, в прямом смысле слова, фанерными самолётами «По-2». Его создатель Николай Поликарпов и конструктор авиадвигателя, наш земляк Аркадий Швецов и представить не могли, что за штурвалами их детища будут сидеть не крепкие парни – «сталинские соколы», а хрупкие девчонки с торчащими

из-под пилоток и лётных шлемофонов косичками. И сбрасывать бомбы на головы гитлеровцев!

Этого, кстати, не могли помыслить и немцы, которые оказались совершенно не готовы к борьбе со столь «примитивным» оружием. Сначала они откровенно хохотали и издевались: «рус-фанер», мол, до ручки дошли «рус-Иваны», коль девиц заставляют летать на допотопных машинах. Тупое ржание завоевателей несколько приутихло, когда «ночные ведьмы» стали наносить фашистам весьма ощутимый урон. А потом переросло в горючие слёзы, когда трескучий рокоток швецовских моторов наводил не меньший ужас, чем предупреждение в радиоэфире «Внимание! Покрышкин в воздухе!»

Руфинина война

Иногда вместо бомб они сваливали на вражеские позиции контейнеры с горючей смесью. В одном из вылетов у такого контейнера заклинило механизм сброса. Садиться со смертоносным грузом под крылом было нельзя: ведь даже небольшая кочка или ямка на аэродромной полосе могли привести к взрыву. Пилот Ольга Санфирова резко бросала самолёт вверх и вниз, но манёвры не помогали. Тогда штурман Руфина Гашева вылезла из кабины на крыло, легла и поползла, чтобы освободиться от груза. Этот смертельный трюк, невиданный за всю историю авиации, она выполняла на скорости 120 километров в час, в клещах лучей прожекторов и под огнём зениток.

В ночь на 13 декабря 1944 года экипаж «бомбера», ведомый Санфировой и Гашевой, вылетел бомбить вражеские войска в районе польского местечка Домослав. Первый полёт закончился благополучно. Несколько минут передышки – и снова взлёт в кромешную тьму. На этот раз бомбы легли на склад боеприпасов. По самолёту полоснули лучи прожекторов и разноцветные трассы зенитных «эрликонов». Руфина взглянула на светящийся циферблат часов, ещё несколько минут полёта – и огненная свистопляска закончится, экипаж минует опасную зону. Но в этот момент самолёт встряхнуло, пробило бензопровод, и пламя быстро охватило фанерную машину. Спустя минуту в ночном небе обозначились купола парашютов – лётчицы покинули обречённый самолёт. Гашева посмотрела вверх: объятая огнём машина стремительно падала на вражеские позиции. Туда же ветром относило и её. Плен? Ни за что! Она начала быстро перебирать стропы, чтобы скольжением миновать немецкий передний край. Приземлилась на нейтральной полосе, вокруг – минное поле со зловещими дощечками с черепами. Руфина осторожно направилась по снегу, медленно отсчитывая число шагов и каждую секунду ожидая взрыва. В ночной темноте мелькнули и тотчас погасли искры, слышалась немецкая речь. Руфина под носом у врага обогнула блиндаж и свернула туда, где по логике должны были быть наши траншеи. Снег забивался за воротник, коченели руки, силы уходили. Грубый окрик «Стой! Кто идёт?!», сдобренный ядрёным матерком, показался ей таким милым и родным...

Бойцы-окопники на руках вынесли Руфу с минного поля, кто-то укрыл её своей шинелью, другой снял с себя сапоги и отдал лётчице взамен слетевших в воздухе унт. Отовсюду к ней тянулись солдатские ладони, делившиеся последним сухарём или котелком с кашей – подкрепись, сестрёнка! А Лёля, славная Лёля, её красавица-подруга, подорвалась на mine. Даже похоронить было нечего – от бесстрашной лётчицы остался лишь воротник комбинезона. Но уже утром Руфина Гашева, проглотив слёзы, вновь шагала по родному аэродрому к своему новому «кукурузнику», готовая мстить за Лёлю и других девчат, не вернувшихся из боевых заданий.

У войны не женское лицо

Вглядываясь в портрет Руфины Гашевой, даже не верится что эта хрупкая, улыбчивая девчонка, участница Парада Победы совершила 848(!) боевых вылетов на разведку и бомбардировку врага. К примеру, в английских ВВС после 30 вылетов пилоты-бомбардировщики летать прекращали – настолько это считалось опасным и героическим, а американских лётчиков уже после 25 полётов с почётом отправляли домой. Земляки Гашевой дважды Герои Советского Союза Михаил Одинцов из села Полозово Большесосновского района и кунгуряк Григорий Сивков совершили 215 и 247 вылетов соответственно, её муж Михаил Пляц на своём «По-2» – 620. Девчата из 46-го Гвардейского Таманского полка летали чаще.

Говорят, что у войны – не женское лицо. Но эта фраза про какие-то другие войны. К сожалению, Великая Отечественная была такой жуткой и бескомпромиссной бойней, что русской женщине пришлось переносить все испытания наравне с мужчинами. И гибли женщины не реже и не чаще, чем мужчины, которые, как ни хотели, не в силах были воспрепятствовать тому, чтобы женские руки сжимали приклад винтовки или штурвал «По-2». В братские могилы вместе с убитыми Иванами, Петрами и Василиями закапывали Настён, Алёнок, Люб и Маш. Чьих-то дочерей, жён, невест... Но и к врагу смерть поворачивалась женским лицом – в виде легендарных «катюш», девушек-снайперш и, конечно, «ночных ведьм». Поэтому и Победа – одна на всех, поровну. Звание Героя Советского Союза Руфине Сергеевне Гашевой присвоили... 23 февраля. Это – было. Но пусть больше никогда не будет. И пусть женщин поздравляют 8 марта, и называют их не ведьмами, а феями, и дарят подарки не за подвиги, а только за то, что они – женщины.

МАЛЕНЬКИЙ КОМИССАР БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

Мало кто из студентов и коллег знали о том, что этот невысокого роста, скромный, обаятельный и всегда доброжелательный доцент кафедры философии Пермской фармакадемии Григорий Леонтьевич Кузнецов в годы войны был лихим и отважным партизаном. А свой первый бой с фашистами он принял будучи 13-летним мальчишкой.

Сын полка

Военная служба Григория началась в возрасте, когда его сверстники ещё играли в лапту и катались на салазках со снежных горок. 12-летним мальчуганом он стал воспитанником 271-го полка 17-й Горьковской Краснознамённой имени Президиума Верховного Совета РСФСР стрелковой дивизии Белорусского Особого военного округа. Сын полка – так тогда называли юных солдат, что обычно несли службу в музыкантских командах и воинских оркестрах.

Ратное дело не позволяет скидок на возраст: полтора предвоенных года рядовой Кузнецов наравне со взрослыми занимался боевой и политической подготовкой, как штык привычно поднимался ни свет ни заря по сигналам учебно-боевых тревог. Однако тревога ранним утром 22 июня 1941 года словно перечеркнула время надвое: «Война!» Её ждали, но удар всё равно оказался неожиданным, исподтишка...

Григорий Леонтьевич Кузнецов

Уже на второй день войны гитлеровская авиаразведка обнаружила 271-й полк, и «Юнкерсы» начали бомбить колонны прямо на марше.

– Около 11 часов утра мы вступили в первый бой, – вспоминает Григорий Леонтьевич. – Немцы поливали наши позиции беспощадным миномётным и автоматным огнём. А у нас в подразделении были миномёты, но не

было мин к ним! А за месяц до начала войны в полк поступил... лишь один автомат ППШ¹.

Что бы на это сказали некоторые ретивые «учёные», стремящиеся бесстыдно перекроить историю, заявляя, что Гитлер, напав на СССР, просто упредил Сталина, готового напасть на «мирную» Германию? Вот тебе и «армия вторжения» – без мин, с одним автоматом на 2500 бойцов...

– Фашисты имели подавляющее преимущество в технике, у нас же – одна автомашина на весь полк! А так все – на конской и людской тяге, – говорит Кузнецов. – У «фрицев» даже конные повозки были приспособлены для войны, по сравнению с которыми наши выглядели крестьянскими телегами.

По словам Кузнецова, командир дивизии генерал-майор Терентий Бацанов, узнав о начале войны, в сердцах воскликнул: «Чем же я буду воевать, подушками, что ли?! Нас убеждали: не поддавайтесь на провокации!.. И что в результате? Ни один снаряд, ни один патрон не позволили забрать с собой. Всё осталось на складах! Не то что воевать – застрелиться нечем!» Долгое время Григорий Кузнецов ничего не знал о судьбе своего комдива, считая Бацанова пропавшим без вести. Лишь совсем недавно он выяснил, что Терентий Кириллович погиб в бою при выходе из окружения в сентябре 1941-го.

¹ ППШ – пистолет-пулемёт Шпагина, разработанный в 1940 г. Являлся основным пистолетом-пулемётом советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне

Свой последний бой полк провёл в окружении 1–2 июля около города Дзержинска. Григорий принимал участие в этом сражении, в котором красноармейцы уничтожили 5 немецких грузовиков с солдатами. Наши тоже несли большие потери, поэтому командир принял решение разбить подразделение на мелкие группы и пробиваться на восток к своим. Кузнецова же решил поберечь: посчитал, видимо, что из окружения, скорее всего, живыми выйти мало кому удастся, а так прибьётся мальчишка к кому-нибудь – мир не без добрых людей – глядишь, и уцелеет.

Молодость моя – Белоруссия

Так оно и вышло – до февраля 1943 года досыта хлебнувший лиха Гриша жил в приютившей его семье Красько. Там он познакомился с бежавшими из плена красноармейцами, которых белорусские патриоты укрывали у себя в бане. И с ними, несмотря на уговоры хозяев, отважный мальчуган ушёл к партизанам. Иначе поступить он не мог.

– Проводили меня со слезами безо всякой надежды, что когда-нибудь увидят меня живым. Но после Победы мы встретились, и связь с родными мне людьми я поддерживал до самого ухода их в мир иной, – вспоминает Григорий Леонтьевич.

В феврале 1943 года Григорий Кузнецов присоединился к бригаде народных мстителей во главе с легендарным партизанским «батей» Фёдором Зыряновым. Старшие товарищи научили его владеть всеми видами оружия, минному и подрывному делу. В

своём первом партизанском бою группа Кузнецова захватила обоз с вооружением и взяла в плен 5 полицаев. За участие в этой операции Григорий был отмечен первой боевой наградой – медалью «За боевые заслуги» и принят в комсомол.

Навсегда в памяти Кузнецова остался тяжёлый бой по уничтожению крупного немецкого гарнизона в Голубичах.

– В трёхчасовом сражении враг потерял убитыми около 100 солдат и офицеров, 21 был взят в плен. В этом бою меня ранило в ногу осколком гранаты, – говорит Кузнецов.

А через месяц Григорий был ранен вторично в ходе партизанской операции в деревне Шипы, за отличие в которой юного партизана наградили орденом «Красной Звезды».

Тяжёлые испытания выпали на долю белорусских партизан весной 1944 года. Немцы ожидали масштабного летнего наступления Красной Армии, поэтому их сильно беспокоила «пятая колонна» в собственном тылу: дерзкие вылазки народных мстителей мешали оккупантам подготовиться к отражению удара. Гитлеровцы решили провести крупную карательную операцию в прифронтовой зоне, отрядив против партизан огромную войсковую группировку – три полнокровных дивизии мотопехоты, 250 орудий, 170 танков и 75 самолётов. Непрерывные бои с карателями длились с апреля по май. Силы были неравными, обе стороны несли многочисленные потери. Когда кольцо блокады сузилось до 8 км, партизаны

пошли на отчаянный прорыв. Три тысячи бойцов героически пали в последнем отчаянном сражении, однако большинству удалось пробиться из окружения и влиться в регулярные войска Красной Армии.

Характеристика, данная на Григория командованием, гласит: «За полтора года борьбы в тылу немецко-фашистских войск на боевом счету партизана Кузнецова 3 убитых немецких солдата, 2 подорванные на минах машины и 2 мотоцикла». Григорий Кузнецов – самый непосредственный участник так называемой «рельсовой войны», оказавшей неоценимую помощь Красной Армии в её наступательных операциях. Смелый и удачливый партизан, рискуя жизнью, лично подрывал эшелоны с живой силой и техникой противника.

Шестнадцатилетний комиссар

После боёв Кузнецов был направлен на восстановление работы сельских советов освобождённых районов. Надо сказать, это было крайне опасным делом, наверное, гораздо опаснее, чем быть партизаном или красноармейцем. В дремучих белорусских лесах остались недобитые фашисты, полицаи, разное бандитское националистическое отребье. Их бесчинства по своей звериной жестокости даже не с чем сравнить. Скольким опасностям подвергался «маленький комиссар», как прозвали Кузнецова местные жители, ведь попадись он в лапы изуверов – расправа была бы ужасной! Смерть буквально ходила по пятам Григория, «лесные братья»

объявили на него настоящую охоту, но смелый паренёк был умнее и хитрее своих врагов...

Выполнив важное задание, Григорий Кузнецов ушёл в ряды Красной Армии, в которой прослужил 43 года, пройдя трудный путь от простого солдата до полковника – начальника кафедры Пермского ракетного училища. После увольнения из Вооружённых сил, Григорий Леонтьевич не ушёл на заслуженный отдых. В 1987 году его пригласили в Пермскую фармакадемию на должность доцента кафедры философии, где этот замечательный человек трудился, пока позволяло здоровье. Годы, конечно, берут своё, они, увы, не щадят фронтовиков, однако Кузнецов – человек ещё той, старой закалки, настоящий боец из славной породы людей, что ни при каких обстоятельствах не ломаются, сохраняют силу воли и бодрость духа, подавая исключительный пример молодым. Есть в нём что-то от забытого уже образа русского офицера, что может быть одновременно учтив, добросердечен в быту и бесстрашен на поле боя...

НЕСЛОМЛЕННЫЙ

Павел Николаевич Лысенко

Уму непостижимо, какие нервы надо было иметь, чтобы под самым носом у своих палачей, под круглосуточным надзором развернуть и выиграть войну...

И не где-нибудь, а в одном из самых мрачных мест в истории человечества – Бухенвальде. Заточенный в этом концлагере на два года, в сыром подвале без вентиляции, в голоде и кромешной тьме, готовил восстание Павел Николаевич Лысенко, студент Пермского фармацевтического института, а после – скромный учитель химии.

В сентябре 1941 года 22-летний лейтенант-артиллерист Павел Лысенко в тяжёлом бою под

городом Лубны Полтавской области был контужен и попал в плен. Пленных в ту роковую годину было много, и фашисты их не жалели: огромной массой гнали в Уманскую яму, усеяв трупами красноармейцев все украинские дороги. По пути в концлагерь Павлу удалось бежать. Обессиленный, он на «морально-волевых» преодолел несколько десятков километров по полям и лесам, еле дополз до дороги и упал в засохшую траву кювета. В ноющем, истерзанном теле едва теплилась жизнь, когда молодого лейтенанта обнаружили и подобрали местные жители. Два месяца простые украинские люди выхаживали Павла и, когда он смог встать на ноги, направили к партизанам.

Увы, не все малороссы стали народными мстителями: нашлись и те, кто начал с лакейской готовностью прислуживать оккупантам. Полицаи схватили Лысенко на пути в лес и заключили в фильтрационный лагерь. Однако через несколько месяцев Павел опять пытается уйти в побег, и вновь неудачно... На исходе первого дня свободы он попадает в карательную облаву, и фашисты бросили юношу в карцер кировоградской тюрьмы, откуда только два пути – смерть или Бухенвальд! Впрочем, два этих страшных слова, по сути, синонимы.

На решётке входных ворот Бухенвальда красовалась издевательская надпись «Каждому своё!» На территории лагеря смерти находились огромный оружейный завод, несколько специальных цехов и мастерских, каменоломня, огород и даже свинарник.

Однако основная масса лагерных учреждений имела далеко не производственное назначение, так как Бухенвальд был построен, в первую очередь, для уничтожения людей. Двойной забор из колючей проволоки под током высокого напряжения, пулемётные вышки, окопы и блиндажи эсэсовской охраны скрывали от внешнего мира бараки узников, «комнаты смерти», крематории.

Слева у ворот возвышалась лагерная тюрьма, которой командовал палач – гауптшарфюрер Зоммер, собственноручно удушивший 180 заключённых. Для этого изувер имел переносную виселицу собственного изобретения. Кроме того, обладая громадной физической силой, Зоммер часто бахвалился, что может пятью ударами кулака насмерть забить узника.

С эсэсовским палачом конкурировала супруга коменданта концлагеря Эльза Кох. Ради звериного наслаждения садистки по её заказу охранники специально убивали заключённых, которые имели татуировки. К апрелю 1945 года 2000 кусков человеческой кожи – абажуры, перчатки, салфетки – было накоплено в коллекции у кровавой Эльзы. В стены подвала крематория было вбито 47 крюков, на которые подвешивались оглушённые жертвы. Изверги живьём сдирали с них кожу!

Конечно, больше других от зверств гитлеровцев страдали русские военнопленные. Они тысячами умирали от непосильной работы на каменоломнях и огороде, где все действия по транспортировке земли и камня на носилках происходили... бегом. Но чаще всего

фашисты безо всяких поводов убивали русских прикладами, камнями, стеками, расстреливали из пистолетов и травили собаками. Каждый раз после такой расправы по указанию гестапо её участники получали неограниченное количество водки и закуски.

Когда в 1941 году в Бухенвальд пригнали первую партию русских, эсэсовцы выстроили всех заключённых лагеря – поляков, чехов, югославов – и мимо них провели едва передвигавших ноги красноармейцев. Издеваясь над узниками, комендант выкрикнул: «Вот ваша Красная Армия, смотрите на своих освободителей!» Даже в страшном сне не могло тогда присниться подонку, что его слова станут пророческими...

В страшных застенках, где человеку предлагали на выбор – смерть или покорность, мужественные люди выбирали третий путь – борьбу. Одним из активных участников этой борьбы стал Алек Миронов. Именно под таким именем попал в Бухенвальд Павел Лысенко после побега. Он сразу включился в работу подпольного интернационального центра, созданного антифашистами и давшего заключённым цель и надежду в жизни.

Для начала узники врыли в фундамент виллы коменданта Коха – того самого, что повесил на воротах садистский лозунг – капсулу со своим ответом *«Принуждённые, но не сломленные»*. По решению интернационалистов Алека направили на работы в

«кантин¹». Ему, как знавшему химию, было дано задание найти путь изготовления самодельного взрывчатого вещества и оружия, а также подготовить группу узников к восстанию.

Под вывеской «кантина» гитлеровские палачи организовали лабораторию, где предприимчивые эсэсовцы из лагерного материала наладили производство мыла, парфюмерии, удобрений. Нетрудно догадаться, что это был за «лагерный материал» – сырьём для парфюмерного бизнеса изуверов стали замученные в неволе узники! Это из русских военнопленных, польских патриотов и немецких антифашистов гитлеровцы варили мыло. Теперь прах казнённых и сожжённых заживо людей должен был послужить подпольщикам Бухенвальда...

Алек Миронов вместе с польским коммунистом Здзіславом Левандовским придумали, как из подручных средств сделать нитроклетчатку, сконструировали самодельные гранаты и фугасные бомбы.

Однажды во время работы произошёл взрыв: Алека ранило в бедро и руку. Товарищи лечили пострадавшего два месяца, во время которых Миронов не оставлял изысканий.

Учтя все ошибки, он разработал новую схему ручной гранаты, но без эксперимента не было смысла приступать с массовому производству. Испытание решили провести в подвале, в ящике с песком.

¹ От нем. Kantine – столовая

Взрыв, чтобы его не услышала охрана, можно было произвести только в одно время – когда эсэсовцы расстреливали узников. Грохот пулемётных очередей заглушил шум от взрыва. Эксперимент удался: граната разлетелась на множество осколков, и уже в следующую ночь на лагерном заводе непокорённые узники собрали первые гранаты.

Два года заточения в сыром подвале, без вентиляции, только при искусственном освещении, с газообразными, вредными для организма веществами, естественно, сказались на здоровье Алека. Но ему некогда было о нём думать. Трудолюбивые руки этого человека под занесённым топором изготавливали оружие для восстания обречённых. К началу восстания подпольщики Бухенвальда имели 26 пистолетов и винтовок, около 100 самодельных гранат, 200 фугасок и зажигательных бутылок, более 300 ножей, кортиков, кинжалов, ножниц для резки проволоки. Эти цифры могут показаться скромными, если забыть, где происходило дело.

11 апреля 1945 года раздался взрыв мироновской фугасной бомбы – на воздух взлетела охранная вышка СС. Это был сигнал начала вооружённого восстания. Подпольные батальоны бросились на штурм проволоки, в пулемётные гнёзда охраны полетели гранаты и бутылки. Штурмом были взяты казармы, разоружены или уничтожены обалдевшие от неожиданной атаки эсэсовцы. Замученные фашистами узники даже после своей смерти отомстили своим палачам. Души 52 тысяч

казнённых в Бухенвальде людей наблюдали, как начинённые их прахом гранаты разят фашистов...

Через час после взрыва фугаски русский подполковник Иван Смирнов доложил командующему восстанием французскому полковнику Фредерику Мане: «Товарищ командующий, восстание узников Бухенвальда победоносно завершилось». Над бараками взвились кумачовые флаги, а на виселице болталось чучело Гитлера...

Оружие, созданное подпольщиками при непосредственном руководстве Алека Миронова, помогло восставшим, но сам он, к сожалению, не смог разделить радость победивших узников Бухенвальда. За два дня до начала восстания фашисты эвакуировали Алека в «поезде смерти», который хотели подогнать к одному из военных заводов и уничтожить с помощью... американской авиации. Однако Миронов, на ходу выломав дверь, в третий раз бежит из плена. После долгих скитаний ему удаётся пробиться к своим и встретиться с танкистами 4-го Украинского фронта. Алек Миронов вновь стал лейтенантом Павлом Лысенко. С друзьями-танкистами ему довелось участвовать в освобождении Праги. Произошло это на рассвете 9 мая 1945 года.

В нынешнее время трудно поддаются восприятию удивительное мужество и стойкость нашего земляка, непримиримая ненависть к врагам и неиссякаемое стремление бороться даже там, где, казалось бы, исключалась всякая возможность борьбы. «Плен – страшная штука, но ведь это тоже война, – напутствовал

перед собственной мучительной смертью генерал Дмитрий Карбышев своих товарищей по несчастью. – И пока война идёт на Родине, мы должны бороться здесь». И Павел Николаевич Лысенко выиграл эту войну.

ГЕРОЙ НЕОКОНЧЕННОЙ ВОЙНЫ

Игорь Владимирович Кульпин

В Прикамье Игоря Владимировича знает каждый, кто носит военную форму, кто хоть раз держал в руках оружие, служа своей Отчизне. Для них он без всякого пафоса – сын, отец и брат. Герой войны в Афганистане, выдающийся спортсмен, бескорыстный общественный деятель – настоящий, а не ряженный патриот России и родного края.

Успешный бизнесмен и меценат, он мог давно плюнуть на всё и на всех и, думая только о собственном

благополучии, двигаться к высотам власти и богатству. Но в первую очередь Игорь Кульпин – солдат, для которого есть вещи поважнее денег.

Афганский излом

Официально эта война длилась девять лет, один месяц и 19 дней. Но для большинства её ветеранов она не утихала и после вывода советских войск из Афганистана в 1989-м. Когда солдаты возвращались домой, оказалось, что время героев прошло, и они никому не нужны. И даже мешают: застыт тут, понимаешь, глаза своим героизмом и благородством.

«Вы – агрессоры! Не интернационалисты, а интервенты!», – захлёбывались в истерике многие тогдашние СМИ. «Вы воевали за другую страну, мы вас туда не посылали», – откровенно издевались дорвавшиеся до власти и больших денег нувориши. Новые герои нового времени. Вернее, персонажи... Встречаются такие и сейчас. Как например директор одной из школ, что препятствовал установлению мемориальных досок на стене школы, в которой учились два пермских парня, павшие смертью храбрых в Чечне. Дескать, это может травмировать неокрепшую психику учеников. Бред-то какой, а?..

«Афганцев» не брали на работу, им не собирались давать положенные льготы, саботировали выплату кровью заработанных пособий. Бесстрашные под огнём моджахедов, парни терялись и глотали слёзы от бессилия перед каким-нибудь бессовестным бюрократом. Не столько тяжёлые бои в Кандагаре и

Герате, сколько подобное отношение виновно в пресловутом «афганском синдроме», поразившем души многих молодых героев. От безысходности некоторые спивались, другие, потеряв надежду, уходили в бандиты. И продолжали погибать, словно на войне...

Игорь Кульпин понял: раз так, в борьбе за справедливость придётся научиться быть зубастым и научить братьев по оружию быть такими же сильными и мужественными, какими они были там, за речкой... А этих качеств ему было не занимать – он воспитывал их с детства.

Там, за речкой...

К армейской службе он готовился с юных лет – занимался боксом и парашютным спортом, бегал, подтягивался, отжимался. Словом, копил силушку – чувствовал, что пригодится она. Парню, который не ищет легких путей, любит небо и здоровый экстрим, дорога одна – в воздушный десант, которым Кульпин мальчишкой просто бредил, много раз пересматривая фильм «В зоне особого внимания». Два года Игорь Кульпин прослужил на границе с Польшей, затем остался на сверхсрочную, поступив в школу прапорщиков.

В это время как раз началась война в ДРА¹. Рапорты с просьбой отправить в Афганистан писал, наверное, каждый второй военнослужащий. Так были

¹ ДРА – Демократическая Республика Афганистан

воспитаны советские парни: если твои товарищи воюют, нельзя оставаться в стороне.

Но на командные должности отбирали только самых-самых. Даже в ВДВ, хотя, казалось, что там выбирать – все ребята как на подбор, готовы, если надо, хоть с самим дьяволом сразиться и победить. Однако из двухсот желающих «за речку» отправились только двое, и один из них – Игорь Кульпин.

Вот гдегодились Родине выучка и бесстрашие пермяка. Скольких пацанов за два с лишним года уберёт прапорщик Кульпин от душманской пули, знают только их матери, которые до сих пор ставят за него свечи в храмах.

За мужество и героизм Игорь Владимирович был награждён орденом Красной Звезды. А по мнению его боевых друзей, был достоин и большего – Золотой Звезды Героя...

Бизнес по-«афгански»

Вернувшись в Пермь, Игорь Кульпин подключился к работе знаменитого патриотического клуба «Саланг», объединившего воинов-афганцев. Парни занимались с молодёжью, в том числе, и с трудными подростками – готовили их к службе в армии. Кульпин до сих пор правильно понимает, что такое патриотическое воспитание юного поколения. Не красивые лозунги, парады и фанфары, а каждодневная кропотливая работа и личный пример.

Для будущих солдат ветераны были настоящими героями, в отличие от «прорабов перестройки». Кульпин

видел, как меняется отношение к воинам-интернационалистам, какие унижения приходится им терпеть, поэтому решил: «Хватит!» Денег на добрые дела ему никто на блюдечке не подносил, да и кланчить их у государства он не собирался. Вскоре Игорь Владимирович вместе с единомышленниками организовал первое собственное дело – молодежный инженерный центр «Синус».

По мнению Кульпина, военные – лучшие менеджеры и организаторы. И действительно, в обязанности воинского начальника входит не только руководство солдатами в бою. Их нужно вовремя накормить, обмундировать, обеспечить всем необходимым, обиходить технику. Поэтому бизнес, возглавляемый Кульпиным, пошёл в гору. Боевые товарищи сразу оценили достойные профессиональные и человеческие качества Игоря Владимировича, признав его своим лидером. Они, наконец, поняли, что нужны своей стране и вместе они – сила.

Конечно, кое-кому не нравилась активность «афганцев» – на дворе-то были лютые 90-е. Приходилось бороться с коррупцией, давать отпор криминалу, представители которого, впрочем, не особо желали столкновений с сильными и мужественными парнями. Себе, как говорится, дороже. Но находились люди, которые пытались очернить деятельность Кульпина и его товарищей: дескать, чем они лучше этих самых бандитов? Время всё расставило на свои места: никакая грязь к репутации Кульпина не прилипла – проверяйте, если хотите...

– Игорь – сильный человек с богатым жизненным опытом, с широким кругозором и многосторонними знаниями (три высших образования!) которыми всегда готов поделиться, – рассказывает чемпион мира по бодибилдингу, ветеран ВДВ Михаил Юсев. – Мне навсегда запомнился его урок: «У власти не надо ничего просить, нужно всегда быть в развитии и делать по максимуму то, что зависит от нас. Или надо самим идти во власть!»

И сбылось ведь – однажды улыбчивого мужчину с боевым орденом на груди народ выбрал своим депутатом в гордуме.

Ради братьев по оружию

В 90-е годы Игорь Кульпин возглавил комитет ветеранов войны в Афганистане, затем по его инициативе был создан Фонд помощи семьям погибших военнослужащих «Чёрный тюльпан».

Не удивительно, что со временем Игорь Владимирович стал лидером всего служивого сообщества Прикамья. Согласитесь, ведь не только афганцы – герои? А чем хуже парни, воевавшие в Чечне, на Донбассе, в Сирии? Поэтому совершенно справедливо воины решили объединиться в «Боевое братство», куда входят ветераны разных родов войск, участники всех войн и конфликтов.

Руководить ими дело хотя и благородное, но отнюдь не всегда благодарное, зато всегда хлопотное. Перечислять заслуги Кульпина на этом поприще – не хватит места. Как не хватит места для слов

благодарности от тех, кому он помог – пусть не обижаются на меня его боевые друзья. Скажу лишь одно: никто не сделал столько для ветеранов войн, сколько он. О помощи людям Кульпин думает всегда, еже-се-кундно! И думы эти у него никогда не расходятся с делом.

– Я иногда боюсь с ним ездить на машине, когда он за рулём, – улыбается Ирик Шигабутдинов, заместитель Кульпина по работе в «Боевом братстве». – Глянешь на него, а он задумался о чём-то, хмурится, подсчитывает в уме – про дорогу совсем забыл. «Ты чего, Игорь?» – спрашиваю. А он словно очнётся, улыбнётся и скажет: «Тут вот ещё что для мам погибших пацанов можно сделать...»

Такой вот он – герой неоконченной войны...

ОБОЙМА КАЧЕСТВ ПОЛКОВНИКА МАРКАНОВА

Александр Юрьевич Марканов

Сотрудник уголовного розыска сродни боевому патрону – вся жизнь в обойме, круглые сутки во взведённом состоянии, вне зависимости от погоды, болезни или заслуженного отпуска. Опер, если надо, готов, что называется, выстрелить в любой момент, но умеет делать свою работу тихо, без лишнего шума – надёжно и добросовестно.

Это верх профессионализма сыщика – так учит Марканов. Его имя молодые оперативники произносят с нескрываемым уважением, для многих Александр

Юрьевич сродни легенде – элита пермского сыска. Его репутация безупречна и незыблема, у него учатся, на него стремятся быть похожими. А репутация руководителя в уголовном розыске – первейшее качество. Именно оно заставляет оперов работать в едином ритме, понимать друг друга с полуслова, жить в одной обойме. Только так можно выручить кого-то из беды, спасти чью-то жизнь.

Будни сельского опера

В Сылвенское ПОМ¹ Александр Марканов пришёл работать после службы в Мотовилихе. Городскому оперу пришлось столкнуться с такими преступлениями, как кражи скота и сена, лодок и лодочных моторов, конокрадство, браконьерство, незаконные порубки леса, хищения ульев и мёда с пасек, кур с птицефабрик, воровство из дачных домиков и урожая с полей. Дополнительно – разборки с цыганами, вылавливание из реки утопленников, розыск заблудившихся в лесу грибников.

– Я научился гоняться на служебной лодке за угонщиками и браконьерами, – говорит Александр Марканов. – Словно в морском бое брать их катера на abordаж и сшибать веслом колпачки со свечей зажигания лодочного мотора, тралить реку в поисках сетей, буксировать утопленников. Я смотрел цепным псам в глаза и показывал им зубы, останавливал трактора с пьяными водителями, разнимал драки,

¹ ПОМ – поселковое отделение милиции

ходил по браконьерским тропам и ночевал в лесу, подстерегая преступников в засадах.

Протяжённость территории, которую обслуживал Марканов с коллегой-опером и четырьмя участковыми – больше 50 километров. Два посёлка, но в основном деревни. А больше – леса, поля, дачные кооперативы и базы отдыха. И, конечно, реки Сылва и Чусовая, постоянно озадачивавшие правоохранителей неприятными сюрпризами.

На службу оперативник ходил в милицейской форме. О гражданском костюме пришлось забыть – от бесконечных хождений в пыли и грязи по лесным дебрям, езды на попутках и моторках, лазаний по погребам и подвалам он за три дня превратился в неряшливую тряпку. Работал Марканов круглые сутки – бывало, удавалось поспать лишь два-три часа, не расстёгивая ремней и не снимая кителя. В общении с селянами Александр Юрьевич ни разу не перегнул палку, никого не подвёл и не обманул. И люди шли к нему, потому что поверили, что он – настоящая власть, справедливая и всегда готовая прийти на помощь. Даже тогда, когда её, казалось, не ждут.

Однажды Александр Марканов шёл вечером домой со службы. Навстречу ему попался местный житель, который нёс в руках сапоги. Ну кто бы обратил на эту мелочную деталь внимание, что тут необычного – не пулемёт же несёт?

– По пути меня остановил знакомый шабашник и недоумённо стал рассказывать: мол, повесил сушиться сапоги, а через пять минут их и след

простыл – спёрли прямо из-под носа! Просто так сказал, для сведения, без всякой надежды, что я буду искать какую-то там грязную обувь, – вспоминает Александр Юрьевич. – А я ему, недолго думая, называю адрес и фамилию мужика: дескать, зайди и передай, что Марканов велел отдать сапоги.

Счастливый потерпевший потом долго всем рассказывал о прозорливости пермских оперов: вещь ещё украсть не успели, а Марканов уже всё знает!

Хроники убойного отдела

После восьми лет службы в Сылвенском ПОМ Александр Марканов пошёл на повышение – в убойный отдел областного УВД. А в это суровое подразделение абы кого не берут, одного желания опера тут мало – нужно было с лучшей стороны показать свои способности, заручиться рекомендациями опытных коллег, пройти жёсткий конкурсный отбор. Далеко не каждый сыщик морально и физически готов расследовать убийства, надо иметь железные нервы – ведь порой душегубы оставляют после своих злодейств такие страшные картинки, что никакие фильмы ужасов их не передадут, и даже здоровые мужики в обмороки падают, словно румяные гимназистки.

– В отдел уголовного розыска по раскрытию особо тяжких преступлений ГУВД Прикамья (в просторечии – убойный отдел. – прим.авт) меня рекомендовал полковник Владислав Кочергин, с которым мы вместе служили в Пермском районе, – рассказывает Александр Марканов. – Мы с ним друг друга даже на

соцсоревнование вызывали – было такое явление при Советской власти. Опера состязались в профессиональном мастерстве – кто больше раскроет или предотвратит преступлений, задержит жуликов.

Жизнь показала – соревнование двух корифеев сыска закончилось боевой, но дружеской ничьёй. Оба сыщика стали полковниками и начальниками уголовного розыска Прикамья. Кстати, первое дело, которое доверили Марканову в убойном отделе, не было связано с убийством, однако считалось довольно трудным и резонансным. В Красновишерском районе прямо с драги¹ на прииске стали пропадать алмазы. Александр Юрьевич быстро нашёл и обезвредил расхитителей – такое вот «алмазное» начало карьеры! А убийства, увы, от него никуда не делись. Время было такое, когда жизнь человека большой цены не имела, и злодеи брали грех на душу, почти не задумываясь, отнимая её у невинных граждан за пару червонцев, бутылку водки и даже за косой взгляд. А сотрудникам убойного отдела доставались самые запутанные, неочевидные убийства, когда злоумышленник всё до мелочей продумал и сделал всё возможное, чтобы остаться безнаказанным. В год Александр Марканов раскрывал по 10–12 таких преступлений, значит, за восемь лет службы их набралось не меньше

¹ Дра́га – комплексно-механизированный горно-обогатительный агрегат, работающий по принципу многоковшового цепного экскаватора, установленный на плавучую платформу.

восемидесяти. Не считая тех, что сыщик размотал будучи оперуполномоченным уголовного розыска в Пермском районе. И одним из первых, так получилось, стало убийство на его бывшей оперативной территории.

– В одной из квартир в посёлке Сылва убили молодого человека – тело завернули в ковёр, выбросили в окно, а ночью увезли в лес и подожгли, чтобы скрыть улики и затруднить опознание, – начинает леденящий душу рассказ Александр Юрьевич. – К счастью, я как раз находился дома, поэтому по горячим следам принял деятельное участие в раскрытии преступления. Конечно, огромную роль сыграл тот факт, что я был на «своей земле», где меня хорошо знали и доверяли. Не пришлось даже ехать на место происшествия – ко мне всю ночь приходили люди, которые рассказывали о том, что знали, слышали или видели. Свидетельские показания нарисовали полную картину убийства, не хватало одной детали – было неизвестно, где конкретно в лесу спрятан труп. Для его поиска я направил местного охотника с собакой. Когда утром они нашли полусожженное тело, только после этого я поднял опергруппу и следователя. Пока тот проводил осмотр, я уже дал полный расклад местным сыщикам: кто убивал, кто и на чём вывозил, кто поджигал. Остальное – дело техники... Хотя это не типичный случай, потому что раскрытие преступлений, особенно убийств, – это коллективный труд: один получил оперативную информацию, другой сумел задержать злоумышленника, третий добился от

преступника откровенного признания в содеянном, четвёртый собрал полную доказательную базу и подготовил дело в суд...

Безусловно, у оперов не принято выражение «Я раскрыл», и полковник Марканов в нашей беседе больше всего выделял заслуги своих коллег, из скромности оттеняя свои.

– Владислав Кочергин – энергичный, напористый, благодаря этим качествам и желанию поскорее добиться результата он раскрыл много убийств, – кратко характеризует своих товарищей по убойному отделу Александр Юрьевич. – Сергей Зименко – тот наоборот, вдумчивый, спокойный, склонный к анализу, скрупулезно раскручивал «висяки», даже совершённые много лет назад. У Анатолия Попова был талант работать с уже арестованными преступниками, порой, он разматывал целые клубки разнообразных злодеяний.

Однако бывают преступления, которые так и остались бы безнадежными «глухарями», если бы не его личные способности сыщика. И те же самые коллеги Марканова уверены, что их товарищ обладает целой обоймой таких качеств: он не просто опер-сорохват, который может только «искать, ловить, держать и не пущать», но и тонкий психолог.

Александр Юрьевич знаком с психиатрией и нейролингвистикой, способен по мимике и жестам без всякого «полиграфа» распознать, правду говорит человек или бессовестно лжёт. Но главное – умеет разговаривать с людьми, обладает настолько

удивительным даром убеждения, который даже самого отъявленного злодея заставляет поверить, что лучше сказать правду и сесть в тюрьму, чем соврать и остаться на свободе...

Гроза авторитетов

Когда создавались управления по борьбе с организованной преступностью, перед их сотрудниками ставились две основные задачи – борьба с коррупцией и бандитскими группировками. Александр Марканов возглавил подразделение в пресловутые 90-е годы, когда на улицах Перми криминальные банды вели откровенную войну – с кровавыми разборками, отчаянными перестрелками. Марканову и его подчинённым пришлось столкнуться с новыми для того времени видами преступлений – заказными убийствами, рэкетом, разбоями, совершаемыми с особой жестокостью. Пост начальника УБОП¹ по блату не достаётся – служба более чем хлопотная и опасная. Как сказал один из коллег Александра Марканова, он бы пошел работать в УБОП только по приговору суда, а по собственному желанию – ни за какие коврижки! По ту сторону баррикад – самые отъявленные бандюги, порой, самые настоящие отморозки, у которых на душе нет ничего святого, и ко всему прочему организованные, хорошо законспирированные, вооружены до зубов и решительны.

¹ УБОП – управление по борьбе с организованной преступностью.

Наш край пытались атаковать «воры в законе» и лидеры ОПГ¹ из разных регионов России, хотели у нас прижиться. Однако ничего у них не вышло, потому что криминальные авторитеты и их подручные «шестёрки» тут же попадали под плотную опеку оперативников УБОП: их регулярно, мягко говоря, беспокоили – задерживали, обыскивали, если надо, клали на асфальт физиономией вниз. Оснований для таких жёстких действий у оперов было предостаточно. Но иногда они и без силового вмешательства разобщали банды, действуя умом и смекалкой. Что и говорить, трудно жилось ворами в Прикамье – нервозно и неловко, как на точиле. Попробуй побандитствуй, если каждого шороха боишься и в любую минуту ожидаешь внезапного визита компании оперов с их мудреными подходцами!

– Пермский УБОП обезвреживал до десяти опасных бандитских группировок в год, – вспоминает Марканов. – Однако в 2006 году все управления по борьбе с организованной преступностью были неожиданно расформированы. Причины назывались разные: от «стали слишком самостоятельными» до «времена изменились». Однако хочется полагать, что подразделения были упразднены всё-таки потому, что они до конца выполнили свою основную задачу – сломали хребет оргпреступности, сбили короны с криминальных авторитетов, расправились с самыми одиозными злодеями, разогнали жестокие банды. Согласитесь, никто сейчас, как в 90-е годы, со

¹ ОПГ – организованная преступная группа

стволами по улицам Перми не бегают, разборки на глазах у всех не учиняет.

Опер не убил в себе человека

Сейчас многие говорят о профессиональной деформации сотрудников уголовки. Дескать, жизнь у них как на войне, поэтому никакой жалости к преступникам они не испытывают и миндальничать не собираются. Вор должен сидеть в тюрьме – и всё тут! Однако Александр Марканов видит роль сыщика несколько шире, для него далеко не все преступники – безнадёжно потерянные для общества отъявленные мерзавцы. Есть просто оступившиеся, жертвы обстоятельств, в которых, если верить русской поговорке, может оказаться каждый человек. Поэтому иногда нужно поддержать такого, похлопав его по плечу, а не ударив по шее...

– Был со мной такой случай: приходит в отделение потерпевший весь в синяках и заявляет, что его избил поднадзорный, – рассказывает Александр Юрьевич. – С этой категорией граждан было всё строго: три нарушения режима, даже незначительных, вроде тех, когда дорогу на красный свет перешёл – и в тюрьму без разговоров. А тут сразу такой проступок!

Казалось, что тут разбираться: вечером дома не был – раз, кулаки распустил – два, хватай за шиворот – в железо и в Сибирь, как говорится. Но Александр Марканов никогда не был прямолинейным службистом словно конандойловский инспектор Лестрейд, который

сначала всех подряд арестовывал, и только потом разбирался, кто виноват...

– Я уже машину вызвал с конвоем. Поднадзорный отпираться не стал: да, избил, говорит, но за дело, – продолжает Марканов. – Оказалось, жена поздно возвращалась домой с вечерней смены, а сосед подловил её и начал приставать. Женщина вся в слезах пришла – какой же тут нормальный мужик терпит! Естественно, оскорблённый муж вступился за честь супруги – вышел и прописал домогателю по первое число.

Хочется добавить – и какой нормальный мужик в этой ситуации отправит человека в тюрьму!

– Жена уже узелок собрала своему супругу – сидит понуро, плачет. Я позвонил в «дежурку» и дал отбой машине: дескать, на месте разобрались, – говорит Александр Юрьевич. – А вот прав я или нет был тогда – это как посмотреть. Но я и позднее встречал этого мужчину, у него уже взрослые дети, внуки растут. Семья крепкая, законопослушная. Знаю, что ничего противоправного с тех пор он не совершал... Что тут скажешь, каждый опер в первую очередь, конечно, должен закон соблюдать. Поэтому я не говорю, что в этой ситуации был прав на все сто процентов. Как ни крути, а лишнее на себя взял. Но выбор сделал! И о нём не жалею...

АВТОР БЛАГОДАРИТ

Очёрскую библиотеку и лично А. С. Солодникову, Е. О. Шадскую, А. В. Бакилину, А. И. Астахову, Н. Г. Окорокову;

Павловскую библиотеку и лично С. В. Бывальцеву и А. В. Микову;

Очёрский краеведческий музей им. А. В. Нецветова и лично Н. Е. Бесстрашникова, О. А. Чадову, Н. В. Игнатьеву, Н. О. Пономареву, И. В. Махначеву;

Совет ветеранов Очёрского городского округа и лично Н. П. Юхименко, Т. А. Попову, В. Е. Холопову, В. П. Гладкова;

Литературное объединение "Очёрская лира" и лично Т. А. Дрозд;

Пермское краевое отделение ВООВ "Боевое братство" и лично И. В. Шигабутдинова;

Членов Союза писателей России Ф. С. Вострикова, В. Ф. Гладышева, Н. Е. Гумерову, А. А. Дубровина, И. Н. Тюленева;

Членов Союза журналистов России М. И. Дурбале Л. В. Сосунову, Ю. А. Токранова;

а также Л. Г. Шарову, Т. Л. Шайдурову, А. П. Злыгостева, О. П. Пискарёву, О. И. Сидорову, В. Н. Маслянку, А. М. Кардапольцеву, А. В. Касьянова, Н. А. Даминову, М. Н. Карелину, Н. Д. Колчанову, В. Л. Волкову, В. П. Бояршинова, Ю. В. Чечеткина, В. С. Бикмаева, М. Н. Гурьянову, А. С. Куляпина.

Литературно-художественное издание

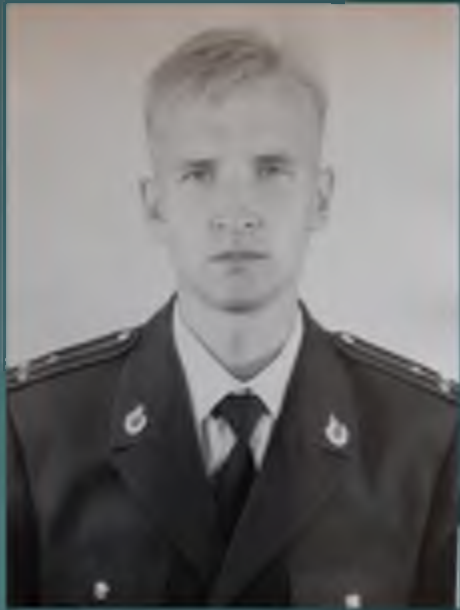
Шардаков Максим Алексеевич

СИЛЬНЕЕ «ГРАДА»

Сборник рассказов и очерков

12+

Корректурa. Верстка и дизайн *Е. О. Шадская*
Электронное издание

Максим Алексеевич Шардаков – писатель, журналист. Родился в Очёре. Выпускник исторического факультета ПГУ. Офицер запаса, служил в уголовном розыске и войсках МВД. Член Союза журналистов России. Трижды дипломант премии имени А. П. Гайдара. Автор трёх книг и многих очерков о замечательных людях Отечества в центральных и региональных СМИ, отмеченных различными наградами. Действительный член исторического клуба «Пермский краевед».

